

ISSN 2073-6339

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Политология. История.
Международные отношения»

Научный журнал

RSUH BULLETIN

“Political Science. History.
International Relations”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.

Founded in 1996

1
2019

VESTNIK RGGU. Seriya «Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya»

RSUH BULLETIN. “Political Science. History. International Relations” Series

Academic Journal

Quarterly issues.

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH BULLETIN. “Political Science. History. International Relations” Series is included in: the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific magazines journals and other editions for publishing PhD research findings

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

07.00.00 History and archeology:

07.00.02 Russian history

07.00.03 World history

07.03.09 Historiography, source study and methods of historical research

07.00.15 History of international relations and foreign policy

23.00.00 Political studies:

23.00.01 Theory and philosophy of politics, history and methodology of political science

23.00.02 Political institutions, processes and technologies

23.00.04 Political problems of international relations, global and regional development

23.00.05 Political regionalism. Ethnopolitics

Purposes and Field: RSUH BULLETIN “Political Science. History. International Relations” Series is an academic, peer-reviewed journal aimed at achieving the synthesis of research results in historical and political sciences, international relations, and world regional studies. The journal focuses on prominent issues of domestic and foreign development and international relations observed from historical retrospective as well as historical perspective. This journal is opened to theoretical and methodological researches, to the analysis of current dynamics of the political processes in Russia and in other countries, to inter-cultural communications in their regional and global dimensions.

The objectives of the series are:

- to unite the research trends oriented to the integrated political and historical study of contemporary society, international processes, countries and regions, and of intellectual history and historical politics;
- to promote the perspective forms of study (analysis, expertise, working out scenarios and projects);
- to encourage an academic discussion inside the country and initiate an academic exchange between Russian and foreign scholars on the current historical and political issues;
- to give an impetus to a new generation of scholars in history and political science.

The journal publishes the articles in Russian and English languages.

Key words: political science, history, historical politics, historiography, social and political communication, world integrated area studies, international relations, foreign policy, diplomacy

RSUH BULLETIN. “Political Science. History. International Relations” Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and Mass Media. 25.05.2015, reg. No. FS77-61886

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993

tel.: +7(495) 250-65-22; +7(495) 250-63-87

e-mail: anton.panov.fmoizr@gmail.com

zhuravlevavic@mail.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

07.00.00 История и археология:

07.00.02 Отечественная история

07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода)

07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования

07.00.15 История международных отношений и внешней политики

23.00.00 Политология:

23.00.01 Теория и философия политики, история и методология политической науки

23.00.02 Политические институты, процессы и технологии

23.00.04 Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

23.00.05 Политическая регионалистика. Этнополитика

Цели и область: ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» – академический, рецензируемый журнала, нацеленный на междисциплинарный синтез результатов исследований в области исторических и политических наук, международных отношений и мирового комплексного регионоведения. Журнал ориентирован на осмысление наиболее значимых проблем внутри- и внешнеполитического развития и международных отношений с учетом исторической ретроспективы и перспективы, на теоретические и методологические исследования, на изучение актуальной динамики политических процессов в России и различных странах, а также межкультурной коммуникации в ее региональном и глобальном измерениях.

Задачи серии:

- объединить исследовательские направления, ориентированные на комплексное историко-политологическое изучение современного общества, международных процессов, отдельных стран и регионов, интеллектуальной истории и исторической политики;
- способствовать поиску и апробации перспективных форм исследовательской деятельности (аналитика, экспертиза, разработка сценариев и проектов);
- стимулировать научную дискуссию внутри страны, а также научный обмен между российскими и зарубежными исследователями по актуальным историко-политологическим проблемам;
- содействовать формированию нового поколения исследователей-историков и политологов.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Ключевые слова: политология, история, историческая политика, историография, социально-политическая коммуникация, мировое комплексное регионоведение, международные отношения, внешняя политика, дипломатия

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, 25.05.2015 г., регистрационный номер ПИ № ФС77-61886 от

Адрес редакции: 125993, Москва, Миусская пл., 6

Тел.: +7(495) 250-65-22; +7(495) 250-63-87

электронный адрес anton.panov.fmoizr@gmail.com

zhuravlevavic@mail.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

A.P. Logunov, Dr. of Sci. (History), Professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

O.V. Pavlenko, Cand. of Sci. (History), Professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

V.I. Zhuravleva, Deputy Editor-in-Chief, Dr. of Sci. (History), Professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

N.A. Medushevsky, Deputy Editor-in-Chief, Dr. of Sci. (Political Science), Associate Professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Sciences), Associate Professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.I. Durnovtsev, Dr. of Sci. (History), Professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A. Filler, PhD, Assistant Professor, University Paris VIII (France)

D.S. Foglesong, Ph.D., Professor, Rutgers University (USA)

M.N. Grachev, Dr. of Sci. (Political Sciences), Cand. of Sci. (Philosophy), Professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Gushchin, Cand. of Sci. (History), Associate Professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

I. Klyukanov, PhD, Professor of Communication, Faculty of the Communication Studies, Eastern Washington University (USA)

M. Kramer, Ph.D., Professor, Harvard University (USA)

E.S. Melkumian, Dr. of Sci. (Political Science), Professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.S. Mirzekhanov, Dr. of Sci. (History), Leading Researcher, Institute of World History (IWH), Russian Academy of Sciences (RAS), Professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

P. Ruggenthaler, PhD., Senior Scientific Specialist, Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz-Vienna (Austria)

E.Y. Sergeev, Dr. of Sci. (History), Leading Researcher, Institute of World History (IWH), Russian Academy of Sciences (RAS), Professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

T.A. Shakleina, Dr. of Sci. (Political Science), Professor, Moscow Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs, Russia, Moscow, Russian Federation

- B. Shteltse-Marks*, PhD, Deputy Director, Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz-Vienna (Austria), Vice-President of Austrian Commission, UNESCO, Vienna (Austria)
- A.D. Voskressenski*, Dr. of Sci. (Political Science), Professor, PhD (University of Manchester), Moscow State Institute for International Relations, Ministry of Foreign Affairs in Russia, Moscow, Russian Federation
- A.L. Yurganov*, Dr. of Sci. (History), Professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.B. Antonova*, English texts editor, Cand. of Sci. (Methods of Teaching), Professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- L.A. Khalilova*, English texts editor, Cand. of Sci. (Philology), Professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A.A. Novikova*, Executive Secretary, Lecturer, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A.S. Panov*, Executive Secretary, Lecturer, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editors responsible for the current issue:

- E.A. Alekseeva*,
V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor (RSUH)
O.V. Pavlenko, Cand. of Sci. (History), professor (RSUH)
A.S. Panov (RSUH)
L.A. Khalilova, Cand. of Sci. (Philology), professor (RSUH)

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

А.П. Логунов, доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права ИАИ, заведующий кафедрой культуры мира и демократии ФИПП ИАИ, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Павленко, кандидат исторических наук, профессор, проректор по научной работе РГГУ, заместитель директора Историко-архивного института РГГУ по международной деятельности, зав. кафедрой зарубежного регионоведения и внешней политики ФМОиЗР ИАИ, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

В.И. Журавлева, зам. гл. ред., доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Н.А. Медушевский, зам. гл. ред., доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., профессор, Ph.D. (Манчестерский университет), Москва, Российская Федерация

М.Н. Грачев, доктор политических наук, кандидат философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Гущин, канд. ист. н., доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Дурновоцев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.С. Мелкумян, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

И. Клюканов, д-р филол. н., профессор, Восточно-Вашингтонский университет (США)

М. Крэмер, Ph.D., профессор, Гарвардский университет (США)

В.С. Мирзеханов, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН, профессор, Российский государственный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

П. Руггенталер, Ph.D., старший научный сотрудник Ин-та по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац-Вена (Австрия)

- Е.Ю. Сергеев*, д-р ист. н., гл. науч. сотр. ИВИ РАН, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А. Филлер*, PhD, доцент, Университет Париж VIII (Франция)
- Д. Фоглесонг*, Ph.D., проф. университета Ратгерс (США)
- Т.А. Шаклеина*, д-р полит. н., профессор, МГИМО (У) МИД России, Москва, Российская Федерация
- Б. Штельцель-Маркс*, PhD., зам. директора Ин-та по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, (Грац-Вена), вице-президент Австрийской комиссии ЮНЕСКО, Вена (Австрия)
- А.Л. Юрганов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация.
- И.Б. Антонова*, редактор текстов на английском языке, канд. пед. н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Л.А. Халилова*, редактор текстов на английском языке, канд. филол. н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.А. Новикова*, ответственный секретарь, преподаватель, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.С. Панов*, ответственный секретарь, преподаватель, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск:

- Е.А. Алексеева*,
В.И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор (РГГУ)
О.В. Павленко, кандидат исторических наук, профессор (РГГУ)
А.С. Панов, ассистент (РГГУ)
Л.А. Халилова, кандидат филологических наук, профессор (РГГУ)

CONTENTS

International Relations: History, Theory and Sociocultural Practice

- M.M. Sirovinskaya*
Right to Intervention in the Context of the National Movement
in Europe: Perception by “The United States Magazine
and Democratic Review” in the 1840-s 10
- V.V. Trukhachev*
The Eviction of the Sudeten Germans and the Modern Relationship
between the Czech Republic and Austria 31
- O.A. Khlopov*
The System of International Security of the 21-st Century:
the Search for an Acceptable Theoretical Model 45

Countries and Regions of the World: Development Dynamics and Models of Cooperation

- Ph.O. Trunov*
German Cooperation with Austria and Switzerland
in Political-Military Sphere in the Modern Period 58
- T.A. Danielova*
Military-Political Aspects of the US Strategy towards
the V4 Countries (1991–2008) 75
- A.N. Komarov*
Canada in the Geopolitical Realities of the XXI Century:
Some Turning Points of the Foreign Economic Course 88
- A.N. Adigezalov*
Forming Legal Fundamentals of Inter-state Uzbekistan
and Azerbaijan Collaboration in the Period of Independence 96

Sociopolitical Processes in the Past and in the Present

- L.N. Klepatskii*
The Political Space of the EU in the Context
of the Elections in Germany 108
- Yu.A. Martinets*
The Growth of Right-Wing Populism in Modern Europe
(According to the Estimates of European Experts) 123
- I.S. Dushakova*
Descriptive Models of Great Patriotic War
in the Printed Media of the Republic of Moldova 139

СОДЕРЖАНИЕ

Международные отношения: история, теория, социокультурная практика

М.М. Сиротинская

Право на интервенцию в контексте национального движения
в Европе: взгляд “The United States Magazine and Democratic Review”
(1840-е гг.) 10

В.В. Трухачев

Выселение судетских немцев и современные отношения
Чехии и Австрии 31

О.А. Хлопов

Система международной безопасности XXI в.:
поиск приемлемой теоретической модели 45

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

Ф.О. Трунов

Взаимодействие ФРГ с Австрией и Швейцарией
в политико-военной области на современном этапе 58

Т.А. Даниелова

Военно-политические аспекты стратегии США
в отношении стран Вышеградской группы (1991–2008 гг.) 75

А.Н. Комаров

Канада в геополитических реалиях XXI в.:
некоторые поворотные моменты внешнеэкономического курса 88

А.Н. Адыгезалов

Формирование правовых основ межгосударственного сотрудничества
Узбекистана и Азербайджана в период независимости 96

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

Л.Н. Клепацкий

Политическое пространство ЕС в контексте выборов в ФРГ 108

Ю.А. Мартинец

Рост правого популизма в современной Европе
(по оценкам европейских экспертов) 123

И.С. Душакова

Модели описания Великой Отечественной войны
в прессе Республики Молдова 139

Международные отношения: история, теория, социокультурная практика

УДК 323.1(4)

DOI: 10.28995/2073-6339-2019-1-10-30

Право на интервенцию в контексте национального движения в Европе: взгляд “The United States Magazine and Democratic Review” (1840-е гг.)

Мария М. Сиротинская

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва,
Россия; Институт всеобщей истории Российской академии наук,
Москва, Россия, masha_sirotskaia@mail.ru*

Аннотация. Исследователи обращались к изучению концепции «справедливой войны», интервенции по мотивам гуманности в исторической перспективе, подвергали анализу оценки европейскими политиками, учеными середины XIX столетия права державы на интервенцию в иностранное государство с целью поддержки «принципа национальности». Однако понимание американскими современниками данного вопроса оставалось в основном вне поля зрения специалистов. В статье предпринята попытка проследить, как принцип интервенции воспринимался журналом “The United States Magazine and Democratic Review” в контексте национального движения в Старом Свете в 1840-е гг. Делается вывод о том, что издание уделяло значительное внимание национальным организациям итальянского, ирландского, польского и иных народов, высоко оценивало труды и деятельность американского правоведа, дипломата Г. Уитона. Конструировалась «миссия» помощи «угнетенным национальностям» посредством вооруженного вмешательства со стороны европейского государства, направленная на их политическое и национальное освобождение. Она связывалась колумнистами с идеологией. Право на интервенцию не ассоциировалось с проблемой распространения свободы на рабов. В целом эта воображаемая «миссия» отражала партийно-политические, секционные симпатии публицистов журнала, преимущественно радикальных демократов, последователей президента США Э. Джексона. «Мессианская» роль США в отношении народов Европы пока мыслилась главным образом как «миссия примера».

© Сиротинская М.М., 2019

Ключевые слова: интервенция, “United States Magazine and Democratic Review”, Генри Уитон, Джон Луис О’Салливен, национальное движение в Европе

Для цитирования: Сиротинская М.М. Право на интервенцию в контексте национального движения в Европе: взгляд “The United States Magazine and Democratic Review” (1840-е гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 1. С. 10–30. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-1-10-30

Right to Intervention in the Context of the National Movement in Europe: Perception by “The United States Magazine and Democratic Review” in the 1840-s

Maria M. Sirotinskaya

*Russian State University for the Humanities, Russian Academy
of Sciences Institute of World History, Moscow, Russia,
masha_sirotinskaia@mail.ru*

Abstract. The concept of a “just war”, of intervention for humanitarian purposes in the historical perspective, of estimates by European politicians, intellectuals of the right to intervention with the aim of supporting “the principle of nationality” in the mid-19th century has been analyzed by researchers. However, specialists did not seem to adequately examine the understanding of the issue by contemporary Americans. The author of the article tries to trace the perception by “The United States Magazine and Democratic Review” of the principle of intervention in the context of the national movement in the Old World in the 1840-s. It is concluded that the journal paid great attention to the national organizations of the Italian, Irish, Polish and other nations, highly appreciated the works and activity of Henry Wheaton, an American jurist and diplomat. The mission, on behalf of the European power, of giving aid to the “oppressed nationalities” of the Old World by using military force was constructed. That mission was thought to be aimed at their political and national liberation. In rhetoric, it was connected with ideology. The right to intervention was not associated with the problem of extending freedom to slaves. On the whole, this “invented” American mission reflected partisan, political, sectional prejudices of the “Democratic Review” columnists, who were mainly radical Democrats, the followers of the U.S. President A. Jackson. During that period, the U.S. missionary role in relation to the European nations was mostly limited, in the imagination of the political writers, to the “exemplary” vision.

Keywords: intervention, “United States Magazine and Democratic Review”, Henry Wheaton, John Louis O’Sullivan, national movement in Europe

For citation: Sirovinskaya MM. Right to Intervention in the Context of the National Movement in Europe: Perception by “The United States Magazine and Democratic Review” in the 1840-s. *RSUH / RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series.* 2019;1:10-30. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-1-10-30

Введение

В постбиполярную эпоху стал широко обсуждаться вопрос о том, когда и при каких условиях становится возможным применение государством военной силы за пределами собственных границ. Особенную остроту эта проблема приобрела в связи с интервенциями по мотивам гуманности. «Гуманитарной интервенцией» обычно называют вооруженное вмешательство одного государства или группы государств в дела другого без приглашения правительства страны, на территории которой происходит использование силы, для противодействия широкомасштабным, грубым нарушениям прав человека. В качестве примера подобной интервенции нередко приводят начатые в марте 1999 г. бомбардировки авиацией НАТО сербских позиций под предлогом защиты якобы подвергавшихся геноциду косовских албанцев. Бомбовые удары вызвали напряженность в отношениях между Москвой и НАТО, резкую критику ряда стран. Однако, вопреки распространенному мнению, термин «гуманитарная интервенция» появился не в конце XX в.

В XXI столетии тема «гуманитарной интервенции» не перестает привлекать внимание политологов, юристов, философов, историков, социологов [1–9]. Исследователи обращались к изучению концепции «справедливой войны», интервенции по мотивам гуманности в исторической перспективе, подвергали анализу оценки европейскими политиками, учеными середины XIX столетия права на интервенцию в иностранное государство с целью поддержки «принципа национальности» [10–12]. Однако понимание права на интервенцию американскими лидерами общественного мнения того времени в свете формирования национальных организаций в Европе оставалось в основном вне поля зрения специалистов. В последнее время, правда, появился ряд работ по этой тематике [13–14].

В статье предпринята попытка проследить обсуждение европейскими мыслителями проблемы права на насильственное вме-

шательство в межгосударственных отношениях в исторической перспективе и рассмотреть восприятие американским журналом “The United States Magazine and Democratic Review” принципа интервенции в контексте национального движения в Старом Свете в 1840-е гг.

Концепция «справедливой войны» в исторической перспективе

Еще с античных времен [15 с. 15] ученые пытались определить моральную оправданность использования силовых методов в международных отношениях. Философы стремились выработать ряд принципов, объясняющих возможность вступления в войну с другим государством. Родоначальниками так называемой доктрины «справедливой войны» считают христианского богослова, философа раннего средневековья Августина Аврелия (Святого Августина), а также итальянского философа, теолога Фому Аквинского, испанских богословов, представителей Саламанкской школы (XVI–XVII вв.) Франсиско де Витория, Франсиско Суареса и др. Средневековые теоретики обосновывали причины «справедливой войны», которая ведется для самообороны, из-за религиозных побуждений, в качестве наказания и т. д. [16 с. 74–75].

Теория «справедливой войны», развивавшаяся в рамках теологической традиции, была в значительной степени секуляризована голландским правоведом, дипломатом Гуго Гроцием в его знаменитом трактате «О праве войны и мира» (1625). Он говорит об условиях, при которых межгосударственное вмешательство становится допустимым, и находит возможными в ряде случаев «торжественные» («справедливые») войны. К примеру, государь может законным образом вести войну в ответ на совершенное правонарушение, как наказание, в целях самообороны и возвращения захваченной собственности и по иным причинам [17 с. 228–229; 18 с. 231–232]. «Отец» международного права, с оговорками, в ограниченных пределах, «при крайних обстоятельствах», все же не исключает вероятность войны «ради чужих подданных» против «невыносимой» тирании правителя, «в целях ограждения их от несправедливости повелителя», признает право сопротивления «чуждому узурпатору по праву войны»¹. То есть «справедливые войны» морально оправ-

¹Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М.: Ладомир, 1994 (репр. изд. 1956 г.). С. 173, 562–563.

данни ради защиты не только своих, но и иностранных подданных, если над последними творят «явное беззаконие». Гроций проводит параллели между правилами поведения индивидуумов и правовыми нормами, регулирующими взаимоотношения государств. Он определяет справедливые причины войны (*jus ad bellum*) и допустимые способы ее ведения (*jus in bello*).

В числе «классических» доводов в пользу «справедливой войны» мыслители называли принципы правого дела, законной власти (с обеих сторон войну могли вести лишь лица, обладающие верховной властью), «разумной вероятности успеха» (уверенность в том, что война завершится успешно), пропорциональности (она должна предотвращать большее зло), войны как крайнего средства и пр. [19; 20 с. 85–87; 21 с. 119–120]. Все же в данный период теологические аргументы часто выходили на первый план.

Вестфальский мир 1648 г., завершивший Тридцатилетнюю войну, явился важным рубежом в истории формирования современной системы государств. Суверенные государства были признаны в качестве основы системы международных отношений, которая получила название Вестфальской. По мнению ряда современных исследователей, принцип невмешательства одного государства в дела другого как базовый для понимания нормы взаимоотношений суверенных наций был сформулирован позднее немецким юристом, философом Самуэлем фон Пуфендорфом в его труде «Об естественном праве и праве народов» 1672 г. и немецким философом Христианом Вольфом в сочинениях 1740-х гг. о естественном праве и праве народов [22 р. 8]. Популяризатором их работ явился швейцарский правовед и философ Эмерик де Ваттель. Его сочинение «Право народов, или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов» было впервые издано на французском языке в 1758 г. и через два года переведено на английский язык под названием «Право наций...» (“The Law of Nations...”). Ваттель горячо отстаивает равенство и независимость наций, дает определение государственного суверенитета (понятия нации и государства он сближает): «Всякая нация, которая управляет собою ... без какой-либо иностранной зависимости, представляет собою *суверенное государство*». Он провозглашает принцип невмешательства в международных отношениях: «...иностранные нации не должны вмешиваться в дела управления независимого государства...»². Нации уподобляются отдельным личностям. «Так

²Ваттель Э., де. Право народов, или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М.: Госюриздат, 1960. С. 40, 246.

как нации состоят из людей, от природы свободных и независимых», то и «нации, или суверенные государства, должны рассматриваться как свободные личности...» Подобно людям, живущим в обществе, нации должны сотрудничать друг с другом и оказывать друг другу «услуги человечности». Подчеркивается необходимость соблюдения справедливости в отношениях между нациями³. Ваттель высказывается более однозначно, нежели Гроций, в отношении помощи другим нациям: если тирания государя становится невыносимой и «поднимает против него нацию», «каждая иностранная держава имеет право помочь угнетенному народу, который просит ее помощи», причем в том случае, когда «мужественный народ берется за оружие в борьбе против своего угнетателя, то помощь людям, которые защищают свою свободу, означает лишь проявление справедливости и великодушия»⁴.

Глагол “intervene” («совершать интервенцию») и существительное “intervention” («интервенция»), как считают специалисты, использовались в английском и французском языках. Первое зафиксированное употребление данного глагола в Оксфордском словаре английского языка исследователи относят к 1580-м гг., хотя, вероятно, термин был введен в оборот ранее [23 p. 23]. Однако до Французской революции конца XVIII в. дебаты о возможности оказания помощи другим нациям велись в основном в рамках более широких дискуссий о войне, часто рассматриваемой с точки зрения «справедливой». Согласно воззрениям того времени, война не принимает в расчет государственный суверенитет [24 p. 4].

«Идеологизация» международных отношений

Современное понимание концепции и практики интервенции в международных отношениях связывается некоторыми исследователями с эпохой модерна, с «длинным XIX веком» (так крупный британский историк Эрик Хобсбаум определяет период 1789–1914 гг.). Под интервенцией подразумевается главным образом насильственное, «диктаторское», по выражению известного немецкого юриста Л. Оппенгейма [25 p. 188–189; 26 p. 7–8, 13], вмешательство государства в конфликты за пределами собственных границ. Французская революция конца XVIII столетия «идеологизирует» международные отношения. В известной степени вооруженное вмешательство одного государства в дела другого отделяется от войны. Интервенция,

³Указ. соч. С. 26, 217, 251.

⁴Там же. С. 245.

таким образом, предстает направленной как на сдерживание, так и на расширение пространства революции.

В своем труде «Элементы международного права», первоначально опубликованном в 1836 г. одновременно в Филадельфии и в Лондоне, американский юрист и дипломат Генри Уитон придает большое значение эпохе Французской революции. Он считает право на интервенцию важнейшим принципом международных отношений. Франция пришла на помощь североамериканским колонистам, ведшим борьбу против метрополии, отмечает он. А европейские монархи осуществили вооруженную интервенцию в дела Французской республики для того, чтобы «сдержать прогресс ее революционных принципов и расширение ее военной мощи»⁵. Слова «интервенция» и «вмешательство» используются как синонимы.

Практика интервенции в постнаполеоновскую эру ассоциируется Уитоном с политикой Священного союза. В 1820–1821 гг. на конгрессах Священного союза в Троппау (современная Опава в Австрийской Силезии) и Лайбахе (ныне – Любляна в Словении) Россией, Австрией и Пруссией одобрен принцип вооруженной интервенции во внутренние дела иностранных государств в целях противодействия революции. По словам американского правоведа, основной задачей сформированной в 1818 г. пентархии европейских держав – России, Австрии, Великобритании, Франции, Пруссии – было подавление каждого революционного движения, «постоянная система интервенции», направленная на сохранение статус-кво⁶. Приводятся примеры классических интервенций Священного союза. Это интервенции Австрийской империи в Неаполитанское королевство и в Пьемонт в 1821 г., Франции – в Испанию в 1823 г. и др.

Уитон объясняет «общими интересами гуманности» (general interests of humanity) вмешательство (interference) в 1827 г. христианских держав Европы – России, Великобритании, Франции – в греко-турецкий конфликт в пользу греков, подвергшихся угнетению со стороны «варварского и деспотичного правительства» Порты⁷. Как пишет Д. Седжессер, это единственный случай, когда Уитон оправдывает право на интервенцию. Общим правилом поведения государств на внешнеполитической арене дипломату представляется принцип невмешательства [27 p. 60].

⁵Wheaton H. Elements of International Law / Ed. by R.H. Dana, Jr. 8th ed. Boston: Little, Brown, 1866. p. 93.

⁶Ibid. P. 94.

⁷Ibid. P. 113.

Вмешательство великих держав в войну греков с Османской империей в 1827 г. ряд современных исследователей называет первой интервенцией по гуманитарным мотивам [28]. Термин «гуманитарная интервенция» впервые был использован британским юристом У. Холлом в 1880 г. в его работе «Международное право»⁸, переименованной в том же году в «Трактат по международному праву». Так или иначе, в повестку дня международных отношений вводятся, в числе прочего, права человека (они касаются лишь «цивилизованных наций»).

Революция «трех славных дней» в Париже в 1830 г., приведшая к свержению Карла X и возведению на престол короля французов Луи-Филиппа, дала толчок революции в Бельгии, охватившей почти все крупные города страны и завершившейся отделением Бельгии от Голландии и образованием самостоятельного бельгийского государства, восстанию в Польше, оживлению деятельности патриотов на Апеннинском полуострове (итальянский народ вел борьбу за политическое и национальное освобождение). Установленная во Франции Июльская монархия была объявлена троном, «обставленным республиканскими учреждениями». Луи-Филипп сначала назначает маркиза М.-Ж. Лафайета, одного из лидеров требующей реформ «партии движения», командующим Национальной гвардией, но в конечном итоге «герой Старого и Нового Света» вынужден уйти в отставку. Новый французский король отказывается от своих первоначальных неопределенных обещаний помощи итальянским, бельгийским, польским патриотам и провозглашает стремление Франции к миру. Умеренные республиканцы, демократы – сторонники «партии движения» – объединяются вокруг газеты “Le National”, которую до своей преждевременной гибели в 1836 г. возглавляет Арман Каррель (в 1832 г. он объявляет себя республиканцем «американской школы»). Они требуют ревизии Венского порядка и отказа от принципа невмешательства в дела соседних государств, высказываются против «реакционных» европейских монархий, конструируют «освободительную» «миссию» Франции в поддержку «угнетенных национальностей» Европы, что способствует укреплению международного авторитета Парижа, дает толчок территориальному расширению Франции [29 с. 16–18; 30 с. 51–53; 31 с. 507–509]. Французский историк, социалист Луи Блан называет принцип невмешательства, одобренный в качестве политики новым режимом, «эгоистичным», «недостаточно великодушным». По его словам, в эту эпоху Франция больше переживала за судьбы других наций, нежели за собственную⁹.

⁸Hall W.E. International Law. Oxford: Clarendon Press, 1880. P. 247.

*“United States Magazine and Democratic Review”
о принципе интервенции (1840-е гг.)*

Журнал “United States Magazine and Democratic Review” был основан в Вашингтоне в 1837 г. [Дж.Л. О’Салливенем и С. Лэнгри. С 1841 г. он издавался в Нью-Йорке; единственным редактором журнала стал (до мая 1846 г.) Джон Луис О’Салливен, предполагаемый автор словосочетания «предопределение судьбы».

Издание посвящает ряд публикаций Г. Уитону. Сообщается о торжественном обеде в честь дипломата, устроенном в Нью-Йорке в июне 1847 г. по случаю его возвращения на родину. Отмечается чрезвычайная сложность дисциплины международного права, требующей огромной эрудиции. Особое восхищение автора вызывает тот факт, что труд по истории международного права принадлежит американцу. Это чрезвычайно важно, заключает он, ведь на «нашу страну» «возложена миссия перестроить в будущем взаимоотношения всех наций»¹⁰.

Отмечается большой вклад Г. Гроция в науку международного права. В журнале в основном употребляется словосочетание «международное право», хотя встречается и термин «право народов» (“law of nations”). «Право народов» характеризуется как обычай, правила наций, не остающиеся неизменными¹¹. Последний вывод предвосхищает размышления английского философа, экономиста Джона Стюарта Милля в его эссе «В защиту французской революции 1848 года», которое вышло в британском либеральном журнале “Westminster Review” в 1849 г. С точки зрения Милля, это просто сложившиеся обычаи наций, подлежащие изменению, когда меняются обстоятельства¹².

Публицисты журнала соглашались с выводами Уитона по вопросу об интервенции в межгосударственных отношениях. Вслед за американским правоведом¹³ войны Людовика XIV – с Аугсбургской лигой 1688–1697 гг. и за испанское наследство (1701–1714), – а также Северная война между Россией и Швецией рассматрива-

⁹ *Blanc L.* Histoire de dix ans 1830–1840. 7 éd. T. 2. Paris: Pagnerre, 1848. P. 138, 349.

¹⁰ Mr. Wheaton // The United States Magazine and Democratic Review (далее – USMDR). 1847. July. Vol. 21. № 109. P. 81–82.

¹¹ Law of Nations // USMDR. 1847. July. P. 23–32.

¹² *Mill J.S.* Vindication of the French Revolution of February 1848 // Essays on French History and Historians. Toronto; London: University of Toronto Press, Routledge & Kegan Paul, 1985. P. 345.

¹³ *Wheaton H.* Op. cit. P. 92–93.

ются в контексте политики европейских государств, направленной на поддержание баланса сил, дабы предотвратить чрезмерное усиление одной нации в ущерб другой.

В интерпретации “United States Magazine and Democratic Review” интервенция приобретает идеологическую окраску. Так, осуждаются интервенция Великобритании и европейской коалиции монархов против революционной Франции в конце XVIII в. (Англия выступает для большинства авторов журнала в роли своеобразного “bête noire”¹⁴), интервенции Священного союза. Одобряется поддержка Великобританией (о России и Франции нет речи) восставших греков в 1827 г., осуществленная будто бы под давлением народа.

Характерная примета XIX в. усматривается в усилении роли общественности. Автор подчеркивает: в современную эпоху, «с прогрессом прав человека и конституционными правительствами», складывается новый мировой порядок, когда растет влияние общественного мнения на внешнюю политику, в международных отношениях увеличивается значение неких нравственных норм, «чувство справедливости» начинает накладывать отпечаток на поведение наций, на международное «право» (существительное выделяется в кавычки), распространяется «дух демократии», индивидуальные интересы монархов уходят в тень. Если бы в конце XVIII столетия учитывалось общественное мнение, заявляет он, раздел Польши не состоялся бы¹⁵.

“United States Magazine and Democratic Review” пишет о национальных объединениях в Европе, в частности о «Молодой Италии», основанной в Марселе в июле 1831 г. 25-летним выпускником юридического факультета Генуэзского университета Джузеппе Мадзини (в 1834 г. итальянский патриот был выслан из Франции, и в дальнейшем организация была воссоздана в Лондоне). У современного читателя, вероятно, вызовет некоторое удивление тот факт, что в руках автора статьи о революционных тайных обществах Италии оказался номер итальянской газеты “Apostolato popolare” («Народное служение»), которая издавалась в Лондоне конгрегацией «Молодой Италии» – «Союзом итальянских рабочих» – и апеллировала непосредственно к рабочим, молодежи, которые посещали бесплатную вечернюю школу. Журналист восторженно отзываясь о Мадзини и «Молодой Италии» – «обществе выдающихся людей, посвятивших себя распространению либеральных принципов, чистой морали, которое пишет на своем знамени священные слова

¹⁴ Главный раздражитель, объект неприязни, средоточие всех пороков.

¹⁵ Law of Nations // USMDR. 1847. July. P. 24–28.

свободы и равенства». Он рисует романтический образ «благородных» молодых патриотов, противостоящих жестокой иностранной тирании. Американцы, сетует он, недостаточно осведомлены об освободительной борьбе в Италии, они должны проявлять сочувствие итальянским патриотам¹⁶. Большое значение придается роли прессы, в частности тайно издававшемуся в 1832–1834 гг. журналу «Молодая Италия».

Конструируется «миссия» по «освобождению» Модены от иностранного «гнета» (по результатам Венского урегулирования Модена переходила к членам австрийской королевской семьи). Автор упрекает руководителей восстания в Болонье в том, что они отстаивали в 1831 г. «предательский» принцип невмешательства, надеясь на его соблюдение Веной и помощь Франции. Временное правительство г. Болоньи и провинции Болонья, заключает он, побоялось призвать молодежь к оружию, не объявило войну «деспотизму», отказалось «во имя гуманности и национальности» прийти на помощь моденцам, мотивируя свое решение необходимостью строгого соблюдения принципа невмешательства¹⁷ [32]. Тем самым был упущен шанс на победу, австрийцы осуществили интервенцию, и им удалось восстановить статус-кво. Французский король, считает автор, предал итальянских патриотов.

Согласно Й. Йелу [42 р. 95], данная статья принадлежит перу Джона Луиса О'Салливена, который учился во французской школе в Париже, хорошо знал иностранные языки и европейские реалии [43 р. 4].

Негативное отношение редактора к идее единой централизованной республики, которую отстаивал Мадзини, высвечивает приверженность О'Салливена, как и многих других джексоновских демократов, к т. н. «узкому толкованию» Конституции США – признанию ограниченных полномочий федерального правительства (девизом демократов были начертанные на титульном листе журнала слова: «Лучшее правительство то, которое правит меньше всего»). Если «Статут» «Молодой Италии» провозглашал необходимость создания «республики единой, неделимой, охватывающей всю итальянскую территорию, независимой и свободной», то О'Салливан лучшей формой правления объявляет федеративное устройство – «союз независимых республик», с «отдельным коллективным и национальным суверенитетом»¹⁸.

¹⁶ The Revolutionary Secret Societies of Modern Italy // USMDR. 1841. Sept. Vol. 9. № 39. P. 261–262.

¹⁷ Ibid. P. 265–266.

¹⁸ Ibid. P. 270.

В 1844 г. американский дипломат и политик Александр Эверетт берет интервью у европейского патриота, поэта Харро Поля Харринга, который в ноябре 1843 г. прибыл в Нью-Йорк. Харринг рассказывает об организации «Молодая Европа», сформированной Мадзини в апреле 1834 г. в Берне. В нее вошли не индивидуумы, а революционные объединения, представлявшие различные национальности, – «Молодая Италия», «Молодая Польша», «Молодая Германия» (позднее к ним присоединились «Молодая Швейцария», «Молодая Франция» и др.). Были одобрены учредительные документы – «Статуты» и «Акт братства», – составленные на французском, немецком, итальянском, польском языках. «Акт братства» «Молодой Европы» взывал к Свободе – Равенству – Человечеству (*humanité*), обращал внимание на важность решения социального вопроса. Единое человечество, руководствующееся универсальным нравственным законом, объединяет отдельные «семьи народов» (*familles humaines*), причем у каждого из них, как и у каждого человека, своя *собственная* миссия, которая составляет индивидуальность человека и народа и согласуется с миссией всего человечества, внося свой вклад в реализацию Божественного плана (в «Акте братства» слово «нация» не употребляется). Нации для Мадзини – промежуточная ступень между индивидом и человечеством, путь к будущему международному братству всех народов, Священному союзу народов [35 p. 250–253; 36; 37 p. 614–615; 38 p. 12; 48].

В “United States Magazine and Democratic Review” публикуется, в переводе на английский язык, «Акт братства» «Молодой Европы». Организации «Молодая Италия» и «Молодая Франция», считает Эверетт, хорошо известны в США¹⁹.

Понятно, что ирландская тема близка О’Салливену и его друзьям. Несколько статей посвящены лидеру ирландского национального движения первой половины XIX в. Даниелю О’Коннеллу и рипилеровскому движению, направленному на отмену унии Великобритании и Ирландии 1800 г. При этом о независимой Ирландии речи не идет. Автор признает существование «национального чувства» в Ирландии, но подчеркивает: О’Коннелл не добивается разрыва Ирландии с Британской империей, а лишь ее законодательного отделения мирным путем²⁰.

Формируемый образ «Освободителя», однако, нарисован не только светлыми красками, что можно объяснить неприязненным

¹⁹ Everett A.H. Harro Harring: A Biographical Sketch // USMDR. 1844. Dec. Vol. 15. № 78. P. 568–570.

²⁰ The Irish Repeal Question // USMDR. 1843. Aug. Vol. 13. № 62. P. 115–117; O’Connell // USMDR. 1844. Aug. Vol. 15. № 74. P. 210.

отношением “United States Magazine and Democratic Review” к аболиционистам. О’Коннелл же являлся реформатором мирового масштаба, убежденным противником системы рабства. В 1833 г. состоялась встреча ирландца с одним из лидеров аболиционистского движения в США, издателем газеты “The Liberator” Уильямом Ллойдом Гаррисоном.

Некоторые журналисты испытывают определенную симпатию к основанной в Дублине в 1842 г. организации, которая будет известна как «Молодая Ирландия» [39; 40 с. 145–149; 41 с. 94–98] (отметим, что часть «младоирландцев» проявляла безразличие к «особому институту» в Америке). В статье о «Старой» (О’Коннелла) и «Молодой Ирландии» приводится детальная биография лидера радикального крыла «младоирландцев», «решительного националиста» Джона Митчела (номер открывает его портрет). Митчел представляется «мучеником» за дело Ирландии. Правда, избранные им и его последователями методы борьбы – возможность применения физической силы – не одобряются²¹.

Журнал призывает американцев оказывать сочувствие «благородному», «страдающему» народу, подвергающемуся угнетению и «грабежу» со стороны английского правительства²². Жертвам голода в Ирландии, в частности ирландской женщине, потерявшей семью, посвящена трогательная поэма «Ирландская мать»²³. По заключению автора статьи 1848 г., ирландская политика Лондона «всегда была бессердечной, эгоистичной», «немудрой», «несправедливой»²⁴. В оценках политики Великобритании в Ирландии и «Великого голода» (1845–1849) публицисты журнала близки к «традиционалистам» [42] – Митчелу и его сторонникам.

Известно, что Мадзини смотрел на Великобританию как на сложившуюся нацию, был противником независимости Ирландии. В 1847 г., когда итальянский патриот основывает в Лондоне «Народную международную лигу» для просвещения британского общества о политической ситуации в других странах, он запрещает членство в организации ирландцев. По-видимому, заключает современный историк, Мадзини не желал оттолкнуть от Лиги своих английских друзей. После смерти О’Коннелла в 1847 г. начинается разрыв основной

²¹ Old Ireland and Young Ireland. John Mitchel // USMDR. 1848. Aug. Vol. 23. № 122. P. 153–154.

²² The Irish Repeal Question // USMDR. 1843. Aug. Vol. 13. № 62. P. 113.

²³ The Irish Mother // USMDR. 1847. May. Vol. 20. № 107. P. 453–454.

²⁴ Old Ireland and Young Ireland. John Mitchel // USMDR. 1848. Aug. Vol. 23. № 122. P. 150; Ireland and Its Condition // USMDR. 1847. May. P. 424.

части иерархов ирландской католической церкви с представителями ирландского национального движения, что исследователь объясняет антиклерикальной позицией Мадзини, страхом многих епископов перед революцией [43 р. 125–128]. “United States Magazine and Democratic Review” ничего не говорит о проблемах, существовавших в европейском национальном движении. В журнале содержатся материалы о польском восстании 1830 г.²⁵

Заключение

Таким образом, в 1840-е гг. журнал “United States Magazine and Democratic Review” уделяет значительное внимание лидерам национального движения в Старом Свете, организациям, ставившим цель национального освобождения европейских народов. В издании высоко оцениваются труды и деятельность американского правоведа, дипломата Г. Уитона.

Ряд современных исследователей связывают обоснование, в исторической перспективе, возможности права нации на иностранное вмешательство в целях защиты «принципа национальности» с именами либо Мадзини, либо Милля. Речь идет о статье Мадзини 1851 г. «О невмешательстве», эссе Милля «В защиту французской революции 1848 года» и его более поздней статье «Несколько слов о невмешательстве» (1859), в которых допускается при некоторых обстоятельствах право поддержки Великобританией и США мадяров в ответ на интервенцию России в Венгрию в 1849 г. на стороне Австрии.

Как показывают материалы “United States Magazine and Democratic Review”, «миссия» помощи «угнетенным национальностям» Старого Света посредством интервенции со стороны европейской державы конструируется в журнале еще в 1840-е гг. Эта «миссия» мыслится как направленная на политическое и национальное освобождение народов Европы – пока движение за национальную независимость и борьба за свободу не отделяются друг от друга. Можно говорить об определенном влиянии на редактора журнала Дж.Л. О’Салливена европейских идей, в частности «французской школы». Сама «миссия» путем интервенции представляется как имеющая непосредственное отношение к идеологии: подвергается порицанию «интервенция» Великобритании против Французской республики в конце XVIII столетия, принятый Священным сою-

²⁵ *Tochman G.* Polish Revolution of 1830 // USMDR. 1846. Jan. Vol. 18. № 91. P. 47–56.

зом принцип вооруженного вмешательства в охваченные революцией государства. Одобряется военное вмешательство Франции в дела соседних стран в целях защиты «принципа национальности», великих держав – в борьбу греческого народа за независимость. Интервенция никак не ассоциируется с проблемой распространения свободы на темнокожих невольников.

В целом воображаемая «миссия» отражает партийно-политические, секционные симпатии публицистов “United States Magazine and Democratic Review”, преимущественно радикальных демократов, последователей президента США Э. Джексона.

«Мессианская» роль Соединенных Штатов в отношении народов Старого Света ограничивается скорее «миссией примера» – продемонстрировать достоинства политических институтов североамериканской республики, быть прибежищем для иммигрантов. Проводится идея о необходимости выражения американцами сочувствия итальянцам, ирландцам, полякам и иным нациям.

Литература

1. *Иноземцев В.* Гуманитарные интервенции [Электронный ресурс] // Космополис. 2005. № 1 (11). С. 11–23. URL: <https://polit.ru/article/2005/04/29/intervenstia/> (дата обращения 21 янв. 2019).
2. *Тарасова Л.Н.* К дискуссии о правомерности гуманитарной интервенции // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. 2011. № 1 (14). С. 99–105.
3. *Holzgrefe J.L.* The Humanitarian Intervention Debate [Электронный ресурс] // Humanitarian Intervention: Ethical, Legal, and Political Dilemmas / Ed. by J.L. Holzgrefe, R.O. Keohane. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 15–52. URL: http://www.newbooksservices.de/MediaFiles/Texts/8/9780521821988_Excerpt_001.pdf (дата обращения 21 янв. 2019).
4. *Walzer M.* Arguing About War. New Haven; London: Yale University Press, 2004. 208 p.
5. *Finnemore M.* The Purpose of Intervention: Changing Beliefs about the Use of Force. Ithaca; London: Cornell University Press, 2004. 184 p.
6. *Janzekovic J.* The Use of Force in Humanitarian Intervention: Morality and Practicalities. Aldershot: Ashgate, 2006. 212 p.
7. *Bass G.J.* Freedom’s Battle: The Origins of Humanitarian Intervention. N.Y.: Knopf, 2008. 528 p.
8. Humanitarian Intervention: A History / Ed. by B. Simms and D.J.B. Trim. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 426 p.
9. *Tesón F.R., Van der Vossen B.* Debating Humanitarian Intervention: Should We Try to Save Strangers? Oxford: Oxford University Press, 2017. 288 p.

10. *Малинова О.Ю.* Либеральный национализм (середина XIX – начало XX века). М.: РИК Русанова, 2000. 254 с.
11. Giuseppe Mazzini and the Globalization of Democratic Nationalism 1830–1920 / Ed. by C.A. Bayly and E.F. Biagini. Oxford: British Academy, 2008. 444 p.
12. *Varouxakis G.* Liberty Abroad: J.S. Mill on International Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 278 p.
13. *Сиротинская М.М.* Принцип интервенции в контексте европейских революций середины XIX в.: взгляд из США // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2017. № 4 (10). С. 16–28.
14. The Emergence of Humanitarian Intervention: Ideas and Practice from the Nineteenth Century to the Present / Ed. by F. Klose. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 373 p.
15. *Куманьков А.Д.* Теории справедливой войны в аналитической этике США. Автореф. дис. ... канд. филос. наук [Электронный ресурс]. М.: ВШЭ, 2013. 21 с. URL: https://www.hse.ru/data/2013/11/22/1337225294/Куманьков_Автореферат_фин.pdf (дата обращения 21 янв. 2019).
16. *Suse X.* Справедливая война? О военной мощи, этике и идеалах. Пер. с норв. М.: Весь мир, 2007. 176 с.
17. *Волков С.Ю.* Развитие доктрины справедливой войны в эпоху раннего нового времени [Электронный ресурс] // Вестник Нижегородского университета. 2009. № 3. С. 227–233. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/razvitie-doktriny-spravedlivoy-voyny-v-epohu-rannego-novogo-vremeni> (дата обращения 21 янв. 2019).
18. *Дидманидзе У.Т.* Вклад Гуго Гроция в развитие концепции о «справедливой войне» [Электронный ресурс] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». 2014. № 1. С. 226–234. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/vklad-gugo-grotsiya-v-razvitie-kontseptsii-ospovedlivoy-voyne> (дата обращения 21 янв. 2019).
19. *Коньшиев В.Н.* Американский неореализм о природе войны: эволюция политической теории. Санкт-Петербург: Наука, 2004. 372 с.
20. *Кашиников Б.Н.* Частные военные компании и теория справедливых войн // Российский научный журнал. 2011. № 1 (20). С. 83–94; и др.
21. *Сазонова К.Л.* Концепция «справедливой войны» в современном международном праве // Журнал российского права. 2014. № 5. С. 117–125.
22. *Onuf N.* Humanitarian Intervention: The Early Years. P. 1–55 [Электронный ресурс] // Center for Global Peace and Conflict Studies. URL: <https://globalconflictresolution.files.wordpress.com/2010/02/humanitarian-intervention-early-years.pdf> (дата обращения 21 янв. 2019).
23. *Trim D.* Intervention in European History, c. 1520–1850 // Just and Unjust Military Intervention: European Thinkers from Vitoria to Mill / Ed. by S. Recchia, J.M. Welsh. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 21–47.

24. *Lawson G., Tardelli L.* The Past, Present, and Future of Intervention [Электронный ресурс] // Review of International Studies. 2013. Oct. P. 1–21. URL: <https://historicalsociology.files.wordpress.com/2011/08/lawson-and-tardelli-intervention-first-view-version.pdf> (дата обращения 21 янв. 2019).
25. *Oppenheim L.* International Law: A Treatise. In 2 vol. 2 ed. Vol. 1. London; New York: Longmans, Green and Co, 1912 (1st ed. 1905–1906). 690 p.
26. *Vincent R.J.* Nonintervention and International Order. Princeton (N.J.): Princeton University Press, 1974. 465 p.
27. *Segesser D.M.* Humanitarian Intervention and the Issue of State Sovereignty in the Discourse of Legal Experts between the 1830s and the First World War // The Emergence of Humanitarian Intervention: Ideas and Practice from the Nineteenth Century to the Present / Ed. by F. Klose. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 56–72.
28. *Heraclides A., Dialla A.* Humanitarian Intervention in the Long Nineteenth Century: Setting the Precedent [Электронный ресурс]. Manchester: Manchester University Press, 2015. 272 p. URL: <http://manchester.universitypressscholarship.com/view/10.7228/manchester/9780719089909.001.0001/upso-9780719089909-chapter-6> (дата обращения 21 янв. 2019).
29. *Федосова Е.И.* Французская либеральная мысль первой половины XIX в. о нации и национальном вопросе // Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии / Отв. ред. С.М. Фалькович. М.: Индрик, 2001. С. 12–21.
30. *Таньшина Н.П.* Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии. М.: Прометей, 2005. 511 с.
31. *Jennings J.* Nationalist Ideas in the Early Years of the July Monarchy: Armand Carrel and *Le National* [Электронный ресурс] // History of Political Thought. 1991. Autumn. Vol. 12. № 3. P. 497–514. URL: <http://www.doc88.com/p-973196626207.html> (дата обращения: 21 янв. 2019).
32. *Ковальская М.И.* Италия в борьбе за национальную независимость и единство. От революции 1831 г. до революции 1848–1849 гг. М.: Наука, 1981. URL: http://istmat.info/files/uploads/28200/risorgimento_m-i-kovalskaya_1981.pdf (дата обращения 21 янв. 2019).
33. *Eyal Y.* The Young America Movement and the Transformation of the Democratic Party, 1828–1861. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 252 p.
34. *Sampson R.D.* John L. O'Sullivan and His Times. Kent; London: Kent State University Press, 2003. 304 p.
35. *Rougemont D. de.* Vingt-huit siècles d'Europe. Paris: Payot, 1961. 427 p.
36. *Невлер В.Е.* Мадзини и «Молодая Европа» // Вопросы истории. 1972. № 7. С. 62–77.
37. *Чубарьян А.О.* Европейская идея и XIX век // История Европы. Т. 5 / Отв. ред. С.П. Пожарская. М.: Наука, 2000. С. 604–620.
38. *Mack Smith D.* Mazzini. New Haven: Yale University Press, 1996. 312 p.

39. *Duffy Ch.G.* Young Ireland: A Fragment of Irish History 1840–45. Final Revision. Vol. 1. London: T. Fisher Unwin, 1896. 240 p.
40. *Полякова Е.Ю.* Ирландия – разделенная нация // Национализм в мировой истории / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Тишкова и д.и.н. В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007. С. 143–171.
41. *Мирошников А.В., Мирошникова А.В.* История «Молодой Ирландии» 1840-х гг. в оценках современников // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2014. Т. 10. № 2. С. 94–98.
42. *Калгина Е.А.* Политика Великобритании в Ирландии в эпоху «Великого Голода» 1845–1849 гг. Дис. ... канд. ист. наук [Электронный ресурс]. Воронеж: ВГУ, 2004. 185 с. // URL: <http://www.dslib.net/vseobwaja-istoria/politika-velikobritanii-v-irlandii-v-jepohu-velikogo-goloda-1845-1849-gg.html> (дата обращения 21 янв. 2019).
43. *Barr C.* Giuseppe Mazzini and Irish Nationalism, 1845–70 // Giuseppe Mazzini and the Globalization of Democratic Nationalism 1830–1920. P. 125–144.

References

1. Inozemtsev V. Humanitarian Interventions [Internet]. *Kosmopolis*. 2005;1(11):11-23 (data obrashcheniya 21 Jan. 2019). URL: <https://polit.ru/article/2005/04/29/intervenstia/> (In Russ.)
2. Tarasova LN. On the Issue of Legality of Humanitarian Intervention. *Science Journal of Volgograd State University*. Series 5. Law. 2011;1(14):99-105. (In Russ.)
3. Holzgrefe JL. The Humanitarian Intervention Debate [Internet] // Humanitarian Intervention: Ethical, Legal, and Political Dilemmas / Ed. by J.L. Holzgrefe, R.O. Keohane. Cambridge: Cambridge University Press; 2003. p. 15-52 (data obrashcheniya 21 Jan. 2019). URL: http://www.newbooksservices.de/MediaFiles/Texts/8/9780521821988_Excerpt_001.pdf
4. Walzer M. *Arguing About War*. New Haven; London: Yale University Press; 2004. 208 p.
5. Finnemore M. *The Purpose of Intervention: Changing Beliefs about the Use of Force*. Ithaca; London: Cornell University Press; 2004. 184 p.
6. Janzekovic J. *The Use of Force in Humanitarian Intervention: Morality and Practicalities*. Aldershot: Ashgate, 2006. 212 p.
7. Bass GJ. *Freedom's Battle: The Origins of Humanitarian Intervention*. N.Y.: Knopf; 2008. 528 p.
8. *Humanitarian Intervention: A History* / Ed. by B. Simms and D.J.B. Trim. Cambridge: Cambridge University Press; 2011. 426 p.
9. Tesón FR., Van der Vossen B. *Debating Humanitarian Intervention: Should We Try to Save Strangers?* Oxford: Oxford University Press; 2017. 288 p.
10. Malinova OYu. *Liberal Nationalism (the Middle of the Nineteenth – the Beginning of the Twentieth Century)*. Moscow: RIK Rusanov; 2000. 254 p. (In Russ.)

11. Giuseppe Mazzini and the Globalization of Democratic Nationalism 1830–1920 / Ed. by C.A. Bayly and E.F. Biagini. Oxford: British Academy; 2008. 444 p.
12. Varouxakis G. *Liberty Abroad: J.S. Mill on International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press; 2013. 278 p.
13. Sirovinskaya MM. Principle of Intervention in the Context of European Revolutions of the Mid-19th Century. U.S. Perception. *RSUH/RGGU Bulletin. Series: Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies*. 2017; 4 (10):16-28. (In Russ.)
14. *The Emergence of Humanitarian Intervention: Ideas and Practice from the Nineteenth Century to the Present* / Ed. by F. Klose. Cambridge: Cambridge University Press; 2016. 373 p.
15. Kumankov AD. *Theory of Just War in U.S. Analytical Ethics*. Diss. for the degree of PhD in Philosophy. Moscow: High School of Economics; 2013. 21 p. (In Russ.)
16. Sise H. *Just War? On Military Power, Ethics and Ideals*. Trans. from Norw. Moscow: IBM; 2007. 176 p. (In Russ.)
17. Volkov SYu. The Development of the Theory of Just War during the Early Modern Period [Internet]. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*. 2009;3:227–233 (data obrashcheniya 21 Jan. 2019). URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/razvitie-doktriny-spravedlivoy-voyny-v-epohu-rannego-novogo-vremeni> (In Russ.)
18. Didmanidze UT. Hugo Grotius' Contribution in Development of the Just War Doctrine [Internet]. *Science Journal of RUDN University*. Series: Law. 2014;1:226-234 (data obrashcheniya 21 Jan. 2019). URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/vklad-gugo-grotsiya-v-razvitie-kontseptsii-o-spravedlivoy-voyne> (In Russ.)
19. Konishev VN. *American Neorealism on the Nature of War: Evolution of Political Theory*. Saint Petersburg: Nauka; 2004. 372 p. (In Russ.)
20. Kashnikov BN. Private Military Campaigns and Theory of Just Wars. *Russian Scientific Journal*. 2011;1(20):83-94. (In Russ.)
21. Sazonova KL. The Concept of “Just War” in Contemporary International Law. *Journal of Russian Law*. 2014;5:117-125. (In Russ.)
22. Onuf N. *Humanitarian Intervention: The Early Years*. p. 1-55 [Internet]. *Center for Global Peace and Conflict Studies* (data obrashcheniya 21 Jan. 2019). URL: <https://globalconflictresolution.files.wordpress.com/2010/02/humanitarian-intervention-early-years.pdf>
23. Trim D. *Intervention in European History, c. 1520–1850. Just and Unjust Military Intervention: European Thinkers from Vitoria to Mill* / Ed. by S. Recchia, J.M. Welsh. Cambridge: Cambridge University Press; 2013. p. 21-47.
24. Lawson G., Tardelli L. The Past, Present, and Future of Intervention [Internet]. *Review of International Studies*. 2013;10:1–21. URL: <https://historicalsociology.files.wordpress.com/2011/08/lawson-and-tardelli-intervention-first-view-version.pdf> (data obrashcheniya 21 Jan. 2019).
25. Oppenheim L. *International Law: A Treatise*. In 2 vol. 2 ed. Vol. 1. London; New York: Longmans, Green and Co, 1912 (1st ed. 1905–1906). 690 p.

26. Vincent RJ. *Nonintervention and International Order*. Princeton (N.J.): Princeton University Press; 1974. 465 p.
27. Segesser DM. Humanitarian Intervention and the Issue of State Sovereignty in the Discourse of Legal Experts between the 1830s and the First World War. *The Emergence of Humanitarian Intervention: Ideas and Practice from the Nineteenth Century to the Present* / Ed. by F. Klose. Cambridge: Cambridge University Press; 2016. P. 56-72.
28. Heraclides A., Dialla A. Humanitarian Intervention in the Long Nineteenth Century: Setting the Precedent [Internet]. Manchester: Manchester University Press; 2015. 272 p. (data obrashcheniya 21 Jan. 2019) URL: <http://manchester.university-pressscholarship.com/view/10.7228/manchester/9780719089909.001.0001/upso-9780719089909-chapter-6>
29. Fedosova EI. French Liberal Thought of the First Half of the 19th Century on Nation and the Nationality Problem. *European Revolutions of 1848: The Principle of Nationality in Politics and Ideology*. Moscow: Indrik; 2001. p. 12-21. (In Russ.)
30. Tanshina NP. Political Struggle in France in Relation to the Problems of Foreign Policy during the July Monarchy. Moscow: Prometei; 2005. 511 p. (In Russ.)
31. Jennings J. Nationalist Ideas in the Early Years of the July Monarchy: Armand Carrel and *Le National* [Internet]. *History of Political Thought*. 1991. Autumn. Vol. 12. No. 3. p. 497-514. URL: <http://www.doc88.com/p-973196626207.html> (data obrashcheniya 21 Jan. 2019).
32. Kovalskaya MI. Italy in the Struggle for National Independence and Unity [Internet]. Moscow: Nauka; 1981 (data obrashcheniya 21 Jan. 2019). URL: http://istmat.info/files/uploads/28200/risorgimento_m-i-kovalskaya_1981.pdf (In Russ.)
33. Eyal Y. *The Young America Movement and the Transformation of the Democratic Party, 1828–1861*. Cambridge: Cambridge University Press; 2007. 252 p.
34. Sampson RD. *John L. O'Sullivan and His Times*. Kent; London: Kent State University Press; 2003. 304 p.
35. Rougemont D. de. *Vingt-huit si cles d'Europe*. Paris: Payot; 1961. 427 p.
36. Nevler VE. Mazzini and "Young Europe". *Voprosy istorii*. 1972;7:62–77. (In Russ.)
37. Chubaryan AO. European Idea and the 19th Century. *History of Europe*. Vol. 5. Moscow: Nauka; 2000. p. 604-620. (In Russ.)
38. Mack Smith D. *Mazzini*. New Haven: Yale University Press; 1996. 312 p.
39. Duffy ChG. *Young Ireland: A Fragment of Irish History 1840–45. Final Revision*. Vol. 1. London: T. Fisher Unwin; 1896. 240 p.
40. Polyakova EYu. Ireland – Divided Nation. *Nationalism in World History*. Moscow: Nauka; 2007. p. 143-171. (In Russ.)
41. Miroshnikov AV., Miroshnikova AV. The Young Ireland 1840s History in the Estimates of Contemporaries. *Science Journal of Voronezh State Technical University*. Vol. 10. 2014;2:94–98. (In Russ.)
42. Kalgina EA. Politics of Great Britain in Ireland during the "Great Famine" 1845–1849. Thesis for the degree of PhD in History [Internet]. Voronezh: Voronezh State

University; 2004. 185 p. (data obrashcheniya 21 Jan. 2019) // URL: <http://www.dslib.net/vseobwaja-istoria/politika-velikobritanii-v-irlandii-v-jepohu-velikogo-goloda-1845-1849-gg.html> (In Russ.)

43. Barr C. Giuseppe Mazzini and Irish Nationalism, 1845–70. *Giuseppe Mazzini and the Globalization of Democratic Nationalism 1830–1920*. p. 125-144.

Информация об авторе

Мария М. Сиротинская, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский проспект, 32А; masha_sirotinskaia@mail.ru

Information about the author

Maria M. Sirotinskaya, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; Russian Academy of Sciences Institute of World History; bld. 32A, Leninskii av., Moscow, Russia, 119334; masha_sirotinskaia@mail.ru

Выселение судетских немцев и современные отношения Чехии и Австрии

Вадим В. Трухачев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия; vadimvts@mail.ru*

Аннотация. Статья продолжает единственное в отечественной историографии исследование современных чешско-австрийских отношений. Цель работы – изучить, как и почему претензии Австрии, связанные с событиями 1945–1946 гг., едва не помешали вхождению Чехии в ЕС и до сих пор осложняют двусторонние отношения. Для достижения этой цели применялись проблемно-хронологический и сравнительный методы исследования. Они помогли выявить моменты наибольшего обострения отношений и сравнить подходы сторон к проблеме. Двусторонние споры после 2007 г. изучаются впервые.

После 1918 г. в Чехии остались миллионы судетских немцев, которые помогли А. Гитлеру уничтожить Чехословакию в 1938–1939 гг. В 1945–1946 гг. на основании «декретов Бенеша» немецкое население лишили имущества и выселили в Германию и Австрию. Споры с Германией Чехии удалось урегулировать, с Австрией – нет. В ходе переговоров о приеме Чехии в ЕС австрийцы не требовали вернуть судетским немцам утраченное имущество, но настаивали на отмене «декретов Бенеша». Чехия, напротив, полагала, что декреты отменять не следует, поскольку они являются неотъемлемой частью итогов Второй мировой войны. В итоге Евросоюз решил, что «декреты Бенеша» не могут помешать Чехии войти в ЕС. Но и после завершения процесса евроинтеграции Чехии Австрия продолжает требовать отмены декретов. Проблема приобрела общеевропейский масштаб и не решена до сих пор. Каждая из сторон в данном случае поставила принцип «национальной справедливости» выше общеевропейской солидарности, тем самым неоднократно проверяя ее на прочность.

Ключевые слова: чешско-австрийские отношения, декреты Бенеша, Первая мировая война, Вторая мировая война, Чехия, Австрия, Европейский союз

Для цитирования: Трухачев В.В. Выселение судетских немцев и современные отношения Чехии и Австрии // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 1. С. 31–44. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-1-31-44

© Трухачев В.В., 2019

The Eviction of the Sudeten Germans and the Modern Relationship between the Czech Republic and Austria

Vadim V. Trukhachev

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
vadimvts@mail.ru*

Abstract. The article continues a unique study of the contemporary Czech-Austrian relations in Russian historiography. The purpose of the work is to analyze how and why the claims of Austria related to the events of 1945–1946 have almost prevented the entry of the Czech Republic into the EU, and are still complicating the bilateral relations. In the article, the author makes use of the problem-chronological and comparative research methods. They help to identify the moments of the greatest aggravation of the relations and to compare the approaches of the two countries to the issue. It is for the first time that the bilateral disputes after 2007 have become the subject matter of the research.

Millions of the Sudeten Germans remained in the Czech Republic after 1918. They helped A. Hitler to destroy Czechoslovakia in 1938–1939. The German population was deprived of their property and evicted to Germany and Austria in 1945–1946 on the basis of the Beneš decrees. The Czech Republic managed to settle the disputes with Germany, but not with Austria. During the negotiations over the admission of the Czech Republic to the EU, the Austrians did not demand the return of the lost property to the Sudeten Germans, but insisted on the abolition of the Beneš decrees. The Czech Republic, on the contrary, believed that the Decrees should not be cancelled since they constituted an integral part of World War II. As a result, the European Union decided that the Beneš decrees could not prevent the Czech Republic from entering the EU. But even after the completion of the Czech European integration process, Austria continues demanding the abolition of the Decrees. The problem has acquired a pan-European scale and has not been resolved yet. In this case, each of the parties has set the principle of “national justice” above the pan-European solidarity, many times testing it for strength.

Keywords: Czech-Austrian relations, Beneš decrees, World War I, World War II, Czech Republic, Austria, European Union

For citation: Trukhachev VV. The Eviction of the Sudeten Germans and the Modern Relationship between the Czech Republic and Austria. RSUH/RGGU Bulletin. Series “Political Science. History. International Relations”. 2019;1:31-44. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-1-31-44

Введение

Вхождение и последующее пребывание Чехии в ЕС осложнили отношения с соседней Австрией. Одна из главных двусторонних проблем (наряду с АЭС Темелин) уходит корнями в итоги Второй мировой войны. Речь о выселении из Чехии в Германию и Австрию миллионов этнических немцев на основании принятых в 1945–1946 гг. «декретов Бенеша».

Разная трактовка итогов Второй мировой войны осложняет отношения не только Чехии и Австрии. Тема «декретов Бенеша» периодически проявляется в отношениях Чехии и Германии, Словакии и Австрии. Споры по поводу послевоенного выселения немцев то и дело возникают и в отношениях других государств Евросоюза – Австрии и Словении, Польши и Германии. Несмотря на то, что основная часть венгров осталась в Словакии, их предполагавшаяся высылка на основании «декретов Бенеша» приводит к спорам этой страны с Венгрией. Италия предъявляет претензии Словении по поводу выселения с ее территории этнических итальянцев [1]. Таким образом, спор о послевоенных постановлениях в чешско-австрийских отношениях является составной частью более широких общеевропейских дебатов относительно некоторых итогов Второй мировой войны.

Судетские немцы и их выселение

Распад Австро-Венгрии в 1918 г. отрицательно сказался на взаимоотношениях чехов и австрийских немцев. Так, первый чехословацкий президент Т.Г. Масарик отзывался об австрийцах не лестно: «Немцы – пруссаки – жестокие, но не такие низкие и фальшивые, как австрийцы». В Австрии же не могли простить чехам развал единой страны, называя их «гробовщиками монархии» [2 с. 111, 167].

Осложнял двусторонние отношения и вопрос оставшихся в Чехословакии этнических немцев, называемых в Австрии «староавстрийцами». Они в 1918 г. создали четыре государственных образования и объявили об их присоединении к Австрии. Однако их до конца того года ликвидировала чехословацкая армия. В итоге рубеж между двумя государствами утвердил Сен-Жерменский договор 10 сентября 1919 г., причем новые границы не совпадали с этническими¹.

¹Staatsvertrag von Saint-Germain-en-Laye vom 10. September 1919 [Электронный ресурс] // Rechtsinformationssystem von Österreich. URL: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10000044> (дата обращения 2 окт. 2018).

Согласно переписи населения империи Габсбургов 1910 г., в Чехии насчитывалось 3,5 млн немцев (свыше трети населения)². К 1930 г. их число и доля снизились, тем не менее немцев оставалось более 3 млн (29,5% населения)³. Они имели свои учебные заведения и партии, но в высшем руководстве страны представлены не были. Их требование о создании территориальной автономии в чешско-германском и чешско-австрийском пограничье чехословацкие власти не выполнили⁴.

В течение 1930-х гг. происходило сближение «староавстрийцев» с Третьим рейхом, частью которого с марта 1938 г. стала и Австрия. В 1938–1939 гг. судетские немцы поддержали сначала отторжение от Чехословакии Судетской области, а затем полную оккупацию Чехии Германией и создание протектората Богемия и Моравия. Согласно решению А. Гитлера, «жители протектората немецкой национальности становились гражданами Рейха», а чехи объявлялись гражданами протектората. [3, с. 397]

Учитывая это, в 1942 г. президент Чехословакии Э. Бенеш представил СССР, Великобритании и США план послевоенного выселения «староавстрийцев» в Германию и Австрию [4, с. 172–173]. Инициатива нашла поддержку у союзников, и в заключительной декларации Потсдамской конференции говорилось: «Три страны... признают, что немецкое население Польши, Чехословакии и Венгрии... должно быть переселено в Германию»⁵.

Со своей стороны, Э. Бенеш издал в 1945 г. серию постановлений, получивших название «декреты Бенеша». На их основе полу-

²Die Ergebnisse der Volkszählung vom 31. Dezember 1910 in den im Reichsrat vertretenen Königreichen und Ländern [Электронный ресурс] // Austrian Newspapers Online. URL: <http://anno.onb.ac.at/cgi-content/anno-plus?aid=ost&datum=0001&page=62&size=45> (дата обращения 2 окт. 2018).

³Obyvatelstvo podle národnosti podle výsledků sčítání lidu v letech 1921–2001 [Электронный ресурс] // Český statistický úřad. URL: <https://www.czso.cz/documents/10180/20548137/4032080117.pdf/470a46a5-4cfb-4890-8c80-d3b2b2e64abb?version=1.0> (дата обращения 2 окт. 2018).

⁴Karlsbader Programm der Sudetendeutschen Partei [Электронный ресурс] // Herder-Institut für historische Ostmitteleuropaforschung. URL: https://www.herder-institut.de/no_cache/bestaende-digitale-angebote/e-publicationen/dokumente-und-materialien/themenmodule/quelle/516/details.html (дата обращения 2 окт. 2018).

⁵Mitteilung über die Dreimächtekonferenz von Berlin [(“Potsdamer Abkommen”) vom 2. August 1945] [Электронный ресурс] // Dokumentarchiv von Deutschland. URL: <http://www.documentarchiv.de/in/1945/potsdamer-abkommen.html> (дата обращения 2 окт. 2018).

живших гражданство Рейха чешских немцев выселяли из страны и лишали имущества⁶. В декрете № 33 от 2 августа 1945 г. говорилось: «Чехословацкие граждане немецкой и венгерской национальности, которые за время оккупации получили гражданство Германии или Венгрии, лишились чехословацкого гражданства в тот день, когда от него отказались. Прочие чехословацкие граждане немецкой и венгерской национальности утратят право на чехословацкое гражданство со дня вступления этого закона в силу»⁷.

В декрете № 108 от 25 октября отмечалось: «В пользу ЧСР без компенсации изымается имущество, находившееся ко дню освобождения страны в собственности Третьего рейха, Венгрии..., лиц немецкой и венгерской национальности, за исключением тех, кто сохранил верность Чехословакии»⁸. В то же время словосочетания «выселение лиц немецкой национальности» в декретах нет – само отсутствие гражданства делало пребывание судетских немцев в Чехии незаконным.

Основная часть выселения прошла в 1945–1946 гг., за два года до полного перехода власти в руки Компартии. Осуществляла его возрожденная армия Чехословакии. Согласно переписи 1950 г., в Чехии осталось менее 160 тыс. немцев (1,8% населения), в то время как словацкие венгры в массе своей остались на родине⁹. Порядка 3 млн чешских немцев осели в Германии, до 350 тыс. – в Австрии, где им предоставили гражданство. До 240 тыс. человек в ходе выселения погибли¹⁰. Там образовались судетско-немецкие землячества,

⁶Dekrety prezidenta republiky Edvarda Beneše [Электронный ресурс] // Poslanecká sněmovna Parlamentu ČR. URL: <http://www.psp.cz/docs/laws/dek/> (дата обращения 2 окт. 2018).

⁷Ústavní dekret prezidenta republiky ze dne 2. srpna 1945 č. 33/1945 o úpravě československého státního občanství osob národnosti německé a maďarské [Электронный ресурс] // Poslanecká sněmovna Parlamentu ČR. URL: <http://www.psp.cz/docs/laws/dek/331945.html> (дата обращения 2 окт. 2018).

⁸Dekret prezidenta republiky ze dne 25. října 1945 č. 108/1945 o konfiskaci nepřátelského majetku a Fondech národní obnovy [Электронный ресурс] // Poslanecká sněmovna Parlamentu ČR. URL: <http://www.psp.cz/docs/laws/dek/1081945.html> (дата обращения 2 окт. 2018).

⁹Obyvatelstvo podle národnosti podle výsledků sčítání lidu v letech 1921–2001 [Электронный ресурс] // Český statistický úřad. URL: <https://www.czso.cz/documents/10180/20548137/4032080117.pdf/470a46a5-4cfb-4890-8c80-d3b2b2e64abb?version=1.0> (дата обращения 2 окт. 2018).

¹⁰Wer sind wir [Электронный ресурс] // Sudetendeutsche Landsmannschaft in Österreich. URL: <http://www.sudeten.at/index2.html> (дата обращения 2 окт. 2018).

связанные с Христианско-демократическим союзом (ХДС), Христианско-социальным союзом (ХСС) и Социал-демократической партией (СДПГ) в Германии и с социал-демократами, Народной партией и Партией свободы в Австрии. Они выдвинули к Чехословакии (Чехии) требование отменить «декреты Бенеша» и вернуть утраченное в 1945–1946 гг. имущество (или возместить его стоимость)¹¹.

Наследие Второй мировой войны дает о себе знать

Ряд противоречий, касающихся «староавстрийцев», Чехословакия и Австрия сняли в годы холодной войны. В 1973 г. они заключили договор о границе¹². Спустя год был подписан новый договор, по которому Чехословакия согласилась выплатить Австрии и ее гражданам компенсацию в 1 млрд шиллингов и отказалась от части принадлежащего ей в Австрии имущества. Но судетские немцы права на компенсацию лишались¹³.

После падения социализма «декреты Бенеша» остались частью чехословацкого (с 1993 г. – чешского) законодательства. В 1990 г. парламент страны отказал судетским немцам и их потомкам в возвращении имущества и судебной реабилитации¹⁴. Президент В. Гавел, премьер-министр (будущий президент) и основатель Гражданско-демократической партии В. Клаус, представители

¹¹ Wer sind wir [Электронный ресурс] // Sudetendeutsche Landsmannschaft in Österreich. URL: <http://www.sudeten.at/index2.html> (дата обращения 2 окт. 2018).

¹² Smlouva mezi Československou socialistickou republikou a Rakouskou republikou o společných státních hranicích [Электронный ресурс] // Poslanecká sněmovna Parlamentu ČR. URL: <https://www.psp.cz/sqw/text/orig2.sqw?idd=77511> (дата обращения 2 окт. 2018).

¹³ Vertrag zwischen der Republik Österreich und der Tschechoslowakischen Sozialistischen Republik zur Regelung bestimmter finanzieller und vermögensrechtlicher Fragen samt Anlagen mit Briefwechsel vom 19. Dezember 1974 [Электронный ресурс] // Bundeskanzleramt RIS Rechtsinformationssystem. URL: http://ris.bka.gv.at/Dokumente/BgblPdf/1975_452_0/1975_452_0.pdf (дата обращения 2 окт. 2018).

¹⁴ Zákon ze dne 2. října 1990 o zmírnění následků některých majetkových křivd [Электронный ресурс] // Zákony pro lidi. URL: <https://www.zakonyprolidi.cz/cs/1990-403> (дата обращения 2 окт. 2018); Zákon ze dne 23. dubna 1990 o soudní rehabilitaci [Электронный ресурс] // Zákony pro lidi. URL: <https://www.zakonyprolidi.cz/cs/1990-119> (дата обращения 2 окт. 2018).

всех парламентских партий вне зависимости от социально-политических предпочтений выступили против отмены послевоенных постановлений. Точку зрения чешской элиты выразил в 1999 г. нынешний президент, многолетний лидер социал-демократов М. Земан: «Давайте забудем про прошлое, это дело историков, а не политиков» [5, с. 219–223].

Вопрос положения «староавстрийцев» долгие годы осложнял не только чешско-австрийские, но и чешско-германские отношения. Несмотря на то, что в Германии со стороны ряда политиков (особенно из ХСС) раздаются требования об отмене «декретов Бенеша»¹⁵, на официальном уровне вопрос закрыт. Еще в 1973 г. канцлер ФРГ В. Брандт подписал с Чехословакией договор о границе, действующий и поныне. А уже в 1997 г. главы правительств Чехии и Германии В. Клаус и Г. Коль приняли совместную декларацию, где говорилось о сожалении по поводу преступлений, совершенных в отношении судетских немцев. В то же время Германия обязалась на официальном уровне не предъявлять Чехии претензии, связанные с событиями 1945–1946 гг.¹⁶

Германия, боясь обвинений в реваншизме и будучи главным вдохновителем расширения ЕС на восток, предпочла закрыть данную страницу. В отличие от нее, у Австрии столь сильного чувства вины за развязывание Второй мировой войны нет, и она никакой декларации о примирении с соседкой не подписала. А вскоре после того как в 1998 г. начались переговоры о вхождении Чехии в Евро-союз, австрийцы на официальном уровне дали понять, что, прежде чем вступить в ЕС, чехи должны отменить «декреты Бенеша». 15 апреля 1999 г. с подачи австрийских депутатов с подобным призывом выступил Европарламент, а 11 мая того же года – парламент Австрии. Представители всех партий высказались за то, чтобы Чехия как минимум выразила официальное сожаление по поводу выселения судетских немцев¹⁷.

¹⁵ Beneš-Dekrete wieder Thema bei sudetendeutschem Tag [Электронный ресурс] // Radio Prag. 19.05.2018. URL: <https://www.radio.cz/de/rubrik/nachrichten/benes-dekrete-wieder-thema-bei-sudetendeutschem-tag> (дата обращения 2 окт. 2018).

¹⁶ Česko-německá deklarace o vzájemných vztazích a jejich budoucím rozvoji [Электронный ресурс] // MZV ČR. URL: https://www.mzv.cz/jnp/cz/o_ministerstvu/historie_a_osobnosti_ceske_diplomacie/druha_svetova_valka_a_jeji_dusledky/dokumenty/cesko_nemecka_deklarace_o_vzajemnych.html (дата обращения 2 окт. 2018).

¹⁷ Entschließung des Europäischen Parlaments vom 15. April 1999 zum Bericht der Kommission über die Fortschritte der Tschechischen Republik

Тема, уходящая корнями в итоги Второй мировой войны, приобрела характер межгосударственного противостояния с вовлечением в него Евросоюза и превратилась в препятствие на пути Чехии в ЕС. Основные политические силы обеих стран были едины в стремлении не уступить соседям, из-за чего найти удобного партнера по переговорам на другой стороне оказалось почти невозможно.

«Декреты Бенеша» и вступление Чехии в ЕС

Вопрос о декретах возник из-за того, что они, будучи частью современного законодательства, противоречат ряду положений таких документов ЕС, как Декларация основных прав и свобод и Хартия Европейского союза об основных правах, ибо поражение в правах и лишение имущества в них осуществлялось на основе национальности и гражданства¹⁸. Именно на это ссылается Австрия, настаивая на отмене послевоенных чехословацких постановлений, хотя и не ставя прямо вопрос о возвращении «староавстрийцам» и их потомкам утраченного имущества.

В то же время решение о выселении судетских немцев, будучи утвержденным на Потсдамской конференции 1945 г., стало неотъемлемой частью итогов Второй мировой войны. Кроме того, Всеобщая декларация прав человека и Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны, были приняты в 1948–1949 гг. Так что на момент 1945–1946 гг. не существовало

auf dem Weg zum Beitritt [Электронный ресурс] // Europäisches Parlament. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=WQ&reference=E-2000-0302&format=XML&language=DE> (дата обращения 2 окт. 2018); Entschliessungsantrag von 11. Mai 1999 [Электронный ресурс] // Österreichisches Parlament. URL: http://www.parlament.gv.at/portal/page?_pageid=908,472152&SUCHE=1&dad=portal&schema=PORTAL (дата обращения 2 окт. 2018).

¹⁸ Декларация основных прав и свобод (перевод) [Электронный ресурс] // Кафедра интеграционного и европейского права МГЮА. URL: <http://eulaw.edu.ru/spisok-dokumentov-po-pravu-evropejskogo-soyuza/dokumenty-o-pravah-cheloveka-i-grazhdanina/deklaratsiya-osnovnyh-prav-i-svobod-perevod-a-o-chetverikova/> (дата обращения 2 окт. 2018); Хартия Европейского союза об основных правах [Электронный ресурс] // Право Европейского союза. URL: <http://eulaw.ru/treaties/charter> (дата обращения 2 окт. 2018).

международно-правового акта, которому бы они противоречили. На это указывают в Чехии, отказываясь отменять декреты [5, с. 218–222].

Австрийские политики ставили вопрос о необходимости отмены послевоенных постановлений в 2000–2001 гг. Однако в тот период главным камнем преткновения стала чешская АЭС Темелин, которая в ноябре 2001 г. после вмешательства ЕС перестала служить препятствием на пути Чехии в Евросоюз. После этого в центре внимания вновь оказались «декреты Бенеша». Начало полемики в январе 2002 г. положил чешский премьер-министр М. Земан, назвавший Австрию «не жертвой Гитлера, а самой верной союзницей Германии»¹⁹. Вскоре он развил свою мысль: «Судетские немцы были “пятой колонной” Гитлера при уничтожении Чехословакии»²⁰.

Комментируя данное заявление, глава МИД Австрии, представитель Народной партии Б. Ферреро-Вальднер потребовала объявить послевоенные постановления «мертвым бесправием»²¹. 31 января австрийский парламент призвал собственное правительство, «чтобы оно... добивалось от Чехии прекращения действия идущих вразрез с правами человека законов»²². Чешская сторона требование отклонила, председатель нижней палаты парламента В. Клаус назвал действия австрийских коллег «попыткой подвергнуть сомнению итоги Второй мировой войны»²³. А 24 апреля 2002 г. чешские депутаты приняли ответное заявление, где говорилось о неизбежности декретов: «правовые и имущественные отношения, вытекающие из них, неприкосновенны»²⁴.

30 сентября 2002 г. эксперты Европарламента вынесли свое заключение: «Изъятие имущества немцев и венгров в 1945–1946 гг. не может быть препятствием для приема в Евросоюз, ибо среди условий вхождения нет вопросов, затрагивающих

¹⁹ Profil. 21. Jänner 2002. s. 25

²⁰ Právo. 22. ledna 2002.

²¹ Mladá fronta DNES. 26. ledna 2002.

²² Entschliessungsantrag von 31. Jänner 2002 [Электронный ресурс] // Österreichisches Parlament. URL: http://www.parlament.gv.at/pd/steno/PD/DE/XXI/NRSITZ/NRSITZ_00092/SEITE_0136.html (дата обращения 2 окт. 2018).

²³ Mladá fronta DNES. 2. března 2002.

²⁴ Usnesení Poslanecké sněmovny ze 49. schůze [Электронный ресурс] // Poslanecká sněmovna Parlamentu ČR. 24. dubna 2002. URL: <http://www.psp.cz/eknih/1998ps/stenprot/049schuz/s049033.htm> (дата обращения 2 окт. 2018).

прошлое... Для вступления в ЕС Чехии нет необходимости отменять “декреты Бенеша”²⁵. После этого декреты перестали быть препятствием на пути Чехии в Евросоюз. Тем не менее Б. Ферреро-Вальднер дала понять, что ее государство настаивает на отмене декретов. «Правовые вопросы – одно, а моральные и политические – другое»²⁶.

Таким образом, Евросоюз встал на сторону Чехии. В интересы ЕС и правительств ведущих государств-членов не входила остановка его расширения за счет одной из самых развитых бывших социалистических стран. К тому же речь шла о теме, связанной с итогами Второй мировой войны, о пересмотре которых 14 (помимо Австрии) входивших на тот момент в Евросоюз государств ничего не говорили. В противном случае возник бы вопрос и о ревизии других документов 1945–1947 гг. и более поздних лет, на основании которых проведены современные границы между европейскими странами. Потому австрийцы остались в одиночестве.

Чешско-австрийский спор продолжается

25 августа 2004 г., спустя почти пять месяцев после приема Чехии в ЕС, прошли переговоры чешского президента В. Клауса и его австрийского коллеги, социал-демократа Х. Фишера. Глава австрийского государства призвал соседей признать несправедливое выселение «староавстрийцев», на что Клаус парировал, что никакой отмены «декретов Бенеша» не случится и в условиях членства двух стран в Евросоюзе²⁷. В последующие годы продолжилась вялотекущая дискуссия, в которой каждая из сторон настаивала на своем.

Новый всплеск споров случился в 2008–2009 гг., когда шел процесс ратификации основополагающего документа ЕС – Лиссабонского договора. В декабре 2008 г. парламент Австрии потребовал от ЕС заставить Чехию отменить декреты²⁸. Со своей стороны, чешские депутаты при голосовании о ратификации Лиссабонского договора в феврале 2009 г. высказались за то, чтобы прилагаемая

²⁵ Die Presse. 1. Oktober 2002.

²⁶ Mladá fronta DNES. 1. října 2002.

²⁷ Mladá fronta DNES. 26. srpna. 2004; Die Presse. 26. August 2004.

²⁸ Entschließungsantrag am 10.12.2008 betreffend Abschaffung der Benes-Dekrete in der Republik Tschechien [Электронный ресурс] // Österreichisches Parlament. URL: http://www.parlament.gv.at/PG/DE/XXIV/A/A_00235/fnameorig_145781.html (дата обращения 2 окт. 2018).

к нему Хартия основных прав и свобод ЕС не могла привести к отмене «декретов Бенеша»²⁹.

Президент Чехии В. Клаус вывел проблему на общеевропейский уровень. Он не ставил свою подпись под Лиссабонским договором, пока ЕС не примет предложение чешского парламента, чтобы Австрия впредь не могла выдвигать свои требования и получить возможность настаивать на материальной компенсации судетским немцам и их потомкам. Он отметил: «Благодаря этому мы получим гарантию того, что Лиссабонский договор не приведет к отмене “декретов Бенеша”»³⁰. Только получив от ЕС соответствующую гарантию, Клаус подписал договор³¹.

Тема отмены законов 1945–1946 гг. всплыла в ходе президентских выборов в Чехии 2013 г. Проведший половину жизни в Австрии, бывший глава чешского МИД и председатель партии ТОП09 К. Шварценберг заявил, что выступает против отмены декретов, но с точки зрения сегодняшнего дня за них можно судить в Гааге. В ответ М. Земан высказался за их неприкосновенность и обозвал соперника «судетским немцем»³². Голосование показало, что резкая риторика Земана не отпугнула избирателей, поскольку именно он набрал большинство голосов.

На выборах президента Австрии 2016 г. тема выселения судетских немцев оказалась в тени последствий миграционного кризиса в Европе. Тем не менее кандидат от Партии свободы Н. Хофер, получивший в третьем туре 48% голосов, обратился к ней. В ходе

²⁹ Usnesení Poslanecké sněmovny ze 18. února 2009 [Электронный ресурс] // Poslanecká sněmovna Parlamentu ČR. URL: <http://www.psp.cz/sqw/text/text2.sqw?idd=53364> (дата обращения 2 окт. 2018).

³⁰ Prohlášení prezidenta republiky ze dne 9. října 2009 k ratifikaci Lisabonské smlouvy [Электронный ресурс] // Václav Klaus. Osobní stránky. URL: <https://www.klaus.cz/clanky/1307> (дата обращения 2 окт. 2018).

³¹ Česká výjimka z Listiny práv EU [Электронный ресурс] // iDNES. Cz. 30. října 2009. URL: http://zpravy.idnes.cz/dokument-ceska-vyjimka-z-listiny-prav-eu-ffh-/prilohy.asp?c=A091030_103904_prilohy_adb (дата обращения 2 окт. 2018); Klaus podepsal Lisabon. Česko tak ztrácí suverenitu, prohlásil [Электронный ресурс] // iDNES.Cz. 3. listopadu 2009. URL: http://zpravy.idnes.cz/klaus-podepsal-lisabon-cesko-tak-ztraci-suverenitu-prohlasil-p63-/domaci.asp?c=A091103_145225_domaci_adb (дата обращения 2 окт. 2018).

³² Benešovy dekrety jsou vyhaslé, tvrdil Zeman v minulosti [Электронный ресурс] // Lidovky. Cz. 20. ledna 2013. URL: https://www.lidovky.cz/benesovy-dekrety-jsou-vyhasle-tvrdil-zeman-v-minulosti-p23-/zpravy-domov.aspx?c=A130119_223059_ln_domov_mc (дата обращения 2 окт. 2018).

предвыборной кампании австрийский политик встречался с М. Земаном и дал понять, что они оба настаивают на недопустимости приема беженцев, но точки зрения на «декреты Бенеша» и лично двух политиков, и Чехии и Австрии в целом остаются противоположными. Хофер подчеркнул: «Декреты с самого начала выходили за рамки права»³³.

На президентских выборах 2018 г. в Чехии тема «декретов Бенеша» не поднималась. В то же время в мае 2018 г. о ней говорил премьер-министр, лидер партии АНО А. Бабиш, назвавший декреты «закрытым делом». По его словам, ни в коем случае не следует заниматься отменой послевоенных постановлений³⁴. Таким образом, спор, который вызвали итоги Первой и Второй мировых войн, не утих и в 2018 г.

Заключение

Итоги Первой мировой войны породили проблему немецкого национального меньшинства в Чехословакии. Недовольные своим положением, судетские немцы содействовали уничтожению и оккупации Чехии нацистской Германией в 1938–1939 гг. В результате по окончании Второй мировой войны проблему чешских немцев решили с помощью их выселения в Германию и Австрию. Такой поворот событий одобрили державы-победительницы во Второй мировой войне. В самой Чехословакии под выселение создали правовую базу в виде «декретов Бенеша».

В то же время выселение судетских немцев не в полной мере соответствует правовым основам современного Евросоюза. За это попыталась зацепиться Австрия, используя шедшие на рубеже XX–XXI вв. переговоры о приеме Чехии в ЕС для решения вопроса в пользу «староавстрийцев». Однако она столкнулась с сопротивлением чешской политической элиты, считавшей такой поворот

³³ Benešovy dekrety představují bezpráví, řekl Hofer před návštěvou Zemana [Электронный ресурс] // iDNES.Cz. 11. září 2016. URL: https://zpravy.idnes.cz/norbert-hofer-rakousko-benesovy-dekrety-milos-zeman-pcv-/zahranicni.aspx?c=A160911_213533_zahranicni_jkk (дата обращения 2 окт. 2018).

³⁴ Premier Babiš: Benes-Dekrete abgeschlossene Sache, kein Sudetendeutscher Tag in Tschechien [Электронный ресурс] // Radio Prag, 24.05.2018. URL: <https://www.radio.cz/de/rubrik/nachrichten/premier-babis-benes-dekrete-abgeschlossene-sache-kein-sudetendeutscher-tag-in-tschechien> (дата обращения 2 окт. 2018).

событий недопустимым. В итоге постановления 1945–1946 гг. не помешали Чехии стать членом Евросоюза. Следующий раз данный вопрос в полной мере напомнил о себе при ратификации Лиссабонского договора в 2009 г., когда чехи, опасаясь притязаний австрийской стороны, добились от ЕС новых гарантий сохранения «декретов Бенеша».

События рубежа XX–XXI вв. и затягивание с ратификацией Лиссабонского договора из-за чешско-австрийского спора по декретам показали, что речь идет не о проблеме не только двух государств, но и всего региона Центральной и Юго-Восточной Европы. В ее решение был вовлечен Евросоюз, вынужденный не раз выступать в роли третейского судьи. В то же время Чехия и Австрия в спорах о «декретах Бенеша» поставили свое национально-государственное понимание справедливости выше принципов европейской солидарности, тем самым неоднократно проверяя ее на прочность.

Президентские выборы 2013 г. в Чехии и обращение к теме «декретов Бенеша» во время выборов в Австрии 2016 г. продемонстрировали, что спор относительно судьбы послевоенных постановлений нельзя считать уделом политических элит. Как минимум часть избирателей в обоих государствах оказались к ней восприимчивы. Тем самым можно признать, что уровень неприятия соседей, равно как и степень чешского и австрийского (австронемецкого) национализма остаются на высоком уровне.

После 2013 г. в связи с миграционным кризисом в Европе острота полемики по поводу выселения судетских немцев снизилась. Мало того, в 2018 г. наметилось сближение Австрии с Чехией и другими странами Вышеградской группы на волне неприятия миграционной политики ЕС, Германии и Франции [43]. Однако вопрос, вытекающий из итогов Второй мировой войны, окончательно не был снят с повестки дня отношений Чехии и Австрии и спустя 14 лет после объединения двух государств в рамках Евросоюза. А значит, данная тема может еще не раз дать о себе знать.

Литература

1. *Трухачев В.В.* «Декреты Бенеша»: мина замедленного действия для ЕС? // Современная Европа. 2010. Июль–сентябрь. № 3 (43). С. 96–109.
2. *Payrleitner A.* Rakušané a Češi: svárlivé přibuzenství. Praha, 2003. 180 s.
3. *Mnichov v dokumentech II.* Praha, 1958. 472 s.
4. *Kuklík J.* Londýnský exil a obnova československého státu. Praha, 1998. 175 s.
5. *Трухачев В.В.* Чешско-австрийские отношения в 1998–2007 гг. (политические и социально-экономические аспекты): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.

References

1. Trukhachev V. “Benes decrees”: a time bomb for the EU? *Sovremennaya Evropa*. 2010. July–September. No. 3 (43). P. 96–109 (In Russ.)
2. Payrleitner A. Rakušané a Češi: svárivé příbuzenství. Praha, 2003. 180 s.
3. Mnichov v dokumentech II. Praha, 1958. 472 s.
4. Kuklík J. Londýnský exil a obnova československého státu. Praha, 1998. 175 s.
5. Trukhachev V. Czech-Austrian relations in 1998–2007 (political and socio-economic aspects). Thesis for the degree of Ph.D. in History. Moscow, 2011. (In Russ.)

Информация об авторе

Вадим В. Трухачев, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6, vadimvts@mail.ru

Information about the author

Vadim V. Trukhachev, Cand. of sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; vadimvts@mail.ru

УДК 327.3

DOI: 10.28995/2073-6339-2019-1-45-57

Система международной безопасности XXI в.: поиск приемлемой теоретической модели

Олег А. Хлопов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, rggu2007@rambler.ru*

Аннотация. Статья раскрывает содержание международной безопасности с точки зрения различных теоретических концепций и возможности построения устойчивой модели безопасности в постбиополярном мире. Анализируя закономерности формирования принципов международной безопасности, автор пытается определить, какие из ее теоретических концепций наиболее приемлемы в современных условиях и могут наилучшим образом способствовать преодолению турбулентности и неопределенностей мировой политики. Новизна исследования состоит в критическом осмыслении основных теоретических концепций безопасности и выявлении модели, которая бы отражала практический опыт прошлых десятилетий и учитывала интересы России.

Ключевые слова: сфера влияния, национальные интересы, международная безопасность, Россия, НАТО, Запад

Для цитирования: Хлопов О.А. Система международной безопасности XXI в.: поиск приемлемой теоретической модели // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 1. С. 45–57. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-1-45-57

The System of International Security of the 21-st Century: the Search for an Acceptable Theoretical Model

Oleg A. Khlopov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
rggu2007@rambler.ru*

Abstract. The article reveals the content of international security from the point of view of various theoretical concepts and the possibility of creating a sustainable security model in the post-bipolar world. Analyzing the patterns of the formation of international security principles, the author tries to determine

© Хлопов О.А., 2019

which of the theoretical concepts of international security are most appropriate in modern conditions and can best help to overcome the turbulence and uncertainties of world politics. The novelty of the study consists in the critical understanding of the basic theoretical concepts of security and the identification of the international security model that would reflect the practical experience of the past decades and take into account the interests of Russia.

Keywords: sphere of influence, security studies, national interests, international security, Russia, NATO, the West

For citation: Khlopov OA. The System of International Security of the 21-st Century: the Search for an Acceptable Theoretical Model. *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series.* 2019;1:45-57. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-1-45-57

Введение

Безопасность является самым спорным предметом в исследованиях международных отношениях. Многочисленные школы и направления по-разному определяют причины и характер возникающих угроз, предлагают различные способы поддержания международной стабильности.

Ведущей теоретической школой в изучении международной безопасности остается реализм/неореализм, основные положения которого содержатся в работах Э. Карра, Г. Моргентау, К. Уолтца, Зб. Бжезинского, М. Каплана. Б. Бузана, С. Краснера, С. Хоффмана, У. Уолфорта [1–9]. Заметное влияние на раскрытие механизмов формирования международной безопасности оказывает нелиберальное направление и институциональный подход, которые представлены в работах Дж. Ная, Р. Кохейна, Ф. Закария [10,11], а также неомарксизм – в трудах И. Валлерстайна [12]; конструктивизм – в исследованиях А. Вендта, Н. Онуфа [13, 14], феминистское направление – в исследованиях К. Кон, С. Виртворт, С. Энлоу [15–17]. Особое значение имеет книга Г. Киссинджера «Мировой порядок», в которой сформулированы принципы достижения глобальной стабильности [18].

В данной статье кратко обобщены теоретические и методологические основы исследований, посвященных международной безопасности. Критически осмысливая существующие гипотезы и концепции, автор пытается определить наиболее приемлемые модели, которые могут способствовать поддержанию международной стабильности.

Основные теоретические концепции безопасности

Приверженцы *политического реализма* рассматривают международную политику как борьбу за власть, поскольку государства постоянно пытаются воспользоваться преимуществами друг друга, стремятся к достижению собственной безопасности, действуя по принципу «помоги себе сам». Эту точку зрения разделяли такие ученые, как Эдвард Х. Карр и Ганс Моргентау [1, 2]. Международная безопасность, с позиции политического реализма, подвергается угрозам военно-политического характера, для минимизации которых государства вынуждены создавать систему договорных обязательств на принципах общих коллективных действий или военно-политические союзы в условиях перманентной международной анархии [19].

Таким образом, референтным объектом безопасности является государство как рациональное политическое образование, поведение которого обуславливается национальными интересами и стремлением к абсолютной мощи и силе, а безопасность рассматривается как защита от вторжения внешних врагов и угроз.

Сторонники неореализма (например, Кеннет Уолтц) пытаются объяснить природу международных отношений с точки зрения системного анализа. По их мнению, структура международной системы имеет приоритет над природой государств. При этом любая международная система, невзирая на свои исторические особенности, устойчива к фундаментальному изменению, поскольку международные отношения всегда структурированы, а поведение государств на международной арене определяется не столько их национальными интересами, сколько международной структурой (системой) – ее иерархией, связями между государствами, а также местом, ролью и статусом государства в этой системе [3].

Биполярный мир, по мысли Уолтца, является самым стабильным, поскольку основан на противостоянии двух сверхдержав. Более слабые государства вынуждены подчиняться одной из этих сверхдержав и, следовательно, не могут увеличить свою силу и влияние. Однако некоторые исследователи ставят под сомнения это утверждение, задаваясь вопросом о том, может ли ответственный гегемон обеспечить стабильность, будучи гарантом военной экономической и политической безопасности. Идея об однополярной модели международной безопасности и важной функции мирового лидера, разработанная в рамках *теории гегемонистской стабильности*, является популярной среди сторонников неореализма [7].

В попытках пересмотреть и обновить классические положения неореализма возник «*этический реализм*», представители которого призывают США признать как сильные, так и слабые стороны своей внешней политики, а также учитывать интересы других стран. В работе «*Этический реализм*» американские исследователи А. Ливен и Дж. Халсман объясняют, как Соединенные Штаты могут успешно сочетать настоящую мораль с жестким и практичным здравым смыслом и основными принципами американской традиции *этического реализма* – благоразумием, патриотизмом, ответственностью, смирением и глубоким пониманием других народов. Аргументы сторонников «*этического реализма*» направлены на то, чтобы установить американскую глобальную власть на более ограниченной, но более прочной основе, с большей международной поддержкой [20].

Либерализм имеет более короткую историю, чем реализм, но после Первой мировой войны на определенное время стал влиятельной концепцией в международных отношениях, в которой кантовская концепция «вечного мира» рассматривается как отправная точка современного либерального порядка [21].

С позиции либерального идеализма основными принципами обеспечения безопасности государства являются универсальные ценности, права личности и общечеловеческие интересы, а также укрепление влияния и расширение прав международных институтов. В рамках либеральной/неолиберальной парадигмы сформировалось несколько различных направлений и теорий, которые настаивают на возможности утверждения международной безопасности на отличных от реализма принципах. Так, *либеральный институционализм* рассматривает международные институты как главный фактор предотвращения конфликтов между нациями, утверждая, что, хотя институты не могут изменить анархическую природу международных отношений, международная среда, которая построена на определенных принципах и нормах, может влиять на поведение государств внутри системы. Различные международные правительственные (МПО) и неправительственные организации (МНПО) являются для либералов главными акторами, содействующими миру.

Сторонники *транснационализма* уделяют первостепенное внимание расширению связей между различными субъектами мировой политики в области экономики, финансов и других сферах, утверждая, что за счет этого формируются отношения, при которых торговать и сотрудничать намного выгоднее, чем вступать в конфронтацию и воевать. Одна из первых основополагающих работ на эту тему – «Транснациональные отношения и мировая по-

литика» – была опубликована Р. Кохейном и Дж. Найем в 1971 г. Авторы приводят примеры растущих глобальных отношений между людьми, раскрывают понимание ряда общемировых социально-экономических и политических процессов и явлений, в том числе социальных движений, терроризма, политического насилия и организованной преступности, которые выходят за пределы компетенции национальных правительств и государств [10].

Согласно теории «*демократического мира*», демократические государства не воюют друг с другом, следовательно, для поддержания мира и стабильности необходимо расширять клуб государств с демократическими режимами. Сторонники этой теории настаивают на том, что (а) демократические государства не склонны рассматривать страны со сходной политикой и политической доктриной как враждебные; (б) демократия, как правило, обладает большим общественным достоянием, чем другие государства, и поэтому избегает войны, чтобы сохранить инфраструктуру и ресурсы [22].

Концепция «*гуманитарного вмешательства*» предполагает вмешательство во внутренние дела государства путем направления военных сил на территорию или воздушное пространство суверенного государства, которое не совершило акта агрессии против другого государства. Это вмешательство мотивируется гуманитарными целями – защитой прав граждан, борьбой с геноцидом, предотвращением гражданской войны [23].

Критики нелиберального подхода считают, что международные институты, осуществляющие помощь, находятся под влиянием стран Запада и их деятельность ведет к постмодернистскому империализму, неравноправному партнерству в условиях, когда более сильные государства, участвуя в оказании помощи более слабым, могут иметь совсем другие цели своей миссии, нежели просто оказание гуманитарной помощи, или предоставляют ее при определенных условиях.

Другие концепции международной безопасности в рамках нелиберального подхода – «*ответственности по защите*» и «*гуманитарной интервенции*» – исходят из того, что, когда государство не может защитить своих граждан, эту функцию может взять на себя международное сообщество, игнорируя тем самым принцип национального суверенитета¹. В целом в либеральной/нелиберальной

¹Responsibility to Protect. Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty [Электронный ресурс]. Ottawa, ON, Canada: International Development Research Centre, 2001. URL: <http://responsibilitytoprotect.org/ICISS%20Report-1.pdf> (дата обращения 18 марта 2019).

парадигме наилучшим образом избежать войны и конфликтов позволяет система коллективной безопасности (collective security), функционирующая на основах и принципах, разделяемых всеми членами международного сообщества.

Коллективная безопасность может быть определена как способ поддержания мира на основе организации суверенных государств, члены которой обязуются защищать друг друга от нападения. Эта концепция возникла в 1914 г., но была довольно слабо отражена в Законе о Лиге Наций 1919 г. Принципы коллективной безопасности стали вновь актуальными после окончания Второй мировой войны и принятия Устава ООН в 1945 г. К ним относятся: неприменение силы или угрозы силой; реализация коллективных действий для предотвращения и устранения агрессии и угрозы миру; совместные действия, направленные на ограничение и сокращение вооружений, вплоть до полного разоружения. Впоследствии эта концепция легла в основу менее идеалистических и более узких механизмов совместной обороны, таких как Организация Североатлантического договора (НАТО), Организация Варшавского договора (ОВД), «Тихоокеанский пакт безопасности» между Австралией, Новой Зеландией и США (АНЗЮС), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Североевропейский оборонительный союз (NORDEFSCO) с участием Дании, Исландии, Норвегии, Швеции и Финляндии.

Марксистская трактовка понятия международной безопасности исходит из того, что движущей силой международных отношений выступают классы и социальные группы, которые имеют прямо противоположные экономические интересы. Именно экономический фактор и антагонизм между странами «центра» (страны «золотого миллиарда»), эксплуатирующими «периферию» (слаборазвитые и развивающиеся государства, их ресурсы и дешевую рабочую силу), детерминируют мировую политику, согласно неомарксистам. Предложенный И. Валлерстайном мир-системный анализ характеризует современный мир как капиталистическую мир-экономику, которая регулирует направление развития государств, разделяя их на три группы: ядро, периферию и полупериферию. Все виды конфликтов и вызовов международной и национальной безопасности, согласно сторонникам неомарксизма, проистекают из разделения мира на бедных и богатых [12]. Отсюда захватнический, империалистический, неокOLONIALНЫЙ характер современных военных конфликтов и войн между странами за обладание материальными и природными ресурсами, установление соподчиненных отношений между странами центра и периферии, захват рынков сбыта товаров, производимых крупными трансна-

циональными корпорациями. С целью создания условий для стабильных и бесконфликтных отношений неомарксисты предлагают слаборазвитым странам сокращать технологическое отставание от развитых государств. Последние, в свою очередь, должны оказаться от стратегии и принципа «зависимые – соподчиненные – ведомые государства» и оказывать реальную помощь для преодоления их отставания, а не закабалить эти государства с новой силой.

Начиная с 1980-х гг. в изучении международной политики стали формироваться *критические и постмодернистские теории*. Заметный вклад в понимание проблем международной безопасности внес *конструктивизм*, согласно которому безопасность – социальная конструкция. Конструктивисты подчеркивают важность социальных, культурных и исторических факторов, которые приводят к тому, что различные акторы мировой политики интерпретируют одни и те же события по-разному [24].

Представители конструктивизма А. Вендт и Н. Онуф утверждают, что дилемма безопасности – это социальная структура, состоящая из межсубъективных понятий, в которой государства настолько недоверчивы, что делают худшие предположения о намерениях друг друга и, как результат, определяют свои интересы в терминах «самопомощи» [13, 14].

В конструктивистском мышлении акцент смещается на структуру общих знаний. Социальные структуры приобретают смысл только через общие знания, в которые они встроены. Как полагает А. Вендт, политика обеспечения доверия может помочь создать структуру общих знаний, которая позволит государствам сформировать мирное сообщество безопасности, поэтому понимание ключевой роли социальной структуры имеет важное значение при принятии решений и формировании процессов взаимодействия.

С появлением новых направлений исследований в рамках критических теорий и постмодернизма также начала складываться *феминистская школа* в изучении международных отношений, которая исходит из того, что проблему безопасности следует понимать гораздо шире – с точки зрения проявления любой формы насилия.

Основные моменты дискуссий для представителей этой школы сконцентрированы на том, каким образом феминистские идеи воспринимаются субъектами мировой политики. Большая часть обсуждений нацелены на выявление того, (а) почему игнорируется влияние полов в изучении международных отношений и (б) какой вклад феминизм может внести в практику международных отношений, особенно в решение проблем насилия и конфликтов.

Представители феминистского направления бросают вызов традиционному взгляду на ключевую роль государства в исследо-

ваниях на тему международной безопасности. Так, известная писательница Ситния Энлоэ указывает на патриархальную структуру привилегий и контроля на всех уровнях. По ее мнению, использование таких терминов, как «безопасность», часто предназначено для сохранения преобладающего порядка с участием мужчин, а не для защиты государства от внешнего нападения [17].

Вышеприведенный анализ различных направлений в изучении международной безопасности позволяет утверждать, что концепция *баланса сил* является наиболее исторически апробированной из существующих теорий. Сторонники реалистической парадигмы ссылаются на нее как самую распространенную модель международной безопасности в истории взаимодействия различных наций и государств. Как замечает основоположник неореализма К. Уолтц, «политика баланса сил преобладает всегда, когда соблюдаются два единственных требования: анархический порядок и наличие в нем политических единиц, желающих выжить» [3].

В то же время реализм не учитывает в полной мере возможность того, что международная стабильность и порядок могут поддерживаться как за счет баланса сил, так и на институциональных основах, с помощью общих правил поведения, которые необходимо пересматривать в условиях неопределенности, трансформации системы международных отношений от одной конфигурации расстановки сил и влияния к другой. К этому следует добавить, что реализм и неореализм не включают в свой анализ характер вызовов и угроз невоенного характера.

«Мировой порядок» Генри Киссинджера

Среди работ зарубежных авторов особое внимание заслуживает книга Г. Киссинджера «Мировой порядок», в которой подчеркивается, что стабильности в форме «мирового порядка» можно достичь на основе «совокупности общепринятых правил, определяющих пределы допустимых действий, и баланса сил, необходимого для сдерживания в условиях нарушения правил, что не позволяет одной политической единице подчинить себе все прочие» [18 с. 21]. Следовательно, институциональный консенсус относительно этих норм и правил поведения между ведущими региональными державами помогает гарантировать стабильность и безопасность на международном уровне.

Такое понимание способа поддержания стабильности и порядка сближает Киссинджера с либералами и конструктивистами. Конечно, он не забывает о силе и мощи государства. Сдвиги в балансе

сил неоднократно нарушают международный порядок, а появляющиеся новые центры силы бросают вызов правилам и угавающим державам, которые пытаются удержать ситуацию под контролем².

Киссинджер признает, что баланс сил основан на реалиях, поэтому участники международных отношений теоретически должны видеть эти реалии одинаково, однако на практике их восприятие зависит от внутренней структуры, культуры и истории каждого общества и государства.

Пожалуй, можно утверждать, что в понимании Г. Киссинджером современного способа достижения международной стабильности синтезируются различные концепции международных отношений на основе признания неизбежности политической и экономической конкуренции. Кроме Г. Киссинджера о невозможности построения однополюсного мира говорят и другие исследователи. Американский профессор Рэндал Швеллер, в частности, выдвинул концепцию «плоского мира», согласно которой больше не будет мощных сверхдержав либо коалиций сверхдержав, миром будет управлять множество различных акторов³. Порядок уступает место «энтропии», которая нарастает, согласно второму закону термодинамики, переходя в хаос и беспорядок. США, по мнению автора, ослабевают под гнетом существующих проблем и вынуждены уменьшить свои внешнеполитические амбиции. При этом проблемы и кризисы будут нарастать, хотя опасность больших войн между сверхдержавами снижается. Представляется, что модель Р. Швеллера близка к концепции полицентричного и многополярного мира, сторонниками которого выступают Россия и Китай.

Заключение

Несомненно, теоретические модели вносят существенный вклад в понимание проблем международной безопасности и механизмов ее поддержания. В то же время ни одна частная теория, концепция или гипотеза не может охватить сложность современного состоя-

²*Lynch M.* Kissinger the Constructivist [Электронный ресурс] // WashingtonPost. 2014. Oct. 21. URL: https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2014/10/21/kissinger-the-constructivist/?noredirect=on&utm_term=.072267509afd (дата обращения 10 фев. 2019).

³*Schweller R.* The Age of Entropy, Why the New World Order Won't Be Orderly [Электронный ресурс] // Foreign Affairs. 2014. June 16. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2014-06-16/age-entropy> (дата обращения 20 марта 2019).

ния международных отношений, учесть все особенности исторического момента и быть универсальной для всех государств. Тем более что некоторые концепции, такие как «этический реализм», теории «демократического мира» и «гуманитарной интервенции», отражают национальные особенности стран Запада и сформулированы в рамках англо-саксонской политической мысли.

Рассмотренные концепции международной безопасности очень разнообразны, в них сделан акцент на различных характеристиках и аспектах деятельности участников международных отношений. Как показывает исторический опыт, отношения между основными державами определяют уровень глобальной стабильности, которую можно поддерживать двумя способами – на основе баланса сил и коллективной безопасности.

Неучастие России на равных основаниях в системе региональной европейской безопасности и определении новых правил и международно-правовых норм постбиполярного мира после окончания холодной войны привело к недопониманию интересов сторон и, как результат, к новой конфронтации с Западом.

Очевидно, что Россия и Запад должны принципиально переосмыслить свою политику по отношению друг к другу. В краткосрочной перспективе необходимо возобновить диалог как в официальных форматах, например в Совете Россия – НАТО, так и неформальных – с целью выработки мер по укреплению доверия в Европе. В долгосрочной перспективе нужно способствовать включению России в евроатлантическую архитектуру безопасности на равной основе в рамках новой организации коллективной безопасности.

Литература

1. Carr Ed. *The Twenty Years Crisis 1919–1939*. New York: Harper Perennial, 1964. 244 p.
2. *Morgenthau G. Politics among Nations*. New York: McGraw-Hill Education, 2005. 752 p.
3. *Waltz K. Theory of International Politics*. Reading, MA: Addison-Wesley, 1979. 251 p.
4. *Brzezinski Zb. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. New York: Basic Books, 2016. 256 p.
5. *Kaplan M.A. System and Process in International Politics*. London: ECPR Press, 2005. 258 p.
6. *Buzan B., Waeaver O. Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 p.

7. *Krasner D.S.* Power, the State and Sovereignty: Essays on International Relations. London, New York: Routledge, 2009. 312 p.
8. *Hoffmann S.* After the Cold War: International Institutions and State Strategies in Europe, 1989–1991 / Co-edited with Keohane R. and Nye J. Cambridge, Mass., U.S.: Harvard University Press, 1993. 481 p.
9. *Уолфорт У.* Возвращение реальной политики // Россия в глобальной политике. 2015. № 4. С. 50–61.
10. *Keohane R., Nye Jr.* Power and Interdependence: World Politics in Transition. 4th edition. Upper Saddle River, NJ: Pearson Addison Wesley, 2011. 368 p.
11. *Zakaria F.* The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad. Revised edition. New York: W.W. Norton & Company, 2007. 301 p.
12. *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ. Введение. М.: Территория будущего, 2006. 248 с.
13. *Wendt A.* Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 447 p.
14. *Onuf N.* World of Our Making: Rules and Rule in Social Theory and International Relations. London: Routledge, 2012. 352 p.
15. *Cohn C.* Women and Wars. Cambridge: Polity Press, 2013. 296 p.
16. *Whitworth S.* Feminism and International Relations: Towards a Political Economy of Gender in Interstate and Non-Governmental Institutions (International Political Economy). New York: Macmillan Press, 2014. 204 p.
17. *Enloe C.* Maneuvers: The International Politics of Militarizing Women's Lives. Berkeley: University of Southern California Press, 2000. 440 p.
18. *Киссинджер Г.* Мировой порядок. М.: АСТ, 2015. 512 с.
19. *Wohlforth W.C.* Realism and Security Studies. The Routledge Handbook of Security Studies. New York: Routledge, 2010. 504 p.
20. *Lieven A., Hutsman Jh.* Ethical Realism. New York: Pantheon, 2006. 224 p.
21. *Navari C.* Liberalism. Security Studies: An Introduction. P.D. William. New York: Routledge, 2008. 666 p.
22. *Weart S.R.* Never at War: Why Democracies Will Not Fight One Another. New Haven, CT: Yale University Press, 2000. 432 p.
23. *Alton Fr.* Humanitarian Intervention: Crafting a Workable Doctrine. New York: Council on Foreign Relations. Distributed by Brookings Institution Press, 2000. 94 p.
24. *McDonald M.* Constructivism. Security Studies: An Introduction. New York: Routledge, 2008. 666 p.

References

1. Carr Ed. The Twenty Years Crisis 1919–1939. New York: Harper Perennial; 1964. 244 p.
2. Morgenthau G. Politics among Nations. New York: McGraw-Hill Education; 2005. 752 p.

3. Waltz K. Theory of International Politics. Reading, MA: Addison-Wesley; 1979. 251 p.
4. Brzezinski Zb. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. New York: Basic Books; 2016. 256 p.
5. Kaplan MA. System and Process in International Politics. London: ECPR Press; 2005. 258 p.
6. Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press; 2003. 564 p.
7. Krasner DS. Power, the State and Sovereignty: Essays on International Relations. New York: Routledge; 2009. 312 p.
8. Hoffmann S. After the Cold War: International Institutions and State Strategies in Europe, 1989–1991 / Co-edited with Keohane R. and Nye J. Cambridge: Harvard University Press; 1993. 481 p.
9. Wohlforth W. The Return of Realpolitik. *Russia in Global Affairs*. 2015;4:50-61. [In Russ.]
10. Nye Jr. Power and Interdependence: World Politics in Transition. 4th edition. Upper Saddle River, NJ: Pearson Addison Wesley; 2011. 368 p.
11. Zakaria F. The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad. Revised edition. New York: W.W. Norton & Company; 2007. 301 p.
12. Wallerstein I. World-Systems Analysis. Introduction. Moscow: Territoriya budushchego; 2006. 248 p. [In Russ.]
13. Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press; 1999. 447 p.
14. Onuf N. World of Our Making: Rules and Rule in Social Theory and International Relations. London: Routledge; 2012. 352 p.
15. Cohn C. Women and Wars. Cambridge: Polity Press; 2013. 296 p.
16. Whitworth S. Feminism and International Relations: Towards a Political Economy of Gender in Interstate and Non-Governmental Institutions (International Political Economy). New York: Palgrave Macmillan; 2014. 204 p.
17. Enloe C. Maneuvers: The International Politics of Militarizing Women's Lives. Berkeley: University of Southern California Press; 2000. 440 p.
18. Kissinger G. World Order. Moscow: AST; 2015. 512 p. [In Russ.]
19. Wohlforth WC. Realism and Security Studies. The Routledge Handbook of Security Studies. New York: Routledge; 2010. 504 p.
20. Lieven A., Hutsman Jh. Ethical Realism. New York: Pantheon; 2006. 224 p.
21. Navari C. Liberalism. Security Studies: An Introduction. P.D. William. New York: Routledge; 2008. 666 p.
22. Weart SR. Never at War: Why Democracies Will Not Fight One Another. New Haven, CT: Yale University Press; 2000. 432 p.
23. Alton Fr. Humanitarian Intervention: Crafting a Workable Doctrine. New York: Council on Foreign Relations. Distributed by Brookings Institution Press; 2000. 94 p.
24. McDonald M. Constructivism. Security Studies: An Introduction. New York: Routledge; 2008. 666 p.

Информация об авторе

Олег А. Хлопов, кандидат политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет; ГСП-3, 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; rggu2007@rambler.ru

Information about the author

Oleg A. Khloпов, Cand. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, GSP-3, 125993; rggu2007@rambler.ru

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

УДК 327.7

DOI: 10.28995/2073-6339-2019-1-58-74

Взаимодействие ФРГ с Австрией и Швейцарией в политико-военной области на современном этапе

Филипп О. Трунов

*Институт всеобщей истории РАН, Институт научной информации
по общественным наукам РАН, Москва, Россия, 1trunov@mail.ru*

Аннотация. В XXI в. Германия последовательно стремится к увеличению своей роли в сфере международной безопасности. Отличительной чертой ее движения по данному пути является не только активное использование возможностей профильных международных структур (в первую очередь, НАТО, ЕС, ООН), но и развитие дву- и трехсторонних связей с государствами-партнерами.

В статье рассматриваются взаимоотношения Германии с Австрией и Швейцарией в политико-военной области на современном этапе. Эта тема не нашла еще должного освещения в работах зарубежных и отечественных авторов. Основными методами исследования выступают сравнительный анализ и ивент-анализ, а методологической основой – теория строительства вооруженных сил.

Отмечается, что объемы сотрудничества ФРГ с каждым из этих государств по всем ключевым направлениям резко возросли в 2016–2017 гг. Особое внимание уделяется формату D-A-CH (Германия – Австрия – Швейцария), запущенному в 2017 г. на уровнях министров обороны, генерал-инспекторов и руководителей военно-экспортных структур. Показываются внутривнутриполитические причины временного спада в германо-австрийских отношениях в первой половине 2018 г. Исследуется характер и перспективы практического сотрудничества вооруженных стран немецкоязычного «треугольника», в том числе под эгидой ООН. Изучаются возможности трехстороннего взаимодействия в области строительства вооруженных сил и борьбы с киберугрозами. Швейцария и особенно Австрия заинтересованы в развитии военного сотрудничества с ФРГ как старшим партнером в условиях роста численности своих армий. В свою очередь, Германия стремится играть роль «рамочной нации» в деле комплектования группировок под эгидой ЕС, НАТО и ООН, в том числе с участием двух нейтральных стран с немецкоязычным населением.

© Трунов В.О., 2019

Ключевые слова: Германия, Австрия, Швейцария, многосторонние форматы, строительство вооруженных сил, регулирование, нестабильность

Для цитирования: Трунов Ф.О. Взаимодействие ФРГ с Австрией и Швейцарией в политико-военной области на современном этапе // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 1. С. 58–74. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-1-58-74

German Cooperation with Austria and Switzerland in Political-Military Sphere in the Modern Period

Philipp O. Trunov

*Institute of World History, Russian Academy of Sciences,
Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia, 1trunov@mail.ru*

Abstract. In the XXI century Germany consistently tries to enlarge its role in the sphere of international security. The distinctive characteristic of this German policy is not only the usage of international structures` (the UN organization, NATO, the EU) potential, but also the development of two- and trilateral links with partner states. In this regard, the article considers the German relations with Austria and Switzerland in political-military sphere at the present stage.

The paper notes that the scope of cooperation between Germany and these states has increasingly grown since 2016–2017. Concerning this, the author pays special attention to the D-A-CH format (Germany – Austria – Switzerland). Russian and Western researchers have taken little notice of this issue. The key research methods are an event-analysis and a comparative analysis. The methodology of the article is the theory of armed forces development. It was launched at the levels of defense ministers, general inspectors and the managers of structures responsible for military exports. The article also analyzes the character and the internal reasons of the temporary decline in the German-Austrian relations during the first half of 2018. The paper explores the character and the perspectives of practical cooperation between the armed forces of the German-speaking states triangle, including the cases of coordination under the UN organization. The article also considers the trilateral cooperation opportunities in the struggle with cyber challenges and in the sphere of armed forces building. Given their rapidly expanding armies, Switzerland and especially Austria are interested in the development of military, including military-technical, cooperation with Germany as a senior partner. Germany tries to play the part of the “frame nation” in the process of creating military groups under the aegis of the EU, NATO, the UN, with the participation of the two neutral German-speaking states.

Keywords: Germany, Austria, Switzerland, multilateral formats, armed forces building, resolution, instability

For citation: Trunov PhO. German Cooperation with Austria and Switzerland in Political-Military Sphere in the Modern Period. *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series.* 2019;1:58-74. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-1-58-74

Введение

В XXI в. ФРГ последовательно движется к статусу глобальной державы, стремясь увеличить свою роль в решении широкого круга проблем международной безопасности. Если в годы «классической» холодной войны военный потенциал ФРГ задействовался исключительно для обеспечения территориальной обороны (то есть в пределах Центральной Европы), то с начала 1990-х гг. значительная часть усилий перенаправляется вовне зоны ответственности НАТО. Отличительной особенностью использования бундесвера за границами ФРГ (особенно за пределами Европы) стало его применение не под национальным командованием, а исключительно под эгидой международных структур (НАТО, ООН, ОБСЕ и, с середины 2000-х гг., ЕС). При этом Германия уделяет повышенное внимание кооперации с фокусными государствами-партнерами, углубляя дву- и трехсторонние связи.

Традиционно особую роль в такой кооперации для ФРГ играли Франция и США, хотя рост числа и продолжительности кризисов в отношениях с последними (2002–2003 гг., 2011 г. и с 2016 г.) велик к существенному снижению ее качества и объемов. На этом фоне все более значимую, хотя и не столь заметную на первый взгляд роль во внешней политике ФРГ играет развитие практического сотрудничества с малыми и средними государствами – членами НАТО и ЕС. В первую очередь к ним относятся страны, близкие к Германии в социокультурном и экономическом отношении, в частности Нидерланды и Швеция. В Косово, Афганистане и Мали совпадали географические районы (на уровне провинций) использования миротворческих контингентов бундесвера и вооруженных сил этих двух королевств. А 1-й германо-нидерландский корпус представляет пример постоянно функционирующего совместного военного механизма двух стран, используемого под эгидой как НАТО (в частности, при комплектовании сил быстрого реагирования, СБР), так и ЕС¹.

¹Headquarters 1 (German/Netherlands) Corps – 1 GNC (Introduction) [Электронный ресурс]. URL: <https://1gnc.org/introduction/> (дата обращения 1 фев. 2019).

Данная статья посвящена состоянию и перспективам сотрудничества Германии с немецкоязычными странами – Австрией и Швейцарией – в политико-военной области. Задача статьи – исследовать динамику, промежуточные результаты и перспективы кооперации этих трех стран применительно к 2010-м гг. Ключевыми методами исследования выступают сравнительный анализ и ивент-анализ, а методологической основой – теория строительства вооруженных сил. В отличие от исторического опыта современный период развития отношений ФРГ с Австрией и Швейцарией в области безопасности не нашел еще должного освещения в работах зарубежных [1] и отечественных исследователей.

Формальным препятствием на пути углубления сотрудничества для ФРГ выступает нейтральный (в случае Швейцарии) и условно нейтральный (применительно к Австрии) статус этих государств. Однако наблюдаемый рост взаимной заинтересованности в развитии взаимодействия обусловлен не только социокультурными и экономическими предпосылками, но и увеличением общих угроз в области международной безопасности. К ним, во-первых, относятся тесно связанные проблемы массовой нелегальной миграции из нестабильных стран Ближнего Востока и Африки и рост террористической активности в странах ЕС. Значительные потоки беженцев из стран Леванта, следующие по «балканской тропе», движутся в Австрию. Одна их часть стремится осесть на ее территории, другая – активно перемещается в ФРГ. Во-вторых, необходимо отметить возникновение с 2014 г. масштабной конфронтации в отношениях Запада и России, приведшей к наращиванию военных потенциалов в Европе. Эти процессы оказывают опосредованное влияние и на Швейцарию. Предметом ее общей с двумя другими немецкоязычными странами обеспокоенности выступает и рост киберпреступности.

Новый формат D-A-CH: перспективы и проблемы

15 марта 2017 г. министр обороны ФРГ У. фон дер Ляйен совместно со своими швейцарским и австрийским коллегами Г. Пармелин и Х.-Р. Доскожилем впервые провели встречу в формате D-A-CH – «треугольника» стран с немецкоязычным населением².

²Bundesministerin der Verteidigung Ursula von der Leyen empfängt den Verteidigungsminister der Schweizerischen Eidgenossenschaft Guy Parmelin und den Verteidigungsminister der Republik Österreich Hans Peter Doskozil zu gemeinsamen Gesprächen im D-A-CH-Format auf Ministerebene [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bmvg.de/resource/blob/10786/>

Традиционно подобные форматы создавались ФРГ и функционировали при ведущем участии либо главы правительства, либо руководителя МИД Германии. При этом канцлеры курировали работу форматов с участием как партнеров по НАТО (Франция), так и государств, не входящих в альянс (РФ, КНР, Бразилия), а министры иностранных дел отвечали за переговоры с малыми и средними государствами (В3+1 и N3+1, то есть страны Балтии и Скандинавии соответственно и ФРГ). Создание переговорной площадки Германия – Австрия – Швейцария главами оборонных ведомств указывало на особую взаимную заинтересованность сторон в развитии именно военно-политического сотрудничества. Встречи в формате «треугольника» должны были проводиться не только на министерском уровне, но и на уровне высших должностных лиц из числа кадровых военных (в случае бундесвера – генерал-инспектор), руководителей штабов по планированию (внутри министерств обороны) и структур, ответственных за экспорт военной продукции³.

В ходе встречи 15 марта 2017 г. были определены основные направления сотрудничества. Во-первых, речь шла об интенсификации регулярного обмена информацией, в том числе разведанными, по всему спектру вопросов обеспечения безопасности в Европе.

Во-вторых, стороны признали необходимость наращивания кооперации в области миротворчества и поддержания мира на базе ООН, что не противоречило упрочению нейтрального статуса Австрии и Швейцарии. Для них кооперация с ФРГ существенно расширяет возможности по обеспечению своего точечного присутствия в зонах вооруженных конфликтов. Следует подчеркнуть, что по сравнению с периодом «классической» холодной войны удельный вклад нейтральных европейских стран (в основном малых) в дело обеспечения мира существенно уменьшился. Прежде всего это обусловлено резкой активизацией на данном направлении

43025704a5a7f379a09c38c5098123ef/13-03-17-ursula-von-der-leyen-empfaengt-die-verteidigungsminister-aus-der-schweiz-und-oesterreich-data.pdf (дата обращения 1 фев. 2019).

³Bundesministerin der Verteidigung Ursula von der Leyen empfängt den Verteidigungsminister der Schweizerischen Eidgenossenschaft Guy Parmelin und den Verteidigungsminister der Republik Österreich Hans Peter Doskozil zu gemeinsamen Gesprächen im D-A-CH-Format auf Ministerebene [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bmvg.de/resource/blob/10786/43025704a5a7f379a09c38c5098123ef/13-03-17-ursula-von-der-leyen-empfaengt-die-verteidigungsminister-aus-der-schweiz-und-oesterreich-data.pdf> (дата обращения 1 фев. 2019).

более крупных государств (включая саму Германию), чьи ресурсы до 1990-х гг. в основном использовались с целью блокового сдерживания.

В середине 2010-х гг. наблюдался очередной виток повышения интереса ФРГ к участию в деятельности ООН. Одна из причин этого – рост числа нестабильных государств в северной части Африки (Ливия и Мали с 2011–2012 гг., Чад, Сомали), с территории которых могут проецироваться на Европу масштабные террористические и миграционные угрозы. Однако НАТО не продемонстрировала готовности активно включаться в решение проблем безопасности в Африке. ЕС ограничивался проведением на этом континенте небольших и краткосрочных миротворческих операций или развертыванием миссий с узким спектром задач (в первую очередь военно-тренировочных). Соответственно, лишь ООН обладала возможностями по организации многопрофильных масштабных миротворческих миссий, каковой и стала MINUSMA (Мали, с 2013 г.). В ее составе был развернут один из двух самых крупных (второй – в Афганистане под эгидой НАТО) воинских контингентов бундсвера, оперирующих за пределами Европы в настоящий момент (до 1 тыс. военнослужащих)⁴.

В-третьих, на встрече 15 марта 2017 г. было принято решение о налаживании сотрудничества в деле борьбы с киберпреступностью. Обе нейтральные страны проявляют интерес к изучению и использованию опыта бундсвера, в составе которого в 2017 г. было создано киберкомандование как отдельный межвидовой компонент вооруженных сил ФРГ. Примечательно, что на фоне в целом весьма ограниченного участия Австрии и особенно Швейцарии в военно-тренировочной деятельности НАТО обе эти страны уже с 2013 г., то есть еще до украинских событий 2014–2015 гг., вносят активный вклад в проведение ежегодных учений “Cyber Coalition” на базе Тартуского университета (Эстония)⁵.

Наконец, в-четвертых, ФРГ, Австрия и Швейцария договорились о тесной координации усилий в деле подготовки личного

⁴Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmision der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA). Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/1098, 07.03.2018. s. 1-4.

⁵Cyber coalition helps prepare NATO for today`s threats [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_160898.htm?selectedLocale=en (дата обращения 1 фев. 2019); NATO holds annual cyber defence exercise [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/news_105205.htm (дата обращения 1 фев. 2019).

состава вооруженных сил, и в особенности инструкторов и командного состава⁶. По мнению автора, у этого направления существует значительный потенциал для развития. Швейцарские вооруженные силы состоят из формирований с преобладанием резервистов, привлекаемых на ежегодные краткосрочные военные сборы. «Ядро» войск составляют три механизированные бригады (1-я, 4-я и 11-я) и несколько разведывательных подразделений⁷. Ключевой проблемой вооруженных сил Швейцарии и Австрии является недостаток современного опыта боевых действий и проведения несиловых операций (в частности, по миротворчеству и поддержанию мира). В этой связи бундесвер видится для двух государств с немецкоязычным населением ценным партнером. Во-первых, германские военные накопили богатый практический опыт участия в широком спектре мероприятий по миротворчеству в различных природно-климатических зонах за пределами Европы: гористой местности (Афганистан, Ливан), полупустынях (Афганистан, Мали) и саваннах (Мали). При этом «острием» группировок бундесвера являлись подразделения армейской разведки и сил специальных операций, активно использующие беспилотные летательные аппараты (БПЛА)⁸. При имеющейся структуре вооруженных сил Австрия и особенно Швейцария в перспективе способны использовать за пределами Европы в основном лишь разведывательные подразделения, а потому участие германских офицеров в их подготовке представляет особый интерес. Во-вторых, бундесвер активно участвовал в военно-тренировочных мероприятиях НАТО в Европе, в том числе в составе группировок, эквивалентных дивизии, корпусу и межвидовой армии (в последнем случае – в период проведения учения “Anakonda 2016” на территории Польши и “Trident Juncture 2018” в Норвегии). Войска ФРГ (в первую очередь из состава 1-го германо-нидерландского корпуса) неоднократно выполняли

⁶NATO holds annual cyber defence exercise [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/news_105205.htm (дата обращения 1 фев. 2019).

⁷Anpassung der Armeorganisation [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vtg.admin.ch/de/organisation/anpassung-der-armeorganisation.html> (дата обращения 1 фев. 2019).

⁸Die Heeresaufklärer in Mali – Augen und Ohren von MINUSMA Multidimensionale Integrierte Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/die-heeresaufklaerer-in-mali-auge-und-ohren-von-minusma-11474> (дата обращения 1 фев. 2019).

функции сил быстрого реагирования НАТО⁹. Отличительной чертой проводимых учений являлось использование больших масс наземной, воздушной и морской техники, в том числе дрон-ов, а с 2014 г. – резервистов. Такая модель особенно актуальна для Швейцарии и Австрии, в том числе с учетом тенденции увеличения численности их вооруженных сил после длительных сокращений с 1990-х гг.

В Австрии эта тенденция проявилась уже в 2016–2017 гг. Так, в дополнение к 4-й мотопехотной и 7-й егерской бригадам были вновь развернуты 3-я егерская (предназначена для выполнения функций сил быстрого реагирования – СБР) и 6-я горнострелковая бригады, не считая сохраненных территориальных войск¹⁰.

«Военная машина» Германии оказалась более инертной. По численности личного состава, единиц вооружений и военной техники бундесвер к середине 2010-х гг. достиг «дна. Рост этих показателей начался существенно (на 3–4 года) позже, чем в Австрии – лишь к концу 2010-х гг. Однако методом проб и ошибок ФРГ сумела создать «платформу» перспективных двуединых вооруженных сил, способных одновременно действовать как вдоль границы зоны ответственности НАТО в Европе, так и за ее пределами. В октябре 2018 г. генерал-инспектор бундесвера утвердил концепцию строительства вооруженных сил ФРГ до середины 2020-х гг. Их соединения должны стать межвидовыми за счет увеличения доли непрофильных войск¹¹, что существенно повысит боеспособность одной отдельной взятой части. Количество соединений должно возрасти, особенно в составе сухопутных войск: так, число дивизий в них к 2025 г. планируется увеличить

⁹Headquarters 1 (German/Netherlands) Corps – 1 GNC (Introduction) [Электронный ресурс]. URL: <https://1gnc.org/introduction/> (дата обращения 1 фев. 2019).

¹⁰Gliederung der Bundesheer [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bundesheer.at/organisation/gliederung/gliederung.shtml> (дата обращения 1 фев. 2019).

¹¹Neues Fähigkeitsprofil komplettiert Konzept zur Modernisierung der Bundeswehr Veröffentlichungs [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/neues-faehigkeitsprofil-der-bundeswehr-27550> (дата обращения 1 фев. 2019). Так, в составе мотопехотной бригады увеличивается численность подразделений разведки, сил специальных операций и армейской авиации; создаются подразделения по обеспечению кибербезопасности; бригадам, действующим в прибрежной зоне, придается морская компонента.

с 3 до 6, а бригад – с 7 до 15–17¹². Стратегической задачей является превращение Германии в «рамочную нацию»¹³ (т. е. «ядро») при формировании многонациональных постоянных и временных группировок под эгидой НАТО и ЕС¹⁴, а фактически и ООН. В таком качестве ФРГ неоднократно выступала при комплектовании СБР НАТО, а также Международных сил содействия безопасности (ISAF) в Афганистане в 2003–2014 гг. и миссии MINUSMA в Мали¹⁵. Стремление к закреплению за бундесвером роли ведущих вооруженных сил среди европейских стран – участниц НАТО и ЕС является значимым шагом на пути утверждения ФРГ в качестве глобально оперирующей державы.

В этой связи особое внимание следует уделить потенциальной роли ФРГ в качестве «рамочной нации» в деле сотрудничества вооруженных сил трех немецкоязычных стран Европы с использованием формата D-A-CH. По мере увеличения возможностей бундесвера уже в начале 2020-х гг. вероятно образование совместной военной группировки Германии, Австрии и Швейцарии корпусного уровня, которая могла бы стать одним из военных «стержней» безопасности в Центральной Европе. Согласно расчетам автора, бундесвер может передать в состав группировки часть сил 10-й танковой дивизии (в первую очередь 23-ю горнопехотную бригаду), на базе управления которой может быть создано «ядро» штаба объединенной группировки; австрийский бундесхеер – 6-ю горнострелковую бригаду, а швейцарские вооруженные силы – 11-ю механизированную бригаду.

¹² Neues Fähigkeitsprofil komplettiert Konzept zur Modernisierung der Bundeswehr Veröffentlichungs [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/neues-faehigkeitsprofil-der-bundeswehr-27550> (дата обращения 1 фев. 2019).

¹³ Под «рамочной нацией» понимается государство, играющее ведущую роль в управлении группировкой войск. Его вооруженные силы составляют не менее 40% от общей численности военнослужащих и единиц техники в группировке.

¹⁴ Neues Fähigkeitsprofil komplettiert Konzept zur Modernisierung der Bundeswehr Veröffentlichungs [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/neues-faehigkeitsprofil-der-bundeswehr-27550> (дата обращения 1 фев. 2019).

¹⁵ Die Heeresaufklärer in Mali – Augen und Ohren von MINUSMA Multidimensionale Integrierte Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/die-heeresaufklaerer-in-mali-augen-und-ohren-von-minusma-11474> (дата обращения 1 фев. 2019).

Встречи в формате D-A-CH должны были стать ежегодными, однако в 2018 г. переговоры на уровне глав военных ведомств не проводились. Это связано прежде всего с итогами парламентских выборов в Австрии (15 октября 2017 г.). В результате них было образовано коалиционное правительство из представителей «Австрийской народной партии» (ее председатель С. Курц стал канцлером) и праворадикальной «Австрийской партии свободы», которая получила 15 декабря 2017 г. ключевые портфели министров обороны, иностранных и внутренних дел. Официальная Вена взяла курс на укрепление национального суверенитета, что, в частности, выразалось в жестком порицании принципа «открытых дверей», отстаиваемого канцлером А. Меркель в миграционном вопросе. Не менее значимым стало и снижение интереса Австрии к участию в наращивании политико-военного потенциала ЕС. Показательно ее отношение к запуску по инициативе Германии и Франции платформы PESCO (Permanent Structured Cooperation) (ноябрь 2017 г.) с целью углубления военного сотрудничества между странами ЕС. Формально Австрия присоединилась к PESCO, но на практике не учредила на начальной стадии существования платформы ни одного проектного комитета¹⁶.

Кроме того, препятствием на пути налаживания регулярных встреч на высоком уровне в формате D-A-CH стало развитие обстановки в самой ФРГ после выборов в Бундестаг (24 сентября 2017 г.). В состав парламента впервые вошла крайне правая «Альтернатива для Германии». Параллельно возник кризис с формированием нового правительства. Переговоры о создании правительства «большой коалиции» (блок ХДС/ХСС и СДПГ) успешно завершились лишь в марте 2018 г. А уже 29 октября 2018 г. А. Меркель заявила о решении не баллотироваться на пост канцлера в 2021 г. Одной из причин этого стал рост разногласий между руководителями ХДС и ХСС. В таких условиях внимание германского истеблишмента было сосредоточено в первую очередь на решении внутренних проблем. Вместе с тем уже с осени 2018 г. наметилась тенденция к полному восстановлению и дальнейшему наращиванию объемов сотрудничества между Австрией и Германией на высшем уровне.

¹⁶ Permanent Structured Cooperation (PESCO) first collaborative PESCO projects [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/32079/pesco-overview-of-first-collaborative-of-projects-for-press.pdf> (дата обращения 1 фев. 2019).

Германия – Австрия: через разночтения к укреплению сотрудничества

Активное развитие политических контактов двух стран осуществляется на всех уровнях, начиная с федеральных земель. По традиции несколько раз в год проводятся встречи канцлеров, прежде всего рабочие¹⁷. Эта традиция не была прервана после формирования в Австрии коалиционного правительства С. Курца. Так, за год с декабря 2017 г. он четыре раза проводил переговоры с А. Меркель. В первую очередь, они организовывались в преддверии саммитов ЕС для согласования позиций¹⁸. Ключевым «раздражителем» двусторонних отношений выступала проблема массовой нелегальной миграции в ЕС. С. Курц предлагал широкий спектр мер по борьбе с ней: от восстановления контроля на внутренних границах между странами-участницами до увеличения финансирования и численности личного состава пограничной миссии ЕС FRONTEX¹⁹. В сентябре 2018 г. А. Меркель согласилась со вторым предложением²⁰, что способствовало его принятию на уровне ЕС.

Позиции Германии и Австрии в целом совпадали по Брекзиту – обе стороны поддержали «жесткий вариант», исключаяющий серьезные уступки объединения в пользу Великобритании (особенно в вопросах пограничного контроля и компенсационных выплат)²¹.

¹⁷ Beziehungen zu Deutschland (von Österreich) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/oesterreich-node/bilateral/210196> (дата обращения 1 фев. 2019).

¹⁸ Pressestatements von Bundeskanzlerin Merkel und dem österreichischen Bundeskanzler Sebastian Kurz. Sonntag, 16. September 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressestatements-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-oesterreichischen-bundeskanzler-sebastian-kurz-1525740> (дата обращения 1 фев. 2019).

¹⁹ Pressestatements von Bundeskanzlerin Merkel und dem österreichischen Bundeskanzler Sebastian Kurz. Mittwoch, 13. Juni 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-oesterreichischen-bundeskanzler-kurz-1141878> (дата обращения 1 фев. 2019).

²⁰ Pressestatements von Bundeskanzlerin Merkel und dem österreichischen Bundeskanzler Sebastian Kurz. Sonntag, 16. September 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressestatements-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-oesterreichischen-bundeskanzler-sebastian-kurz-1525740> (дата обращения 1 фев. 2019).

²¹ Pressestatements von Bundeskanzlerin Merkel und dem österreichischen Bundeskanzler Sebastian Kurz. Mittwoch, 13. Juni 2018 [Электрон-

На встрече 16 сентября 2018 г. А. Меркель и С. Курц подчеркнули необходимость координировать усилия по всем трекам (общеполитическому, экономическому и военному) на африканском направлении, в частности интенсифицировав совместные контакты с руководством Африканского союза (АС)²². Это стало выражением поддержки Австрийской линии ФРГ на углубление кооперации ЕС и АС, в том числе по вопросам миротворчества.

С высокой долей вероятности австрийские миротворческие подразделения будут развернуты в зоне оперирования германского контингента в составе миссии MINUSMA в Мали. Следует отметить, что к середине 2010-х гг. основным направлением практического сотрудничества бундесвера ФРГ и бундесхеера Австрии являлось поддержание мира в Косово. Так, в мае 2017 г. из подразделений вооруженных сил двух стран была создана батальонная тактическая группа (БТГ) оперативного резерва KFOR («Kosovo Force», «Силы для Косово») НАТО численностью 820 военнослужащих (650 австрийских и 170 германских)²³. Причина развертывания БТГ состояла в очередном обострении обстановки в Косово на фоне признания его в качестве независимого субъекта большинством стран Запада (в т. ч. Германией и Австрией) в 2008–2011 гг. Комплектованием совместной группировки два немецкоязычных государства продемонстрировали на практике полную солидарность в «косовском вопросе».

При этом до середины 2010-х гг. импорт военной продукции в Австрию из ФРГ находился на достаточно скромном уровне (кроме 2013 г.) (см. табл. 1).

ный ресурс]. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-oesterreichischen-bundeskanzler-kurz-1141878> (дата обращения 1 фев. 2019).

²² Pressestatements von Bundeskanzlerin Merkel und dem österreichischen Bundeskanzler Sebastian Kurz. Sonntag, 16. September 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressestatements-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-oesterreichischen-bundeskanzler-sebastian-kurz-1525740> (дата обращения 1 фев. 2019).

²³ 820 Soldatinnen und Soldaten als NATO-Reserve [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bundesheer.at/cms/artikel.php?ID=8880> (дата обращения 1 фев. 2019).

Таблица 1

Объемы военного экспорта ФРГ в Австрию
в 2010-е гг.

Год	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Объем (млн евро)	27,2	25,1	87,1	26,7	27,3	86,4	137,1

Источник: построено автором на основе ежегодных отчетов Министерства экономического сотрудничества и развития ФРГ о военном экспорте: Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2011–2017.

В условиях роста численности австрийского бундесхеера (с 2016 г.) объем поставок техники из ФРГ – в первую очередь бронированных машин и грузовиков – значительно увеличился²⁴. В результате Австрия прочно утвердилась в топ-20 (в 2016 г. – 11-е место, в 2017 г. – 17-е) импортеров военной продукции из ФРГ.

*Германия – Швейцария:
расширение горизонтов сотрудничества*

В целом политические контакты двух стран отличает высокая степень развитости и интенсивности практически на всех уровнях. Традицией стало посещение Швейцарии с официальными визитами каждым из федеральных президентов Германии²⁵. Ежегодными с начала XXI в. являются встречи глав внешнеполитических ведомств двух стран. Последняя из этих встреч (28 ноября 2018 г.) была посвящена оценке рисков безопасности для Европы²⁶. Однако Германия и Швейцария (в отличие, например, от взаимоотношений ФРГ с Францией и Нидерландами) не проводят межправ-

²⁴ Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2017. Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2018. s. 75.

²⁵ Cyber coalition helps prepare NATO for today`s threats [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_160898.htm?selectedLocale=en (дата обращения 1 фев. 2019).

²⁶ Beziehungen zu Deutschland (von Schweiz) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/schweiz-node/bilateral/206200> (дата обращения 1 фев. 2019).

тельствующих консультаций. Последний раз А. Меркель посещала Швейцарию с официальным визитом в 2015 г.²⁷ Это связано с тем, что, как уже отмечалось, ключевую роль в развитии двусторонних контактов ФРГ с малыми и средними государствами играет глава МИД, а не канцлер. Кроме того, А. Меркель регулярно (в том числе и в 2019 г.) участвует в ежегодных заседаниях Всемирного экономического форума в Давосе (Швейцария), на полях которого осуществляются неофициальные контакты с принимающей стороной.

В сфере координации усилий вооруженных сил двух стран наблюдается рост объемов практического сотрудничества в Мали. С 2016 г. ФРГ существенно расширила свое участие в урегулировании вооруженного конфликта в этой стране. Так, в провинции Гао была развернута разведывательная компания (рота) бундесвера (160 военнослужащих), в оперативное подчинение которой были переданы профильные подразделения вооруженных сил еще пяти стран НАТО и ЕС и нейтральной Швейцарии²⁸. Эта многонациональная часть отслеживает передвижения остатков сил «Ансар Ад-Дина» и «Аль-Каиды в Магрибе» на севере Мали и в случае обнаружения сколько-нибудь крупных сил боевиков направляет по ним удары БТГ MINUSMA в Гао, «рамочную основу» которого образуют подразделения бундесвера. Это сотрудничество позволяет Швейцарии обеспечивать точечное миротворческое присутствие в Африке, приобретая современный опыт в данной сфере.

В свою очередь, Швейцария оказывает помощь ФРГ в деле подготовки инспекторов, ответственных за верификацию мер по контролю над вооружениями – особенно их категориями, определенными в Договоре об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) от 19 ноября 1990 г., несмотря на «провисание» реализации договора на современном этапе. Центр бундесвера по подготовке инспекторов с 1991 г. функционирует в г. Глайленкирхене²⁹. Ежегодно германские

²⁷ Beziehungen zu Deutschland (von Schweiz) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/schweiz-node/bilateral/206200> (дата обращения 1 фев. 2019).

²⁸ Die Heeresaufklärer in Mali – Augen und Ohren von MINUSMA Multidimensionale Integrierte Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/die-heeresaufklaerer-in-mali-auge-und-ohren-von-minusma-11474> (дата обращения 1 фев. 2019).

²⁹ Multinationale Rüstungskontrolle fordert multinationale Ausbildung [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/multinationale-ruestungskontrolle-fordert-multinationale-ausbildung-20866> (дата обращения 1 фев. 2019).

инспекторы проходят практическую подготовку на военной базе швейцарских вооруженных сил вблизи г. Шамблон, тренируясь в определении марок, тактико-технических характеристик наземной и воздушной военной техники, в том числе маскируемой³⁰.

Динамично развивается военно-техническое сотрудничество двух стран (см. табл. 2).

Таблица 2

Динамика военного экспорта Германии в Швейцарию
в 2010-е гг.

Год	Объем (млн евро)	Место в списке топ-20 импор- теров военной продукции ФРГ	Основные статьи германского экспорта
2011	120,1	14	Бронированные машины, в т. ч. амфибийные и стрелковое вооружение
2012	149,8	7	Средства связи, запчасти для боевой и транспортной техники
2013	105,2	16	БТР, стрелковое оружие, запчасти и боеприпасы к нему
2014	75,1	17	Бронированные машины и боеприпасы
2015	70,4	20	Медицинские машины, БТР и бронированные машины, запчасти, боеприпасы
2016	149,2	10	Средства связи и коммуникационное оборудование, танки (демонстрационный вариант) и БТР
2017	134,0	12	Специальная (в т. ч. строительная) техника, боеприпасы и запчасти для техники

Источник: построено автором на основе ежегодных отчетов Министерства экономического сотрудничества и развития ФРГ о военном экспорте: Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2011–2017.

³⁰ Multinationale Rüstungskontrolle fordert multinationale Ausbildung [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/multinationale-ruestungskontrolle-fordert-multinationale-ausbildung-20866> (дата обращения 1 фев. 2019).

ФРГ играет заметную роль в переоснащении вооруженных Швейцарии, в первую очередь в деле поставок бронированной техники, стрелкового вооружения, боеприпасов и различных запасных частей. После спада с 2016–2017 гг. начался новый подъем военно-технического сотрудничества, связанный с общим увеличением численности швейцарского парка вооружений и военной техники. С высокой долей вероятности именно ФРГ станет основным поставщиком танков (новейших модификаций “Leopard 2”), а в перспективе – и беспилотных летательных аппаратов для армейской разведывательной авиации.

Выводы

С 2016–2017 гг. наблюдается резкое повышение качества и увеличение объемов сотрудничества Германии со Швейцарией и Австрией в политико-военной области. Причины этого кроются в переосмыслении всеми тремя немецкоязычными странами существующих и потенциальных угроз безопасности, в том числе исходящих от нестабильных стран Африки. Двумя ключевыми последствиями данной тенденции стал рост армий рассматриваемых стран и взаимная заинтересованность в углублении кооперации в «треугольнике» D-A-CH с перспективой выполнения бундесвером роли «рамочных» вооруженных сил.

Несмотря на определенный спад в германо-австрийском сотрудничестве на общеполитическом треке (вызванный в основном внутривнутриполитическими причинами) во второй половине 2017 г. – первой половине 2018 г., вероятность длительной «заморозки» и тем более отказа сторон от сотрудничества в формате D-A-CH невелика. В долгосрочной перспективе он может стать площадкой для синхронизации процессов строительства вооруженных сил трех немецкоязычных государств. Это обусловлено большим запасом прочности германо-швейцарских и германо-австрийских отношений, в том числе вследствие заинтересованности сторон в том, чтобы ФРГ выполняла роль ведущего партнера при решении проблем безопасности в Европе и особенно за ее пределами.

Литература

1. Dieter H. Deutschlands zweischneidige Außenwirtschaftspolitik. Berlin: SWP-Studie, 2018. 38 s.

References

1. Dieter H. Deutschlands zweischneidige Außenwirtschaftspolitik. Berlin: SWP-Studie; 2018. 38 S.

Информация об авторе

Филипп О. Трунов, кандидат политических наук, Институт всеобщей истории РАН, 119334, Россия, Москва, Ленинский проспект, 32А; Институт научной информации по общественным наукам РАН, Россия, Москва, 117218, Нахимовский проспект, 51/21; 1trunov@mail.ru

Information about the author

Philipp O. Trunov, Cand. of Sci. (Political Sciences), Institute of World History, Russian Academy of Sciences, bld. 32A, Leninskiy ave., Moscow, Russia, 119334; Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences, bld. 51/21, Nachimovskiy ave., Moscow, Russia, 117218; 1trunov@mail.ru

Военно-политические аспекты стратегии США в отношении стран Вышеградской группы (1991–2008 гг.)

Татьяна А. Даниелова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, t.danielova@mail.ru*

Аннотация. Исследование посвящено актуальной теме в истории современной Европы и международных отношений. В связи с распадом Советского Союза и социалистической системы во внешнеполитических связях стран Центрально-Восточной Европы произошли серьезные изменения. За четыре месяца до прекращения существования Совета экономической взаимопомощи и Организации Варшавского договора в 1991 г. Польша, Венгрия и Чехословакия образовали Вышеградскую группу – первое объединение государств на европейском посткоммунистическом пространстве. Противоречия в военно-политической области в рассматриваемом регионе стали одним из факторов, оказавших деструктивное влияние на глобальную повестку безопасности, в том числе на процесс российско-американских переговоров по разоружению. Особое внимание в статье акцентируется на последствиях вступления стран Вышеградской группы в НАТО в 1999–2004 гг. и поэтапном развертывании национальной системы противоракетной обороны США. Проанализированы союзнические подходы США к странам Вышеградской группы, реализовывавшиеся, главным образом, через военно-стратегическую и оборонную повестку, – от момента распада социалистической системы до окончания президентского срока Дж. Буша-младшего, после которого планы создания системы ПРО в ЦВЕ подверглись коренному пересмотру. Одновременно автором предпринимается попытка оценить стратегическое положение России в регионе ЦВЕ на фоне его включения в систему евроатлантической безопасности и европейской интеграции. Новизна исследования определяется избранным ракурсом изучения внешнеполитического развития Вышеградской группы и стран, образующих ее, – через внутреннюю эволюцию подходов к безопасности США и НАТО, а также специфику их военно-политических интересов в данном регионе. Для решения поставленных задач и обработки разнообразных категорий источников были задействованы методы исторического исследования. Среди них – историко-генетический метод, использованный для выяв-

ления факторов и причин, повлиявших на выбор внешнеполитической ориентации центральноевропейских стран после ликвидации СЭВ и ОВД. Для изучения планов по развертыванию элементов ПРО США в странах рассматриваемого объединения в период президентства Дж. Буша-младшего применен нарративный метод.

Ключевые слова: восточноевропейские исследования, Вышеградская группа, Российская Федерация, США, Чехия, Венгрия, Польша, Словакия, военно-политическая безопасность, НАТО, ЕвроПРО

Для цитирования: Даниелова Т.А. Военно-политические аспекты стратегии США в отношении стран Вышеградской группы (1991–2008 гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 1. С. 75–87. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-1-75-87

Military-Political Aspects of the US Strategy towards the V4 Countries (1991–2008)

Tatiana A. Danielova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
t.danielova@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the relevant issue in the history of modern Europe and the history of international relations. Major changes took place in the foreign policy and foreign economic relations of the countries of Central and Eastern Europe because of the collapse of the Soviet Union. Poland, Hungary and Czechoslovakia formed the Visegrad Group – the first alliance of states in the European post-communist space – four months before the dissolving of the Comecon (Council for Mutual Economic Assistance) and the Warsaw Pact in 1991. The contradictions in the military-political area within the region became one of the factors, that had a destructive influence on the global security agenda, including the process of the Russian-American negotiations on disarmament. Special focus in the article is on the consequences of joining the V4 countries to NATO in 1999–2006 and on the phases of the deployment of the US anti-ballistic missile defense system.

The article analyses the US allied strategies toward the V4 countries implemented mainly through the military and defense spheres – from the collapse of the socialist system to the end of George W. Bush's presidential term (after that the plans for the deployment of the ABM defense system in CEE were fundamentally revised). At the same time the author makes an attempt to evaluate the strategic position of Russia in the region of Central Europe against the background of its inclusion in the system of Euro-Atlantic security and European integration. The novelty of the research is determined by the chosen

perspective of studying the foreign policy development of the Visegrad Group and the countries forming it, through the internal evolution of the approaches to US and NATO security, as well as through their particularity of military and political interests in the region.

The author used historical research methods to meet the posed challenges and to study various categories of sources. The historical-genetic method was used to identify the factors and causes that had affected the choice of the foreign policy of the Central European countries after the dissolution of the Comecon and the Warsaw Pact. The narrative method was used to study the plans for the deployment of the US anti-ballistic missile defense system in the V4 countries during George W. Bush's presidential term.

Keywords: East-European research, Visegrad group, Russian Federation, USA, Czech Republic, Hungary, Poland, Slovakia, military-political security, NATO, ЕРАА

For citation: Danielova TA. Military-Political Aspects of the US Strategy towards the V4 Countries (1991–2008). *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series.* 2019;1:75-87. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-1-75-87

Введение

С 1989–1992 гг., когда в Центрально-Восточной (ЦВЕ) и Юго-Восточной Европе (ЮВЕ) прокатилась волна антикоммунистических революций, старый континент стал претерпевать резкие геополитические изменения. В Польше, Венгрии и Чехословакии трансформационный процесс принял вид так называемых «бархатных» революций, которые наряду с фундаментальными преобразованиями в жизни СССР, его распадом и воссозданием единства Германии покончили с полувекowym расколом Европы на два противостоящих друг другу военно-политических блока и две идеологические системы. Каждое из государств региона по-своему решало задачу перехода от лево-тоталитарного режима к демократическому устройству и рыночной экономике, в результате чего обрело уникальный опыт, достойный внимательного изучения историков.

В постбиполярную эру внешняя политика стран ЦВЕ совершила стремительный поворот в сторону евроатлантической интеграции. Для подготовки к вступлению в евроатлантические организации – главным образом, ЕС и НАТО – Польша, Венгрия и Чехословакия 15 февраля 1991 г. образовали Вышеградскую группу (политическое объединение, включающее на сегодняшний

день четыре из шести стран Центральной Европы¹). Позиция восточноевропейского истеблишмента нашла сочувственный отклик и поддержку у США и их союзников по Североатлантическому альянсу².

Для США процесс сближения со странами бывшего соцлагеря отвечал интересам сохранения военного присутствия в регионе. Кроме того, при помощи европейского сегмента противоракетной обороны (ПРО) американцы намеревались оградить себя от ядерной угрозы со стороны России и некоторых неевропейских держав (Китай, Индии, ряда исламских стран) в условиях возможного конфликта.

Исследовательские задачи автор решает на основе разнообразных видов источников и работ российских и зарубежных историков. Между специалистами по современной истории международных отношений идут дискуссии о состоятельности Вышеградской группы (далее – В4) на разных этапах ее развития и изменения международной ситуации как регионального актора в европейской политике, о том, способна ли она выступать эффективным проводником стратегических интересов США. Оценки исследователей сильно расходятся: от сверхпозитивных, характеризующих В4 в качестве «марки» общественно-политической интеграции в ЦВЕ и «ярчайшего регионального союза современной Европы», с мнением которого не могут не считаться западные политики [1], до исключительно негативных. Последние зачастую строятся вокруг идеи несущественности региональной интеграции государств ЦВЕ на фоне их вступления в евроатлантические структуры [2]. Ряд экспертов даже предрекали распад этой организации вскоре после интеграции его участников в НАТО и ЕС³. Однако подобные прогнозы не сбылись. Если абстрагироваться от споров и догадок относительно планов, с которыми связывали появление Вышеградской группы США и другие страны Запада, то становится очевиден ее стабилизирующий эффект на весь центральноевро-

¹К региону Центральной Европы (ЦЕ) автор относит Австрию, Венгрию, Германию, Польшу, Словакию и Чехию.

²*Шшиеллина Л.Н.* Вышеградская группа в общеевропейском процессе [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. URL: <http://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/vishegradskaya-gruppa-v-obshcheevropeyskom-protssesse/> (дата обращения 28 фев. 2019).

³«Вышеградская группа»: альянс против России и Германии [Электронный ресурс] // Axis Information and Analysis. URL: <http://axisglobe.ru.com/org/9> (дата обращения 7 марта 2019).

пейский регион. В период трансформационных процессов конца XX в. это представлялось жизненно важным. По мнению видного отечественного специалиста в области вышеградских исследований Л.Н. Шишелиной, появление «четверки» уберегло регион от «погружения в тяжелый конфликт, подобный Балканскому». Благодаря достижению согласованности мнений на высоком межправительственном уровне, четырем странам ЦЕ удалось нивелировать большую группу проблем, связанных с возобновлением дискуссий о пограничных спорах и положением национальных меньшинств [3, с. 11].

Становление новой региональной модели в Центральной Европе на изломе веков

Для подготовки к вступлению в евроатлантические структуры Польша, Венгрия и Чехословакия 15 февраля 1991 г. еще до расформирования СЭВ и полного прекращения действия ОВД объединились в так называемую Вышеградскую группу. (После распада Чехословакии в 1993 г. и образования независимых и суверенных Чехии и Словакии организация преобразовалась в «четверку».) Уже на этапе своего зарождения Вышеградская группа активно заявляла о стремлении внести вклад в построение архитектуры европейской безопасности, используя возможности координационных механизмов в существующих европейских и трансатлантических институтах⁴.

Как ясно дал понять мировому сообществу президент США Б. Клинтон (1993–2001 гг.), «холодная война закончилась, но сама война – нет»⁵. Признавая важность новых молодых демократий в странах ЦВЕ для обеспечения безопасности США и их потенциальных рынков, американский президент указывал на необходимость воздействия на регион через каналы не только сотрудничества, но и военной силы⁶. «Расширение альянса, – утверждал он, – способ-

⁴About the Visegrad Group [Электронный ресурс] // The official website of the Visegrad Group. URL: <http://www.visegradgroup.eu/about> (дата обращения 23 авг. 2018).

⁵A National Security Strategy of Engagement and Enlargement, February 1996. Administration: Bill Clinton. Washington, D. C.: White House; 1996. p. 35.

⁶A National Security Strategy of Engagement and Enlargement, February 1996. Administration: Bill Clinton. Washington, D. C.: White House, 1996. p. 35.

ствует продвижению американских интересов, уменьшая риск возникновения нестабильности и конфликтов в восточной части Европы – регионе, где начались две мировые войны и холодная война. Это сможет гарантировать, что ни одна часть Европы впредь не вернется в сферу влияния великих держав»⁷.

Следует констатировать, что общих представлений о развитии стратегии партнерства у Вышеградской группы и США не было. По словам чешского аналитика из Ассоциации по международным вопросам (АМО) Вита Достала, «“четверка” в прошлом утвердила совместные подходы в отношении Балкан, Восточного партнерства и даже Брюсселя, но никогда не пыталась сделать это применительно к трансатлантической повестке из-за слишком внушительного списка разногласий»⁸.

Укреплению восточноевропейского фланга НАТО, помимо устремлений к членству самих властей стран Вышеградской «четверки», в немалой степени способствовало отсутствие активного противодействия со стороны России, для которой данный регион имел повышенную значимость в вопросе обеспечения безопасности. В 1999 г., как известно, к НАТО присоединились Венгрия, Польша, Чехия; в 2004 г. – Болгария, Румыния, Словакия, Словения и даже бывшие советские республики – Латвия, Литва, Эстония; в 2009 г. – Албания и Хорватия.

Планы по развертыванию американской системы ПРО в период президентства Дж. Буша-младшего (2000–2008 гг.)

После победы на президентских выборах 2000 г. Дж. Буша-младшего и перед его предстоящим официальным вступлением в должность 20 января 2001 г. было объявлено о реализации нового этапа развертывания национальной системы противоракетной обороны (НПРО). Эта инициатива связывалась с растущей угрозой применения ядерного оружия со стороны КНДР и Ирана. В соответствии с наиболее пессимистичными прогнозами, сде-

⁷A National Security Strategy of Engagement and Enlargement, February 1996. Administration: Bill Clinton. Washington, D. C.: White House, 1996. p. 36.

⁸Rogowska G. Visegrad Group and the Trump administration. Some take-aways from the debate [Электронный ресурс] // Visegrad Insight. URL: <https://visegradinsight.eu/visegrad-group-and-the-trump-administration/> (дата обращения 24 авг. 2018).

ланными в докладе двухпартийной комиссии Конгресса США в 1998 г. (более известном как «доклад Рамсфелда»), указанные государства в ближайшие пять лет могли совершить технологический скачок, который позволил бы им создать баллистические ракеты, способные достигнуть территории США [4 p. 20]. Проект новой ПРО юридически подкреплялся соответствующим законом (одобренным Конгрессом и подписанным еще Б. Клинтонем 23 июля 1999 г.), который провозглашал создание противоракетной обороны в качестве государственной политики⁹. Этот этап был ознаменован выходом американцев 13 декабря 2001 г. в одностороннем порядке из договора по ПРО. После заключительного этапа разрыва договора, пришедшегося на июнь 2002 г., исчезла предсказуемость в развитии стратегической ситуации в мире. С этого момента глобальная ядерная угроза начала приобретать вполне четкие очертания.

Реакцию российской стороны огласил президент России В.В. Путин в своем заявлении от 13 декабря 2001 г., назвав решение «ошибочным» и подчеркнув, что Москва, несмотря на настойчивые предложения Вашингтона о совместном выходе из соглашения, сделает все, чтобы его сохранить¹⁰. Также Генеральная ассамблея ООН на 54–56-й сессиях в 1999–2001 гг. подавляющим большинством голосов приняла резолюцию в поддержку сохранения и соблюдения договора по ПРО.

В отличие от Стратегической оборонной инициативы (СОИ), предусматривавшей размещение средств перехвата головных частей и боевых блоков межконтинентальных крылатых ракет (МКР) противника в космическом пространстве, основной упор в новой системе ПРО был сделан на средства перехвата воздушно-го, наземного и морского базирования. Понимая, что реализация возможностей структуры существенно повышается за счет максимального приближения к району старта МКР, администрация США объявила в 2001 г. о необходимости размещения компо-

⁹Public law 106-38 (July 22, 1999). An act to declare it to be the policy of the United States to deploy a national missile defense [Электронный ресурс] // The official website for U.S. federal legislative information. URL: <https://congress.gov/106/plaws/publ38/PLAW-106publ38.pdf> (дата обращения 23 авг. 2018).

¹⁰Заявление Президента Российской Федерации В.В. Путина в связи с объявлением США о выходе в одностороннем порядке из Договора по ПРО 1972 года (13 декабря 2001 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21444> (дата обращения 25 авг. 2018).

нентов ПРО на территории их союзников и дружественных им стран¹¹. Данная инициатива получила поддержку НАТО. Министры обороны альянса 6 июня 2002 г. выступили с Заявлением о намерениях (Statement of Capabilities), в котором высказались за создание ПРО театра военных действий, которая бы прикрывала войска и базы организации в Европе¹². Также в ноябре 2002 г. на пражском саммите НАТО главами государств и правительств был поднят вопрос о создании системы ПРО, защищающей не только развернутые силы, но и территорию и население членов военного блока¹³.

В январе 2006 г. в рамках противостояния ракетно-ядерной угрозе Ирана США объявили о планах создания в Восточной Европе третьего позиционного района ПРО (первый и второй расположены на территории США – на базах на Аляске и в Калифорнии), предусматривающего размещение 10 ракет-перехватчиков типа GBV в Польше и связанной с ними радиолокационной станции (РЛС) в Чехии. В 2007 г. американская администрация обнародовала данные, касающиеся технических параметров будущих объектов ПРО в этих странах.

Соглашения о строительстве объектов ПРО в Чехии и Польше были подписаны уже на следующий год (2008). По мнению автора статьи, поспешность их заключения связана с вооруженным конфликтом в Южной Осетии 8–12 августа 2008 г., в ходе которого российскими войсками была проведена операция по принуждению Грузии к миру. События в Закавказье привели к девальвации американских политических гарантий безопасности, которые Североатлантический альянс предоставляет своим членам и союзникам (например, гарантий Тайваню в случае военной агрессии со стороны Китая). В связи с этим перед США встала необходимость дать Москве такой ответ, который был бы в состоянии успокоить альянс. Таким ответом могло стать только физическое присутствие американских войск на территории стран – членов НАТО.

¹¹ Remarks by the President George W. Bush to Students and Faculty at National Defense University, May 1, 2001 [Электронный ресурс] // The White House Archive. URL: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2001/05/20010501-10.html> (дата обращения 23 авг. 2018).

¹² Statement of Capabilities, June 6, 2002 [Электронный ресурс] // NATO. URL: <http://www.nato.int/docu/pr/2002/p02-074e.htm> (дата обращения 25 авг. 2018).

¹³ NATO's Prague Summit Declaration (November 21, 2002) // The Prague Summit and NATO's Transformation. Brussels: NATO Public Diplomacy Division, 2003. p. 74.

Одновременно для высшего руководства Польши и Чехии американский ракетный щит представлялся некой политической и военной страховкой со стороны Запада вне зависимости от гарантий его эффективности. Уже одно появление на их территориях баз США давало ощущение безопасности. Кроме того, членство в НАТО и возведение многомиллиардной ПРО рассматривались в качестве импульса для подрыва существующего диалога между Североатлантическим альянсом и Россией, что, в конечном итоге, сулило странам ЦВЕ новые политические дивиденды и обретение «прифронтового» статуса. В стремлении государств ЦВЕ к ужесточению соперничества между Востоком и Западом откровенно просматривался путь обеспечения собственного *raison d'être* («смысла существования»). Небольшая часть властных групп в странах В4 рассчитывала также на престижные и хорошо оплачиваемые места в структурах альянса¹⁴.

И Польша, и Чехия стоят в рядах т. н. «новой Европы» (употребляя термин все того же Дональда Рамсфелда), под которой со времен иракского кризиса 2003 г. стали пониматься посткоммунистические страны ЦВЕ [5 р. 18]. В этих странах была жива память о трагических моментах и негативном опыте взаимодействия со своими более сильными соседями, включая дореволюционную и советскую Россию. Сформулированный президентом Чехии В. Гавелом лозунг «Назад в Европу» отражал чаяния политического истеблишмента и всего населения стран ЦВЕ на лучшую жизнь и искоренение возможностей реинтеграции социалистического пространства в тех или иных союзных формах [6 с. 88]. Для каждой из стран Вышеградского объединения было очень важно осознавать себя частью Центральной Европы наряду с Австрией и Германией. В частности, в концепции внешней политики Чехии 2011 г. декларировалось, что «Чехия вместе с соседями является частью единого правового, экономического, политического пространства»¹⁵. В аналогичном ключе выдержан и официальный документ Словакии, опубликованный в том же году: «Центральная Европа – это геополитическое пространство,

¹⁴ Россия и НАТО. Тезисы Совета по внешней и оборонной политике [Электронный ресурс] // СВОП. 1995. 21 июня. URL: http://www.svor.ru/public/docs_1995_6_21_13_51676108.pdf (дата обращения 13 авг. 2018).

¹⁵ *Koncepce zahraniční politiky České republiky* [Электронный ресурс] // Ministry of foreign affairs of the Czech Republic. URL: http://www.mzv.cz/jnp/cz/zahranicni_vztahy/vyrocní_zpravy_a_dokumenty/koncepce_zahranicni_politiky_ceske.html (дата обращения 4 нояб. 2018).

в котором Словакия формировалась вместе с другими странами и народами»¹⁶.

Одновременно закрепление отчуждения ЦВЕ от России находилось в тесном единстве с представлениями США относительно геополитической стратегии в Европе. В рамках подписанных в 2008 г. чешско-американских соглашений предполагалось размещение радиолокационной станции типа EMR в поселке Брды, расположенном в 90 км от Праги.

Что касается перспектив размещения американских противоракет в Польше, то многие эксперты высказывались о действиях Варшавы в этом направлении как о самом спорном военном проекте польской политики безопасности с момента обретения государственного суверенитета. Участие польского контингента войск в иракской операции 2003 г. на стороне объединенной коалиции продемонстрировало жесткую проамериканскую ориентацию руководства страны в вопросах глобальной безопасности. Именно эта поддержка способствовала превращению Польши в одного из самых лояльных союзников США в Европе и повлияла на решение американской администрации по строительству ПРО на ее территории [7]. Летом 2008 г. в ходе переговоров между США и Польшей был принят меморандум о взаимопонимании, а затем подписан договор о размещении противоракет США. Ни в Польше, ни в Чехии планы по строительству ПРО, разумеется, не нашли одобрения у населения страны.

Две другие страны Вышеградской группы, Словакия и Венгрия, выразили скепсис относительно возведения общеевропейской системы ПРО. Словацкая сторона подтвердила эту позицию во время визита премьер-министра Р. Фицо в Москву в мае 2007 г. В Венгрии после серии общественных протестов против планов строительства военного радара недалеко от юго-западного города Печ руководство страны больше не вело открытых переговоров с США по этой проблематике.

Заключение

Революции 1989 г. в странах ЦВЕ, распад ОВД, СЭВ, а также СССР создали совершенно новую геополитическую картину. Холодная война закончилась, однако появившиеся и прогрес-

¹⁶ Strednodobá stratégia zahraničnej politiky Slovenskej republiky do r. 2015 [Электронный ресурс] // Ministerstvo zahraničných vecí a európskych záležitostí Slovenskej republiky. URL: [http://www.mzv.sk/App/wcm/media.nsf/vw_ByID/ID_D9D5A743A2CE0A4FC12578950037A_688_SK/\\$File/strategia%20ZP%20SR.pdf](http://www.mzv.sk/App/wcm/media.nsf/vw_ByID/ID_D9D5A743A2CE0A4FC12578950037A_688_SK/$File/strategia%20ZP%20SR.pdf) (дата обращения 4 нояб. 2018).

сирующие на протяжении десятилетий взгляды и концепции не пересматривались, несмотря на исчезновение фактора советской угрозы. Существенным направлением внешней политики США в постбиполярный период стало взаимодействие со своими бывшими противниками на Востоке – странами Центрально-Восточной Европы. В новых условиях основной задачей обеспечения американских стратегических интересов в Европе виделось установление абсолютной лояльности молодых демократий Вашингтону и вовлечение их в орбиту военного влияния НАТО во избежание превращения в буферную зону России. На этом фоне Вышеградский проект, созданный для подготовки к вступлению Польши, Чехии, Словакии и Венгрии в европейские и евроатлантические структуры, отвечал интересам США и полностью был ими поддержан. Для самих центральноевропейских лидеров вестернизация рассматривалась преимущественно как способ искоренения страхов, которые они связывали с окончательным отмежеванием от социалистического прошлого и противодействием объединенной Германии.

Укрепление позиций безопасности США на европейском пространстве происходило в ущерб интересам России. Нелинейный характер отношений между Россией и странами Вышеградского объединения во многом связан с большим давлением США на регион ЦВЕ. Фактор российско-американских противоречий оказывал колоссальное влияние на выработку внешнеполитических позиций стран В4 почти по всем основным вопросам мировой политики.

Деструктивное влияние «восточного» расширения НАТО на российско-американские отношения стало усиливаться с приходом к власти в 2000 г. Дж. Буша-младшего, который объявил о развертывании «третьего позиционного» района ПРО в Европе. В 2008 г. США были заключены договоры с Польшей и Чехией о строительстве ПРО. Реализация этих противоракетных планов поставила под угрозу как ранее достигнутые с Россией договоренности по контролю за ядерными потенциалами, так и режим нераспространения оружия массового уничтожения в целом.

Бесспорно, России не удалось компенсировать даже малую долю прежнего влияния в регионе ЦВЕ, в том числе в странах Вышеградской группы. Таким образом, начало работ по дислокации объектов ПРО в Польше и Чехии в 2008 г. свидетельствовали о победе Белого дома в геостратегической борьбе за бывшую советскую сферу влияния, об окончательной экспансии НАТО этой территории.

Литература

1. Вишеградская четверка в Европейском союзе: дилеммы конвергенции / Отв. ред. Л.Н. Шишелина. М.: Институт Европы РАН, 2017. 138 с.
2. Шимов Я. Центральная Европа: небольшие народы в поисках «большой родины» [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2007. № 6 (56). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/6/sh5.html> (дата обращения 7 марта 2019).
3. Шишелина Л.Н. Вишеградская четверка: 25 лет на карте Европы // Современная Европа. 2015. № 6 (66). С. 9–26.
4. Gordon P.H. Bush, Missile Defence and the Atlantic Alliance [Электронный ресурс] // Survival. 2001. Spring. Vol. 43. № 1. P. 17–36. URL: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=3&ved=2ahUKEwjsoLGvYbhAhUutYsKHcGXD9UQFjACegQIBxAC&url=https%3A%2F%2Fwww.brookings.edu%2Fwp-content%2Fuploads%2F2016%2F06%2F2001survival.pdf&usg=AOvVaw1z-ue8yZ1N8VaQkzALMCOa> (дата обращения 16 марта 2019).
5. Miklóssy K., Korhonen P. The East and the Idea of Europe. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2010. 195 p.
6. Романенко С.А., Трухачев В.В. Типология переформатирования этнополитического пространства в регионах Средней Европы в конце XX – начале XXI в. // Европейские сравнительно-исторические исследования. Вып. 4. Восток на Западе, Запад на Востоке / Отв. ред. А.А. Улунян. Москва: ИВИ РАН, 2014. С. 83–112.
7. Wągrowaska M. Das Raketenabwehr-Programm aus polnischer Sicht [Электронный ресурс] // Diskussionspapier der Konrad Adenauer Stiftung. URL: http://www.kas.de/wf/doc/kas_11771-544-1-30.pdf (дата обращения 24 авг. 2018).

References

1. The Visegrad Four in the European Union: dilemmas of convergence / Ed. by L. Shishelina. Moscow: Institute of Europe, Russian Academy of Sciences; 2017. 138 p. [In Russ.]
2. Shimov Y. Central Europe: small nations in search of a “great homeland”. Neprikosnovennyj zaspos. 2007;6(56) [Internet]. (data obrashcheniya 7 March 2019). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/6/sh5.html> [In Russ.]
3. Shishelina L. The Visegrad Four: 25 years on the map of Europe. *Contemporary Europe*. 2015; 6(66):9-26. [In Russ.]
4. Gordon PH. Bush, Missile Defence and the Atlantic Alliance. *Survival*. 2001;1(43):17-36 [Internet]. (data obrashcheniya 16 March 2019). URL: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=3&ved=2ahUKEwjsoLGvYbhAhUutYsKHcGXD9UQFjACegQIBxAC&url=https%3A%2F%2Fwww.brookings.edu%2Fwp-content%2Fuploads%2F2016%2F06%2F2001survival.pdf&usg=AOvVaw1z-ue8yZ1N8VaQkzALMCOa>

5. Miklóssy K., Korhonen P. The East and the Idea of Europe. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing; 2010. 195 p.
6. Romanenko SA., Trukhachev VV. Typology of ethnic and political changes in the regions of Central Europe in the late 20th and early 21st centuries. *European Comparative Historical Studies*. Issue 4. The East in the West, the West in the East. Ed. by A.A. Ulunyan. Moscow: Institute of General History, Russian Academy of Sciences; 2014. p. 83-112. [In Russ.]
7. Wągrowka M. Das Raketenabwehr-Programm aus polnischer Sicht. *Diskussionspapier der Konrad Adenauer Stiftung* [Internet]. (data obrashcheniya 4 Nov. 2018). URL: http://www.kas.de/wf/doc/kas_11771-544-1-30.pdf

Информация об авторе

Татьяна А. Даниелова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; t.danielova@mail.ru

Information about the author

Tatiana A. Danielova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; t.danielova@mail.ru

УДК 327.2

DOI: 10.28995/2073-6339-2019-1-88-95

Канада в геополитических реалиях XXI в.:
некоторые поворотные моменты
внешнеэкономического курса

Андрей Н. Комаров

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ruslan10@inbox.ru*

Аннотация. В статье предпринимается попытка рассмотреть влияние геополитического фактора на внешнеэкономические связи Канады в 2014–2018 гг. Автор приходит к выводу о том, что канадские политические элиты свою внешнеэкономическую деятельность связывают прежде всего с теми государствами, которые объединены с ними в стратегические военно-политические альянсы. Характерным примером этого является Соглашение о свободной торговле с ЕС, заключенное консервативным правительством С. Харпера, а также Соглашение США, Мексики и Канады, согласованное Канадой в первую очередь с США, своим главным союзником по НАТО. Данное исследование опирается на источниковую базу, состоящую из программных манифестов канадских либералов и консерваторов, выступлений Д. Трампа, а также анализ зарубежной и отечественной историографии по данной проблематике.

Ключевые слова: геополитика, внешнеэкономические связи, НАТО, США, Канады, политические элиты

Для цитирования: Комаров А.Н. Канада в геополитических реалиях XXI в.: некоторые поворотные моменты внешнеэкономического курса // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 1 (15). С. 88–95. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-1-88-95

Canada in the Geopolitical Realities of the XXI Century:
Some Turning Points of the Foreign Economic Course

Andrey N. Komarov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
ruslan10@inbox.ru*

Abstract. The article attempts to consider the influence of the geopolitical factor on the foreign economic relations of Canada in 2014–2018. The author concludes that the Canadian political elites associate their foreign economic

© Комаров А.Н., 2019

activity primarily with those states, that are united with them in strategic military-political alliances. A typical example of this is the free trade agreement with the EU, concluded by the Conservative government of Harper, as well as the U. S. M. C. A. agreement, coordinated by Canada first and foremost with the United States, its main ally in the military-political alliance of NATO. This study is based on the historical sources, which are connected with the existing programmes of Canadian Liberals and Conservatives, Donald Trump's speeches, as well as on the analysis of foreign and domestic historiography on this issue.

Keywords: geopolitics, foreign economic relations, NATO, USA, Canada, political elites

For citation: Komarov AN. Canada in the Geopolitical Realities of the XXI Century: Some Turning Points of the Foreign Economic Course. *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series.* 2019;1:88-95. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-1-88-95

Введение

В XXI в. резко усилилось влияние геополитического фактора на внешнеэкономические связи государств. Этот фактор становится первичным, отодвигая на второе место экономическую целесообразность той или иной торговой сделки. США, а вслед за ними и Канада очень четко делят мировое геополитическое пространство по признаку «свои – чужие», причем критерием такого деления является не общность территорий, национальная принадлежность и вероисповедание, а то, насколько тот или иной торгово-экономический партнер признает глобальное лидерство США и их союзников. Это доказывает ряд примеров. Торгово-экономическими партнерами США и Канады выступают прежде всего те государства, которые объединены с ними в стратегические военно-политические альянсы, или те, которые, по крайней мере, не противодействуют сформировавшимся в течение ряда десятилетий атлантическим ценностям. По сути, в современных международных отношениях произошел геополитический разлом, на одной стороне которого находятся США и их ближайшие союзники, стремящиеся к безусловной гегемонии, а на другой – государства, отстаивающие многополюсную модель существования.

Цель данной статьи – исследовать влияние геополитического фактора на внешнеэкономическую деятельность Канады в 2014–2018 гг. Стоит сразу же отметить, что автор не претендует на полный анализ места этого североамериканского государства

в геополитических реалиях XXI в., что было бы характерно для объемного монографического исследования, а останавливается лишь на некоторых поворотных моментах его внешнеэкономического курса на современном этапе, таких как заключение Соглашения США, Мексики и Канады (USMCA), антироссийские санкции, вступление в Транстихоокеанское партнерство (ТТП), диверсификация торгово-экономических связей и т. д. В работе используется междисциплинарный подход, поскольку современная геополитика самым тесным образом связана с политическим развитием государства и является первичной по отношению к его внешнеэкономическому курсу. Поэтому предметом исследования выступает прежде всего геополитика Канады, связанная с приверженностью североатлантическому единству в рамках НАТО, которая всегда оказывала и продолжает оказывать первостепенное влияние на ее внешнеэкономический курс.

По мнению автора, именно геополитическое противостояние Канады и США с Российской Федерацией после воссоединения с ней Республики Крым и города Севастополя привело к серьезному ухудшению торгово-экономических связей этих государств с Россией. По сути, с 2014 г. Северная Америка возвратилась к риторике холодной войны, когда определяющим фактором внешнеэкономических отношений была идеологическая конфронтация Востока и Запада.

Для достижения поставленной цели были рассмотрены выступления на данную тему премьер-министров Канады С. Харпера, представителя Консервативной партии, находившегося у власти с 2006 по 2015 г., и Дж. Трюдо, занимающего этот пост с 2015 г. по настоящее время, а также президента США Д. Трампа в 2017–2018 гг. Кроме того, проведен анализ зарубежной и отечественной историографии по данной проблематике.

Геополитика и внешнеэкономический курс Канады в 2014–2018 гг.

Внешнеэкономический курс Канады в 2014–2018 гг. был самым тесным образом связан с ее геополитикой. Так, воссоединение Республики Крым и города Севастополя с Российской Федерацией вызвало неприятие со стороны североамериканских политических элит, которые рассматривали этот шаг в качестве вызова глобальному лидерству США и их ближайших союзников по НАТО.

Поэтому вслед за США руководство Канады выбрало путь антироссийских санкций, резко сократив существовавшие до этого направления экономического сотрудничества с Российской Фе-

дерацией, ориентиры которого были успешно намечены в 90-е гг. XX в. в период второго премьерства Б. Малруни (1988–1993 гг.) и нахождения у власти Либеральной партии во главе с Ж. Кретьеном (1993–2003 гг.) Это наглядно проявилось в цифрах снижения двустороннего товарооборота Канады с Россией за последние годы. Если в 2013 г. он составлял 2,3 млрд долл., то в 2014 г. – 2,1 млрд, в 2015 г. – 1,3 млрд, в 2016 г. – 1,1 млрд, в 2017 г. – 1,6 млрд, в 2018 г. – 1,3 млрд долл.¹

Уже в марте 2014 г. канадское руководство ввело санкции против российских физических и юридических лиц [1 с. 181]. Они сопровождалась заявлениями правящих канадских политических элит, в частности премьер-министра С. Харпера, о невозможности дальнейшего сотрудничества с Российской Федерацией, необходимости исключения ее из «Большой восьмерки» и т. д.² В дальнейшем масштабная санкционная политика в отношении Российской Федерации была продолжена.

Ситуация не изменилась к лучшему и после победы на парламентских выборах в 2015 г. либералов во главе с Дж. Трюдо. Назначение на пост министра иностранных дел Канады Х. Фриланд вместо С. Диона, неоднократно высказывавшегося за нормализацию отношений с Россией, не привела к существенной корректировке внешнеполитического курса Канады на российском направлении [2 с. 182–183].

В то же время канадское правительство, исходя, с одной стороны, из своих геополитических устремлений к поддержке традиционных европейских союзников по НАТО и политики диверсификации, т. е. установления разноплановых торгово-экономических связей с различными регионами мира, – с другой, взяло курс на заключение Всеобъемлющего экономического и торгового соглашения с ЕС (СЕТА)³. О достижении принципиальной дого-

¹Отчет о внешней торговле между Россией и Канадой в 2018 году: товарооборот, экспорт, импорт, структура, товары, динамика [Электронный ресурс]. Подготовлен сайтом Внешняя Торговля России на основе данных Федеральной таможенной службы России. URL: <http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2019-02/vneshnyaya-torgovlya-rossii-v-2018-godu/> (дата обращения 05 апр. 2019).

²Canada's Response to Ukraine Crisis Criticized. URL: http://thestar.com/news/canada/2014/03/02/canadas_response_to_ukraine_crisis_criticized.html (дата обращения 16 апр. 2019).

³Comprehensive Economic and Trade Agreement (CETA) between Canada, on the one Part, and the European Union, and its Member States, of the other Part. Brussels, 14 September, 2016 [Электронный ресурс].

воренности по этому вопросу премьер-министр Канады С. Харпер и председатель Еврокомиссии Ж.М. Баррозу объявили в октябре 2013 г. Новый премьер-министр Канады Дж. Трюдо и страны ЕС подписали СЕТА в октябре 2016 г. Европарламент ратифицировал соглашение в феврале 2017 г., канадский парламент – в мае 2017 г. СЕТА считается предварительно вступившим в силу, без ратификации его парламентами всех стран ЕС, с сентября 2017 г. В случае выхода Великобритании из ЕС между Канадой и Великобританией будет заключено двустороннее торгово-экономическое взамен СЕТА. Необходимо отметить, что соглашение предусматривает поэтапную отмену взаимных торговых пошлин на 98% всех групп товаров в торговом обороте ЕС и Канады [3 с. 191].

Одновременно, реализуя политику диверсификации, Канада расширяла торгово-экономические связи со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). При либеральном правительстве Дж. Трюдо она вступила в 2016 г. в Транстихоокеанское партнерство (ТТП), среди участников которого преобладают как традиционные торгово-экономические партнеры Канады, такие как Мексика, Чили, Перу, Япония, Австралия, Новая Зеландия, так и страны с высоко-развитой или интенсивно развивающейся экономикой, в том числе Сингапур, Малайзия, Бруней, Вьетнам [4]. Присоединением к ТТП канадские власти подчеркнули, что они являются сторонниками не только региональной интеграции со странами Центральной, Южной и Северной Америки, но и глобальной свободной торговли.

Важнейшим внешнеэкономическим направлением деятельности правительства Д. Трюдо в 2017–2018 гг. была модернизация Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА). Примечательно, что этот курс был выбран исключительно под давлением президента США Д. Трампа. До заключения соглашения USMCA, заменившего НАФТА, он развернул настоящую торговую, и в частности тарифную, войну с ведущими торгово-экономическими партнерами США, прежде всего с Канадой, Мексикой, ЕС и Китаем. Так, например, с целью защиты собственного производства США возвратились к политике протекционизма: летом 2018 г. была введена 25-процентная пошлина на сталь и 10-процентная пошлина на алюминий, ввозимые из ЕС, Канады и Мексики⁴. Одновременно

URL: <http://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-10973-2016-INIT/en> (дата обращения 22 апр. 2019).

⁴*Swanson A.* Trump to Impose Sweeping Steel and Aluminum Tariffs [Электронный ресурс] // The New York Times. 2018. March 01. URL: <https://www.nytimes.com/2018/03/01/business/trump-tariffs.html> (дата обращения 05 апр. 2019).

президент США объявил о введении пошлины в размере 25% на импорт китайских товаров, общая стоимость которых оценивается в 50 млрд долл.

Тарифной войной президент США пытался склонить своих крупнейших торгово-экономических партнеров, в частности Канаду и Мексику, к столь необходимым для американцев переговорам по модернизации НАФТА. Как только Канада и Мексика согласились на ведение таких переговоров, Д. Трамп прекратил тарифную войну с этими государствами и параллельно нормализовал торговые отношения с ЕС, достигнув с главой Еврокомиссии Ж.К. Юнкером договоренности о создании рабочей комиссии по отмене пошлин между США и ЕС.

Д. Трамп неоднократно подвергал НАФТА критике, поскольку имплементация этого соглашения способствовала дефициту торгового баланса США и сокращению рабочих мест в стране. В связи с этим еще в 2015 г. будущий американский президент требовал перезаключения соглашения НАФТА на выгодных для США условиях. В частности, речь шла о сокращении дефицита в торговле с Мексикой и Канадой, ликвидации канадской государственной системы управления поставками в области производства, ценообразования и контроля за импортом молока, мяса птицы и яиц, увеличении обязательного «североамериканского содержания» в стоимости автомобилей, автомобильных частей и деталей, имеющих право на беспошлинный ввоз в страны – члены НАФТА, с 62,5 до 85% и т. д.⁵ Анализируя требования Д. Трампа, можно заключить, что он оказался прав, когда подчеркивал, что соглашение НАФТА наносит ущерб экономике США⁶. Глобализационные процессы, активно происходящие в XXI в., не всегда приводят к положительным результатам, поскольку часто способствуют притоку мигрантов и потере рабочих мест коренными жителями, закрытию ряда производств и т. д.

Не желая разрушать тесные торгово-экономические связи с США и разочаровывать своего ближайшего партнера по НАТО, правительство Дж. Трюдо пошло навстречу требованиям американского президента, организовав с ним ряд встреч на протяжении 2017–2018 гг., целью которых была модернизация НАФТА.

⁵Trump Calls NAFTA a “Disaster” [Электронный ресурс] // CBS News. 2015. Sept. 25. URL: <https://www.cbsnews.com/news/trump-calls-nafta-a-disaster/> (дата обращения 16 апр. 2019).

⁶Sharma R. Is Trump About to Start a Trade War? [Электронный ресурс] // The New York Times. 2018. March 7. URL: <https://www.nytimes.com/2018/03/07/opinion/trump-tariffs-trade-war.html> (дата обращения 05 апр. 2019).

В итоге в октябре 2018 г. между США, Канадой и Мексикой было заключено соглашение USMCA (United States – Mexico – Canada Agreement), которое, в частности, предусматривает, что 75% содержимого автомобиля, импортируемого в США, должно быть произведено в Северной Америке (по сравнению с 62,5% в НАФТА); американский бизнес получает доступ на рынок канадских молочных продуктов; работники, собирающие как минимум две пятых автомобилей, идущих на экспорт в рамках беспощинной торговли в Северной Америке, должны получать оплату минимум 16 долл. в час и т. д.⁷

Возможно, Канада экономически и проиграет от USMCA, однако это будет понятно только по прошествии определенного времени.

Заключение

Проанализировав важнейшие направления внешнеэкономического курса Канады в 2014–2018 гг., мы приходим к выводу, что они определялись ее геополитическими приоритетами. К сожалению, основное изменение этого курса в рассматриваемый период было вызвано возвращением канадских политических элит к риторике холодной войны после присоединения Крыма к Российской Федерации, воспринятого как вызов глобальному лидерству США и их ближайших союзников по НАТО.

Именно поэтому канадские политические элиты внешнеэкономическую деятельность своей страны связывали прежде всего с теми государства, которые объединены с ней в стратегические военно-политические альянсы. Характерным примером этого является Соглашение о свободной торговле с ЕС, заключенное консервативным правительством С. Харпера, а также соглашение USMCA, согласованное Канадой прежде всего с США, своим главным союзником по НАТО. К сожалению, не экономическая целесообразность сотрудничества государств друг с другом и взаимный рыночный интерес, а стремление к глобальному лидерству США и их союзников определяют дальнейшую возможность или невозможность торгово-экономического взаимодействия. Данная концепция справедливо все более утверждается в отечественной историографии [5 с. 43].

Такие действия Канады, к сожалению, только укрепляют геополитический разлом в современном мире. Однако все вышеупомянутое не позволяет терять надежду на расширение в ближайшем

⁷НАФТА 2.0: 10 фактов о новом торговом соглашении // Вести. Экономика. 2018. 01 окт. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/107746/> (дата обращения 23 фев. 2019).

будущем торгово-экономического сотрудничества между Российской Федерацией и Канадой и кардинальное улучшение отношений между двумя странами.

Литература

1. *Израелин Е.В.* Санкции как инструмент внешней политики Канады // Канадский ежегодник. 2015. Вып. 19. С. 176–190.
2. *Кузьмина Т.Р.* Новый министр иностранных дел Канады: новый курс? // Канадский ежегодник. 2017. Вып. 21. С. 170–199.
3. Канада: современные тенденции развития. К 150-летию государства / Под ред. В.И. Соколова. Москва: Весь мир, 2017. 432 с.
4. *Портной М.А.* Трансокеанские партнерства – новый этап мирового интеграционного процесса // США – Канада. Экономика, политика, культура. 2016. № 8. С. 73–83.
5. *Запесоцкий А.С., Марков А.П.* На пороге кардинальной трансформации. Размышления над материалами Лихаческий чтений // Человек. 2018. № 5. С. 40–53.

References

1. Issraelyan EV. Sanctions as a Tool of Canadian Foreign Policy. *Annual Journal for Canadian Studies in Russia*. 2015;19:176-190. [In Russ.]
2. Kuzmina TR. The New Canadian Minister for Foreign Relations: a new course? *Annual Journal for Canadian Studies in Russia*. 2017; 21:179-199. [In Russ.]
3. Sokolov VI (ed.). Canada: The Main Trends. Devoted to the 150th Anniversary. Moscow: Ves' Mir; 2017. 432 p. [In Russ.]
4. Portnoy MA. Trans-Pacific and Trans-Atlantic Partnerships – a New Stage in World Integration Process. *USA v Canada Journal*. 2016; 8:73-83. [In Russ.]
5. Zapesotskiy AS, Markov AP. In the Midst of the Fundamental Transformation. *The Chelovek Journal*. 2018;5:40-53. [In Russ.]

Информация об авторе

Андрей Н. Комаров, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; ruslan10@inbox.ru

Information about the author

Andrey N. Komarov, Dr. of Sci. (History), Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, 125993, Russia; ruslan10@inbox.ru

УДК 341.7(575.1+479.24)

DOI: 10.28995/2073-6339-2019-1-96-107

Формирование правовых основ межгосударственного сотрудничества Узбекистана и Азербайджана в период независимости

Азер Н. Адыгезалов

*Андижанский государственный университет, Андижан,
Узбекистан; Azerbay23@mail.ru*

Аннотация. С обретением государственной независимости Республика Узбекистан получила возможность самостоятельно осуществлять свою внешнюю политику, особое место в которой занимают отношения с близким по духу государством – Азербайджанской Республикой.

В статье прослеживаются основные этапы формирования правового фундамента двусторонних межгосударственных отношений. Автор показывает, что с 1991 г. проделана огромная работа в данной сфере, включая установление дипломатических отношений, открытие посольств, осуществление визитов на высшем уровне, в результате которых было подписано более 130 документов, способствующих развитию плодотворного сотрудничества двух государств в различных областях.

Ключевые слова: Республика Узбекистан, Республика Азербайджан, правовое сотрудничество, дипломатия, международное право

Для цитирования: Адыгезалов А.Н. Формирование правовых основ межгосударственного сотрудничества Узбекистана и Азербайджана в период независимости // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 1. С. 96–107. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-1-96-107

Forming Legal Fundamentals of Inter-state Uzbekistan and Azerbaijan Collaboration in the Period of Independence

Azer N. Adigezalov

Andizhan State University, Andizhan, Uzbekistan; Azerbay23@mail.ru

Abstract. After gaining its independence, the Republic of Uzbekistan acquired an opportunity to implement its foreign policy, the special place in which is taken by an internally fraternal state – the Republic of Azerbaijan.

© Адыгезалов А.Н. 2019

The article traces back the main stages of the formation of the legal basis for bilateral interstate relations. The author demonstrates that since 1991 great work has been accomplished in this sphere, including the initiation of diplomatic relations, opening the embassies, scheduling the summits, that have resulted in the signing of more than 130 documents, promoting the development of the two countries' fruitful collaboration in different areas.

Keywords: The Republic of Uzbekistan, the Republic of Azerbaijan, legal collaboration, diplomacy, international law

For citation: Adigezalov AN. Forming Legal Fundamentals of Inter-state Uzbekistan and Azerbaijan Collaboration in the Period of Independence. *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series.* 2019;1:96-107. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-1-96-107

Введение

Среди приоритетов внешнеполитического курса Республики Узбекистан важное место отводится развитию стратегического партнерства с Азербайджанской Республикой, являющейся ключевой страной на Южном Кавказе. Отношения узбекского и азербайджанского народов уходят своими корнями вглубь веков. Исторические и культурные параллели, общая религия, родство языка, близость традиций и обычаев способствовали налаживанию братских отношений двух государств.

Актуальным направлением узбекской исторической науки является систематизация многогранного опыта выхода Республики на международную арену.

В данной статье прослеживаются основные этапы формирования правовых основ межгосударственного сотрудничества Узбекистана и Азербайджана после обретения независимости. В период с 1991 г. по сей день было осуществлено 8 визитов на высшем уровне (4 – с узбекской и 4 – с азербайджанской стороны), итогом которых стало подписанию более 130 нормативно-правовых документов, охватывающих все области взаимодействия. Совершенствованию дипломатических отношений способствовало открытие посольств в 1997–1998 гг. Активно развиваются межпарламентские и межправительственные связи двух государств.

Предпосылки становления двусторонних отношений

С первых дней обретения государственной независимости правительством Узбекистана шаг за шагом закладывались действенные механизмы становления и развития собственной

внешней политики, в основе которой лежит равноправие всех государств и взаимовыгодное партнерство, невмешательство во внутренние дела других государств, верность общечеловеческим идеалам, сохранение мира и безопасности, соблюдение международных правовых норм.

Осуществление активной многосторонней внешней политики, отвечающей национальным интересам Узбекистана, – необходимое условие и важнейшее средство укрепления государственного суверенитета, преодоления экономических трудностей и улучшения жизни народа [1 с. 22].

Исходя из стратегии, принципов и приоритетов внешней политики страны, Республика Узбекистан особое место отводит близкому по духу государству – Азербайджану. В первые же годы обретения политической независимости прослеживался их обоюдный интерес друг к другу и стремление к формированию прочного правового фундамента межгосударственных отношений.

Так, 19 октября 1991 г. в Узбекистан прибыла азербайджанская делегация во главе с президентом А.Н. Муталибовым. Во время встречи лидеров двух республик было особо подчеркнуто, что перед Узбекистаном и Азербайджаном стоит одинаковая задача – освободившись от пут жестко централизованной власти, используя уникальные природно-климатические условия, богатый экономический потенциал, поставив на службу народам богатства недр, существенно поднять жизненный уровень населения. Причем сделать это не в мифически далеком «светлом будущем», а в самое ближайшее время¹.

В ходе переговоров были подписаны следующие основополагающие документы, положившие начало взаимному сотрудничеству²: Договор о принципах межгосударственных отношений между Республикой Узбекистан и Азербайджанской Республикой³ и Соглашение между Республикой Узбекистан и Азербайджанской Республикой о принципах торгово-экономического сотрудничества на 1992 г.⁴

26 февраля 1993 г. в Ташкенте был подписан ряд документов: Соглашение между Правительством Республики Узбекистан и Правительством Азербайджанской Республики о торгово-экономическом сотрудничестве на 1993 г.; Протокол реализации договоренностей, достигнутых между Правительством и Центральным

¹Ташкентская правда. 1991. 22 окт.

²Правда Востока. 1999. 28 мая.

³Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. М-7. Оп. 1. Ед. хр. 333. С. 82.

⁴Там же. Ед. хр. 722. С. 68.

банком Республики Узбекистан и Правительством и Национальным банком Республики Азербайджан о техническом кредите в 1993 г.; Соглашение между Правительством Республики Узбекистан и Правительством Азербайджанской Республики о порядке и сроках урегулирования долговых обязательств и требований за 1992 г.⁵

Однако, несмотря на эти договоренности, в данный период произошло похолодание в двусторонних отношениях, вызванное необдуманной и противоречивой политикой руководства Азербайджанской Республики. В результате дипломатические связи между Узбекистаном и Азербайджаном не были установлены.

Установление дипломатических отношений и начало активного сотрудничества

Лишь после прихода к власти в Азербайджане Гейдара Алиева в октябре 1993 г. политические, экономические и культурные связи между двумя братскими государствами, ранее входившими в единый Союз, начинают плодотворно развиваться.

Важной вехой на этом пути стало установление между ними дипломатических отношений 2 октября 1995 г. Для активного ведения межгосударственного диалога в июне 1997 г., в ходе официального визита Гейдара Алиева в Узбекистан, было открыто Посольство Азербайджанской Республики в Республике Узбекистан⁶. Оно стало первым азербайджанским посольством в среднеазиатских странах, что является показателем той роли, которую Узбекистан играет в регионе [2 с. 735]. В июле 1998 г. было открыто Посольство Республики Узбекистан в Азербайджанской Республике.

Таким образом, были сделаны первые шаги на пути обоюдного официального признания и установления правового диалога, а также заложен фундамент для дальнейшего развития двусторонних связей.

Официальный визит первого президента Республики Узбекистан Ислама Каримова в Азербайджан 26–27 мая 1996 г., прошедший в дружеской и конструктивной обстановке, ознаменовал новый этап во взаимоотношениях двух стран [3 р. 3]. Между ними было подписано более 20 соглашений, охватывающих широкий диапазон сотрудничества⁷. Главным из них был Договор о дружбе

⁵Там же. Ед. хр. 333. С. 82.

⁶Правда Востока. 1997. 20 июня.

⁷Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. М-7. Оп. 1. Ед. хр. 722. С. 68–69.

и сотрудничестве между Республикой Узбекистан и Азербайджанской Республикой⁸, положивший начало тесному взаимовыгодному и стратегическому партнерству⁹.

В рамках визита Исламу Каримову была вручена медаль почетного доктора Бакинского государственного университета¹⁰.

Мощный импульс к развитию двусторонних отношений придал официальный визит президента Азербайджана Гейдара Алиева в Узбекистан 18 июня 1997 г. В ходе него были достигнуты договоренности о заключении 19 межгосударственных договоров¹¹, главным из которых была Декларация о дальнейшем развитии всестороннего сотрудничества и отношений партнерства между Республикой Узбекистан и Азербайджанской Республикой.

За укрепление отношений дружбы между народами Узбекистана и Азербайджана, а также выдающиеся заслуги в развитии науки и культуры Гейдару Алиеву было присвоено звание почетного доктора Ташкентского государственного университета им. Мирзо Улугбека (с 28 января 2000 г. Национальный университет Узбекистана)¹².

Президент Республики Узбекистан Ислам Каримов в очередной раз посетил Баку 8 сентября 1998 г. для участия в международной конференции «ТРАСЕКА – восстановление исторического Шелкового пути»¹³. Кроме инициатора и организатора конференции Гейдара Алиева и президента Узбекистана, на конференции присутствовали также лидеры Болгарии, Грузии, Кыргызстана, Молдовы, Румынии, Турции и Украины, главы правительств, министерств транспорта и эксперты из 32 стран, а также представители Европейской комиссии и международных организаций.

⁸ Текущий архив Управления по сотрудничеству со странами СНГ и России. Азербайджан. Министерство иностранных дел Республики Узбекистан. Папка – Визит Президента Республики Узбекистан И.А. Каримова в Азербайджан. 11–12 сентября 2008 г. С. 4.

⁹ Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. М-7. Оп. 1. Ед. хр. 330. С. 242–247.

¹⁰ Бакинский рабочий. 1996. 30 мая.

¹¹ Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. М-7. Оп. 1. Ед. хр. 722. С. 69–70.

¹² Правда Востока. 1997. 20 июня.

¹³ ТРАСЕКА – программа международного сотрудничества между Европейским союзом и странами-партнерами по организации транспортного коридора «Европа – Кавказ – Азия».

На конференции были подписаны три документа:

- Основное многостороннее соглашение о международном транспорте по развитию коридора «Европа – Кавказ – Азия» и его Технические приложения¹⁴;
- Бакинская декларация, отражающая основные принципы всестороннего сотрудничества и региональной интеграции между евразийскими странами;
- Итоговое коммюнике конференции¹⁵.

В обсуждениях, развернувшихся на конференции, говорилось о значении регионального сотрудничества и экономической интеграции ЕС и стран – участниц ТРАСЕКА из Южно-Кавказского, Среднеазиатского и Черноморского регионов [2, с. 602].

Стоит особо отметить узбекско-азербайджанское коммуникационное сотрудничество в рамках ТРАСЕКА, развивавшееся на основе соглашения о создании Транскавказского транспортного коридора, соединяющего Восток и Запад, которое было подписано в 1996 г. в иранском городе Серахс между Узбекистаном, Туркменистаном, Азербайджаном и Грузией¹⁶.

Становление стратегического партнерства

23–24 марта 2004 г. Ильхам Алиев посетил Узбекистан с государственным визитом. Среди главных задач переговоров было определение приоритетных направлений развития двустороннего сотрудничества, прежде всего в торгово-экономической сфере, расширение его договорно-правовой базы, а также обмен мнениями по актуальным международным и региональным проблемам, представляющим взаимный интерес.

Президенты обратили внимание на вопросы безопасности, в частности на необходимость совместных скоординированных действий, направленных на борьбу против международного терроризма и контрабанды наркотиков. Достигнута договоренность о последовательном продолжении консультаций и практическом взаимодействии¹⁷.

Главным политическим итогом визита стало подписание 23 марта 2004 г. Декларации о дальнейшем укреплении стратеги-

¹⁴ Бакинский рабочий. 1998. 12 сент.

¹⁵ Указы и распоряжения Президента Азербайджанской Республики (октябрь–декабрь 1998). Баку, 1999. С. 15–16.

¹⁶ Народное слово. 1999. 16 окт.

¹⁷ Правда Востока. 2004. 24 марта.

ческого партнерства между Республикой Узбекистан и Азербайджанской Республикой¹⁸.

Кроме того, в ходе визита состоялось открытие памятника азербайджанскому поэту Низами Гянджави, а одна из улиц Ташкента названа именем Гейдара Алиева¹⁹.

11–12 сентября 2008 г. Ислам Каримов в очередной раз прибыл в Азербайджан с официальным визитом, по итогам которого были подписаны 5 межправительственных и 3 межведомственных соглашения²⁰.

Встреча президентов двух стран прошла в резиденции «Загульба» в формате один на один. Лидеры обменялись мнениями о состоянии и перспективах узбекско-азербайджанских отношений, а также о международных и региональных проблемах, представляющих взаимный интерес.

Подчеркивалась что цели и стремления Узбекистана и Азербайджана в деле развития двустороннего сотрудничества едины, а в политических вопросах страны являются партнерами.

Было отмечено, что позиция Республики Узбекистан по решению проблемы Нагорного Карабаха остается твердой и неизменной. Узбекистан открыто ее подтверждал при голосовании за принятие соответствующих резолюций Генеральной ассамблеи ООН, инициированных Азербайджаном в 2008 г. Узбекистан последовательно выступал и продолжает выступать за мирное, политическое решение нагорно-карабахского конфликта и при этом главным условием урегулирования считает обеспечение территориальной целостности и суверенитета Азербайджана.

Ислам Каримов высоко оценил поддержку Азербайджаном инициатив и позиций Узбекистана по таким важным региональным проблемам, как создание контактной группы 6+3 в качестве важного механизма по урегулированию афганской проблемы, решение водно-энергетических вопросов в Центральной Азии исходя из общепризнанных норм международного права и с учетом интересов всех государств региона²¹.

¹⁸ Текущий архив Управления по сотрудничеству со странами СНГ и России. Азербайджан. Министерство иностранных дел Республики Узбекистан. Папка – Визит Президента Республики Узбекистан И.А. Каримова в Азербайджан. 11–12 сентября 2008 г. С. 20.

¹⁹ Народное слово. 2010. 25 сент.

²⁰ Текущий архив Управления по сотрудничеству со странами СНГ и России. Азербайджан. Министерство иностранных дел Республики Узбекистан. Папка – Визит Президента Республики Узбекистан И.А. Каримова в Азербайджан. 11–12 сентября 2008 г. С. 6.

Президенты также обратили особое внимание на проблемы безопасности. Обсуждались вопросы, касающиеся совместной борьбы против таких угроз, как международный терроризм и экстремизм, наркотрафик, организованная транснациональная преступность²².

Кроме того, в ходе визита состоялось открытие памятника великому классику узбекской литературы Алишеру Навои, а одна из улиц Баку была названа в честь всемирно известного правителя и ученого Мирзо Улугбека²³.

Еще один шаг к плодотворному узбекско-азербайджанскому сотрудничеству был сделан в ходе переговоров глав государств, состоявшихся 27–28 сентября 2010 г. в Ташкенте в резиденции «Куксарой». По их итогам была подписана Совместная декларация²⁴, предусматривающая развитие отношений по ряду направлений.

В частности, в ней говорилось о том, что будут предприняты дополнительные меры для обеспечения уровня двустороннего торгово-экономического и научно-технического взаимодействия, а также сотрудничества в иных областях в соответствии с потенциалом и возможностями экономик обеих стран. Для развития прямых связей между хозяйствующими субъектами, укрепления контактов между предпринимателями двух стран, повышения возможностей выхода товаров и услуг на мировые рынки будут создаваться благоприятные экономические, финансовые и правовые условия. Отмечая, что взаимные инвестиции являются одним из факторов экономического сотрудничества, главы двух государств согласились поддерживать, защищать и развивать инвестиции в сфере энергетики, торговли, промышленности, машиностроения, сельского хозяйства, транспорта, коммуникаций, а также в других областях, представляющих взаимный интерес.

Президенты подчеркнули важность реализации железнодорожного проекта «Баку – Тбилиси – Карс», а также развития логистических центров в Аляте, Навои и Ангрене.

Кроме того, были подписаны: Межправительственное соглашение об экономическом сотрудничестве в 2011–2015 гг., Соглашение о сотрудничестве между телерадиокомпаниями, Соглашение о сотрудничестве между Академией художеств Узбекистана и Институтом архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, а также ряд других документов, свидетель-

²¹ Правда Востока. 2010. 25 сент.

²² Там же. 2008. 12 сент.

²³ Народное слово. 2010. 25 сент.

²⁴ Там же. 28 сент.

ствующих о дальнейшем укреплении двустороннего взаимодействия в различных областях²⁵.

Президенты обратили внимание на значимость сотрудничества в гуманитарной сфере для укрепления межгосударственных отношений, подтвердив важность всестороннего взаимодействия в сфере культуры, науки, образования, информации, спорта и туризма. Стороны согласились активно поощрять участие деятелей искусств своих стран в международных культурных мероприятиях, проводимых в Узбекистане и Азербайджане, содействовать расширению молодежных и туристических обменов, изучению узбекского и азербайджанского языков, распространению литературы, развитию контактов между деятелями культуры и науки, а также деятельности центров культуры двух стран²⁶.

Договорно-правовая база двустороннего сотрудничества к 2010 г. состояла из 110 документов: 59 межгосударственных и межправительственных договоров; 38 межведомственных договоров; 13 иных документов (совместные заявления президентов, протоколы заседаний Совместной межправительственной комиссии и т. д.). Среди них: в политической сфере – 5; в области экономики и транспорта – 26; в социально-гуманитарной и научно-технической – 19; правовых отношений и сотрудничества правоохранительных органов – 19; в различных областях двустороннего сотрудничества – 41²⁷.

Следующим этапом в деле формирования правовой основы двусторонних отношений стал официальный визит в Баку Ислама Каримова 11–12 октября 2012 г. В ходе него главы государств подписали Совместное заявление; План мероприятий по осуществлению Программы экономического сотрудничества между правительством Республики Узбекистан и правительством Азербайджанской Республики; Программу сотрудничества между Министерством иностранных дел Республики Узбекистан и Министерством иностранных дел Азербайджанской Республики на 2013–2015 гг.²⁸

²⁵ Народное слово. 2010. 28 сент.

²⁶ В Совместной декларации президентов Узбекистана и Азербайджана обозначены направления развития двусторонних отношений – МИД [Электронный ресурс] // Trend News Agency. 2010. 29 сент. URL: <https://www.trend.az/azerbaijan/politics/1758789.html> (дата обращения 21 апр. 2019).

²⁷ Текущий архив Управления по сотрудничеству со странами СНГ и России. Азербайджан. Министерство иностранных дел Республики Узбекистан. Папка – Визит Президента Азербайджанской Республики И.Г. Алиева в Узбекистан. 27–28 сентября 2010 г. 2 с.

²⁸ Текущий архив Министерства по делам культуры и спорта Республики Узбекистан. Ф. М-38. Оп. 1. Ед. хр. 1683. 230 с.

Правовые основы сотрудничества двух стран продолжали стремительно развиваться и в последующие годы. К 2016 г. между Узбекистаном и Азербайджаном было подписано 120 документов, в том числе 60 межгосударственных и межправительственных договоров, 28 межведомственных договоров, 32 иных документа²⁹.

Развитие межпарламентских и межправительственных связей

Межпарламентские и межправительственные связи являются важной составной частью двустороннего сотрудничества.

За годы независимости состоялось более 13 встреч парламентских делегаций двух стран, которые способствовали эффективно-му развитию межгосударственного взаимодействия. В ходе этих визитов был подписан ряд документов в торгово-экономической, научно-технической и гуманитарной областях, в сфере охраны окружающей среды, развития информационных и коммуникационных технологий, железнодорожного транспорта и комбинированных перевозок, обмена налоговой информацией и взаимной защиты секретной информации, которые подняли двустороннее сотрудничество на более высокий качественный уровень³⁰.

В этом контексте следует особо отметить деятельность созданной в Милли Меджлисе Азербайджанской Республики межпарламентской рабочей группы «Азербайджан – Узбекистан»³¹, самой крупной из структур подобного рода.

Парламентарии регулярно участвуют в качестве наблюдателей в проходящих в обеих странах общенародных выборах и референдумах.

Межправительственные связи двух государств также достаточно продуктивны. Была создана узбекско-азербайджанская межправительственная комиссия; подписаны соглашения об экономическом сотрудничестве на 2001–2010 гг. и 2011–2015 гг.

²⁹ Сотрудничество Республики Узбекистан со странами СНГ и Грузией [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства иностранных дел Республики Узбекистан. URL: <https://mfa.uz/ru/cooperation/countries/60/> (дата обращения 13 фев. 2017).

³⁰ Сотрудничество Республики Узбекистан со странами СНГ и Грузией [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства иностранных дел Республики Узбекистан. URL: <https://mfa.uz/ru/cooperation/countries/60/> (дата обращения 13 фев. 2017).

³¹ Правда Востока. 2012. 11 окт.

Заключение

Проследив динамику становления правовых основ сотрудничества Узбекистана с Азербайджаном, можно прийти к выводу о том, что с момента обретения независимости в 1991 г. двумя странами проделана огромная работа в данной сфере. В 1995 г. между ними установлены дипломатические отношения, в 1997 г. открыто Посольство Азербайджанской Республики в Республике Узбекистан, а в 1998 г. – Посольство Республики Узбекистан в Азербайджанской Республике. В общей сложности за прошедший период было осуществлено 8 визитов на высшем уровне, результатом которых стало подписание более 130 документов, способствующих развитию многогранного сотрудничества двух государств.

Однако межгосударственные связи нуждаются в постоянном совершенствовании с учетом изменений, происходящих в странах и на международной арене. Данное обстоятельство служит предпосылкой для заключения новых или внесения дополнений в уже существующие документы нормативно-правового характера.

Литература

1. *Каримов И.А.* Узбекистан: свой путь обновления и прогресса. Ташкент: Узбекистан, 1992. 71 с.
2. *Гасанов А.* Современные международные отношения и внешняя политика Азербайджана. Баку: Шарк-Гарб, 2007. 904 с.
3. *Adigezalov A.N., Abidov D.K.* The Coming into Being and the Development of the Diplomatic Relations between Uzbekistan and Azerbaijan during the Period of Independence // *European Journal of Humanities and Social Sciences*. 2016. No. 1. P. 3–4.

References

1. Karimov IA. Uzbekistan, its way of renewal and progress. Tashkent: Uzbekistan Publ.; 1992. 72 p. [In Russ.]
2. Gasanov A. Modern International Relations and Foreign Policy of Azerbaijan. Baku: Sharq-Garb Publ.; 2007. 904 p. [In Russ.]
3. Adigezalov AN., Abidov DK. The Coming into Being and the Development of the Diplomatic Relations between Uzbekistan and Azerbaijan during the Period of Independence. *European Journal of Humanities and Social Sciences*. 2016; 1:3-4.

Информация об авторе

Азер Н. Адигезалов, Андижанский государственный университет, Андижан, Узбекистан; 170100, Республика Узбекистан, г. Андижан, ул. Университетская, 129; Azerbay23@mail.ru

Information about the author

Azer N. Adigezalov, Andizhan State University, Andizhan, Uzbekistan; 129, University Street, Andizhan, Republic of Uzbekistan, 170100; Azerbay23@mail.ru

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

УДК 342.8(430)

DOI: 10.28995/2073-6339-2019-1-108-122

Политическое пространство ЕС в контексте выборов в ФРГ

Лев Н. Клепацкий

*Дипломатическая академия Министерства иностранных дел
Российской Федерации, Москва, Россия, kln@inbox.ru*

Аннотация. Политическое пространство Евросоюза характеризуется переплетением кризисных процессов как на национальном, так и наднациональном, интеграционном уровне. К долговому кризису добавился кризис испанской государственности. Признаки сепаратизма обозначались и в других государствах ЕС. «Брексит» и баталии по финансово-бюджетным проблемам отягощают дополнительно политическое функционирование объединения. После принятия Лиссабонского договора в 2007 г. ожидалось его поступательное развитие, однако практика опрокинула эти ожидания.

В таких условиях важным фактором стабильности выступает политическое состояние государств – членов ЕС. Но и здесь в последние годы наблюдается неоднородная эволюция. Своего рода «спусковым крючком» политического обострения в странах стал миграционный кризис, который потряс интеграционные основы ЕС.

Данная статья посвящена результатам парламентских выборов в Германии в сентябре 2017 г. Эта страна занимает доминирующее положение в экономической системе и на политическом пространстве Евросоюза. Отсюда ее исключительная роль в преодолении кризисных явлений в ЕС, нахождении оптимально-компромиссных решений по их купированию и созданию предпосылок для стабильного функционирования объединения. Как показывает автор, итоги парламентских выборов стали необычным событием во всей послевоенной политической жизни ФРГ, свидетельствуя о том, что страна вступает в новую фазу политического развития, что не может не сказываться и на перспективах Евросоюза.

Ключевые слова: Евросоюз, политическое пространство, Германия, парламентские выборы, политическое потрясение, новый баланс сил

© Клепацкий Л.Н., 2019

Для цитирования: Клепачский Л.Н. Политическое пространство ЕС в контексте выборов в ФРГ // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 1. С. 108–122. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-1-108-122

The Political Space of the EU in the Context of the Elections in Germany

Lev N. Klepatskii

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, kln@inbox.ru

Abstract. The political space of the European Union is characterized by the interweaving of crisis processes at both the national and supranational, integration levels. The crisis of the Spanish statehood has been added to the debt crisis. The signs of separatism have also been shown up in other states of the European Union. “Brexit” and financial and budgetary battles have further aggravated the political functioning of the EU. After the adoption of the Treaty of Lisbon (2007), its progressive development was expected. Reality has overturned these expectations.

In such an environment, the political well-being of the national EU member states is an important factor of stability. But even here in recent years there has been a heterogeneous evolution of their activities. The migration crisis that shook the EU integration framework had become a kind of «trigger» of the political aggravation in the countries.

Having these processes as a background, the results of the parliamentary elections in Germany attract attention. This country holds a dominant position in the economic system and in the political space of the European Union. It follows thence its exceptional role in overcoming the signs of crisis in the European Union, finding optimally compromise solutions for their curbing and creating prerequisites for the stable functioning of the European Union. The results of the Parliamentary elections in September 2017 have evolved into a spectacular event in the entire post-war political life of Germany. Such election results have become a turning point in the country’s political development. There are all signs that the country is entering a new phase of political national development, which will affect the prospects of the European Union.

Keywords: European Union, political space, parliamentary elections, political upheaval, new balance of power

For citation: Klepatskii LN. The Political Space of the EU in the Context of the Elections in Germany. *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series.* 2019;1:108-22. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-1-108-122

Введение

24 сентября 2017 г. в Федеративной Республике Германия состоялись парламентские выборы. Их результаты свидетельствуют о том, что политическая система страны вступила в фазу глубокой трансформации. Ее характерными признаками стали: достаточно резкое снижение позиций традиционных массовых («народных») партий, выход на политическую арену новых организаций и движений, политизация общественного сознания, вызванная рядом проблем, по которым наблюдается поляризация интересов и позиций. Итоги выборов серьезно осложнили формирование нового правительства: его создание затянулось почти на полгода, чего ранее не происходило. В результате этих факторов, которые с окончанием парламентских выборов не исчезли, а получили дальнейшее развитие, Германия оказалась «в промежуточном состоянии, когда старое еще не исчезло, а новое еще не наступило»¹.

Политическое пространство ЕС меняет свое лицо

Итоги прошедших парламентских и президентских выборов во Франции, ФРГ, Австрии, Чехии, Италии свидетельствуют о новых трендах в политическом развитии этих стран. Очевиден заметный сдвиг вправо (к указанным странам надо добавить Венгрию и Польшу, где эта тенденция проявилась ранее). Меняется партийно-политический ландшафт. Этот процесс характеризуется рядом признаков: девальвацией прежних партийно-политических структур, потерей ими своей идентичности (в разной степени); возникновением новых структур, которые отличаются иным типом организации (в форме движения); нивелированием резких различий между «левыми» и «правыми»; формированием новых центристских течений, фрагментацией политического пространства.

Трансформация прежних партийно-политических организаций проявилась прежде всего в западноевропейских странах и в меньшей степени – в восточноевропейских. Этот процесс получил достаточно четкие очертания в 2015–2016 гг. в Испании и позднее – в период последних президентских выборов во Франции, ознаменовавшихся фактическим уходом с политической сцены прежде системообразующих партий (Республиканской и Социалистической), выдвиганием на первые роли поспешно организованного

¹*Pfister R. Bitterer Triumph // Der Spiegel. 2018. № 30. P. 21.*

движения «Республика на марше». Во Франции процесс имел не столько естественный, сколько рукотворный характер (дискредитация лидеров ведущих партий, организация судебных процессов).

Политическое пространство Европейского союза в последние годы характеризуется переплетением кризисных процессов как на национальном, так и наднациональном, интеграционном уровне. К «Брекситу» добавился кризис испанской государственности в связи с проведением в Каталонии референдума о выходе из Испании. На пространстве Евросоюза существует немало подобного рода ситуаций. Если предположить, что в ЕС будет принято Косово в качестве государственного образования, находящегося под патронатом НАТО и ЕС, то можно ожидать цепной реакции: повышения своего статуса в Евросоюзе начнут добиваться многие регионы стран ЕС, экономически и политически более развитые, чем Косово. Так и напрашивается вывод, что призрак сепаратизма бродит по Европе. Подобная тенденция просматривается и в Германии: в Баварии 32% населения настроены на независимость этой федеральной земли. Каждый пятый немец из других регионов страны поддерживает идею отделения от Берлина².

В Германии девальвация партийно-политических структур выражается в сокращении численности членов доминирующих партий. Если в 1990 г. Христианско-демократический союз (ХДС) насчитывал 943 тыс. человек, то в 2013 г. – 473 тыс., т. е. вдвое меньше. Социал-демократическая партия (СДПГ) имела соответственно 789 и 467 тыс.³ Сократилась и поддержка этих двух крупнейших партий со стороны населения на парламентских выборах: суммарно ХДС и СДПГ в начале 1990-х гг. поддерживало 90% электората, а в 2017 г. – только 49%. Партии, имевшие ранее статус «народных», вряд ли могут теперь так называться. «В Германии эпоха традиционных больших партий заканчивается», – резюмирует «Шпигель». Заслуживает внимания оценка немецкими аналитиками этого явления: граждане страны «эмансипируются от партий, не доверяют элитам и хотели бы больше прямой демократии»⁴.

Для обеих немецких партий характерна потеря изначально сложившегося политического «профиля». Если ХДС определялась как партия правого фланга в политической структуре страны, а СДПГ – левого, то следствием их исторической эволюции, в том числе неоднократного взаимодействия в рамках «больших коа-

² *Loceva B.* Испанские кошки-мышки // Эксперт. 2018. № 27. С. 53.

³ *Abé N., Feldenkirchen M., etc.* Die Abgehängten // Der Spiegel. 2018. № 4. P. 19.

⁴ *Abé N., Hoffmann C., etc.* Chaostage // Der Spiegel. 2018. № 8. P. 14.

лиций», стал сдвиг обеих партий на центристские позиции. В обществе, и прежде всего среди членов партий, это было воспринято как отход от своей заявленной идентичности и привело к потере поддержки со стороны и членов партии, и электората. Центристский сдвиг характерен и для других европейских стран.

Еженедельник «Die Zeit», анализируя процесс политического центристского сдвига, рассматривает его в качестве позитивного явления⁵. В условиях, когда традиционные большие партии теряют в обществе позиции, они вынуждены двигаться в сторону политического центра и искать компромиссы по решению экономических, социальных и других проблем общественного развития страны. Но это идет в ущерб их идентичности. Немецкие наблюдатели отмечают, что различия в программах коалиционных партий ХДС и СДПГ надо искать «с лупой в руках». Для ХДС и ХСС это явление сопряжено и с деконфессионализацией, уменьшением роли католической и протестантской церкви в обществе.

Такие устоявшиеся в политологии понятия, как «правые» и «левые», нуждаются в уточнении. Социальная структура современного общества, особенно западноевропейских стран, кардинально изменилась. Уже нет резкого деления на классы. Социальная классификация общества требует нового анализа, современной расшифровки. Парадоксы использования прежнего понятийного аппарата в интерпретации современных явлений не могут не удивлять. Например, члены Христианско-демократической партии критикуют руководство за «левую» политику, другие недовольны тем, что «правый» профиль партии размывается. В определенной степени они правы в том смысле, что политика ХДС во времена руководства ею А. Меркель характеризуется всеядностью: все, что служит укреплению позиции правящей элиты и лично канцлерин, приемлемо. Чисто прагматический подход, без всяких идеологических или конфессиональных догм. По сути, наблюдается освобождение от прежних идеологических клише, определявших идентичность партии. Практически никто не вспоминает о том, что еще недавно ХДС/ХСС и СДПГ были идеологическими антагонистами. Вместе с тем ярлык «правые» или «левые» навешивается на любое общественно-политическое движение, не согласное с проводимой «народными партиями» политикой.

Описанные тренды модификации политического пространства стран Евросоюза протекают по-разному, со своей спецификой, обретают форму, обусловленную историческим опытом, своеобразием в расстановке политических сил в обществе. Это просмат-

⁵Di Lorenzo G. Wer reanimiert die Mitte? // Die Zeit. 2018. № 9. P. 1.

ривается и на примере ФРГ, относящейся к числу «локомотивов» европейской интеграции. Тем более что для этого имеется достаточно богатый материал.

Результаты и последствия парламентских выборов в ФРГ

Результаты выборов в парламент Федеративной Республики Германия в сентябре 2017 г. нельзя оценить иначе как политическое потрясение. Нередко на исход избирательных кампаний оказывают влияние различного рода скандальные разоблачения, которых во Франции, например, было предостаточно. В ФРГ на федеральном уровне скандалов практически не возникало. Доминирующим фактором выступала социально-экономическая обстановка в стране. Но и здесь мы сталкиваемся с неким парадоксом. Экономическое положение страны характеризовалось как устойчивое, наблюдался приличный для ФРГ рост ВВП. Безработица составляла менее 4%. Это в шесть раз ниже, чем в Греции, более чем в четыре раза – чем в Испании. Предвыборные опросы показывали, что подавляющая часть населения ФРГ (80%) довольна своим экономическим положением. Можно сказать, что коалиция ХДС/ХСС – СДПГ создала в предвыборный период в целом благоприятную экономическую ситуацию в стране. Но что интересно: эти же партии потерпели самое сильное поражение на сентябрьских выборах 2017 г. Если на федеральных выборах 2013 г. за блок ХДС/ХСС проголосовали более 40% избирателей, то в сентябре 2017 г. – на 8,5% меньше (32,9%). СДПГ потеряла более 5%, но падение было глубже. Это наихудшие результаты данных партий во всей послевоенной истории⁶.

Из этого следует вывод, что итоги сентябрьских выборов были предопределены иными, неэкономическими факторами. Анализ федеральной избирательной кампании показывает, что на изменение политической ситуации в стране повлияли прежде всего факторы экзистенционального характера: проблемы сохранения национальной идентичности и внутренней безопасности. И то и другое связано с миграционным давлением на немецкое общество, возрастанием исламского фактора, а также усилением наднационального характера управления интеграционными процессами в Евросоюзе. Так, для расселения более миллиона человек были отданы спортивные залы, школьные и другие общественные поме-

⁶Abé N., *Feldenkirchen M., etc.* Die Abgehängten // Der Spiegel. 2018. № 4. P. 17.

щения. Стали складываться целые анклавы проживания иностранцев, ничем не занятых, живущих за счет немецких налогоплательщиков. Миграционная политика А. Меркель, уже давно вызывала нарекания немецких граждан, но ее действия еще осенью 2015 г. породили масштабное недовольство, расколов общество. Предпринятые позднее федеральным правительством шаги по ограничению миграции, пребывания беженцев вплоть до их выдворения смягчили раздражение, но полностью его не устранили. Кризис 2015 г. – это только часть проблемы. Согласно имеющейся статистике, мигранты, включая русских немцев, вернувшихся на историческую родину в 90-е гг., составляют более 22% общей численности населения страны. Финансовые расходы по миграционным вопросам постоянно возрастают. Только в 2017 г. они составили, по разным оценкам, 21–26 млрд евро. При этом обостряется целый ряд социальных проблем. Увеличивается число немцев, живущих за чертой бедности. Обществу предстоит, видимо, длительный период адаптации к данной ситуации, учитывая провал политики мультикультурализма в предыдущие годы.

Кризис 2015 г. изменил отношение к иностранцам исламского вероисповедания. Участились случаи поджогов мусульманских молельных домов, и Турецко-исламский союз религиозных учреждений требует от властей обеспечить их безопасность. МВД ФРГ сообщает об увеличении количества преступлений против мусульман и евреев на почве ненависти.

В последние годы в ФРГ резко вырос уровень преступности, что отразилось на общественной и личной безопасности. Если в 2000 г. только 24% опрошенных немцев испытывали чувство страха, то в 2017 г. – 71%. Стремление правоохранительных органов не беспокоить население информацией о различного рода криминальных событиях подорвало доверие к властвующим партиям, став предметом разного рода спекуляций на эту тему. Возросла опасность террористического характера.

Итоги выборов 2017 г. – реакция общества на подспудно назревшие тенденции, особенно отчетливо проявившиеся в последние годы. Правящие партии оказались не в состоянии их «расшифровать». А эти тенденции имеют долгосрочный характер и будут определять политический тренд страны, если к ним не добавятся новые или не удастся уменьшить их масштабы.

Немцы все больше чувствуют себя неуютно в собственном государстве. Их быт, их стиль жизни стали уязвимы. Призывы правящих партий к интегрированию мигрантов в общественную жизнь страны не нашли положительной реакции со стороны населения. По причинам политкорректности указанные факторы замалчива-

лись в структурах власти, хотя на бытовом уровне они приобретали все большую значимость. Стоит заметить, что политическое брожение, в основе которого лежали перечисленные факторы и подобные им сопутствующие, происходило уже на протяжении длительного времени, но дало свои результаты в ходе выборов 2017 г., предопределив их итоги и изменив политический ландшафт страны.

Не социальная или экономическая политика ХДС, а именно миграционные проблемы создали кризисную ситуацию в этой партии. Многие ее члены не разделяли позицию А. Меркель, которая еще летом 2015 г. заявила, что если Германия в сложной миграционной ситуации не покажет себя страной с «дружественным лицом», то это «не ее страна»⁷. По итогам выборов можно сделать вывод, что А. Меркель потеряла страну, а также уважение со стороны значительной части общества. Ее обвинили в том, что ее поведение в миграционном вопросе способствовало возникновению «Альтернативы для Германии». Вынужденная позднее скорректировать миграционную политику под давлением критики, А. Меркель, тем не менее, осталась при своем мнении, считая, что ее решение в 2015 г. было правильным.

Еще печальнее судьба Социал-демократической партии. Она находится в состоянии кризиса, который проявляется в невнятности программы, отсутствии лидеров. Неожиданная рокировка на посту председателя партии (М. Шульц вместо З. Габриэля) сначала взбодрила партию и ее сторонников, однако затем откинула ее на политические задворки, откуда будет трудно выбраться. В СДПГ зреет бунт в рядах ее молодежной секции, желающей обновить «лицо» партии, которое она потеряла во время коалиции с ХДС/ХСС, поскольку государством правила ХДС, не особенно считаясь с интересами своего партнера. По данным еженедельника «Die Zeit», в 1998 г. 20 млн избирателей оценивали СДПГ как привлекательную партию и готовы были за нее голосовать. В 2017 г. таковых было 9,5 млн. Самый лучший в своей истории результат на федеральном уровне социал-демократы продемонстрировали в 1998 г. – 40,9%, а в 2017 г. – только 20,5%. Согласно последним опросам (февраль 2018 г.), если бы выборы состоялись в этот период, она получила бы 16%⁸, т. е. СДПГ стоит на грани потери статуса второй партии в стране. Политическая деградация немецкой социал-демократии налицо. По признанию ее прежнего председателя З. Габриэля, партия стала «элитарной и зеленой» [1 р. 26]. СДПГ,

⁷Kurbjuweit D. Die Kanzlerin der Grimmigen // Der Spiegel. 2018. № 4. P. 8.

⁸Abé N., Hoffmann C., etc. Chaostage // Der Spiegel. 2018. № 8. P. 12–18.

видимо, входит в фазу длительной депрессии. Не исключено, что ее ожидает судьба Социалистической партии Франции. Кризис социал-демократических партий является, как можно наблюдать, всеместным на политическом пространстве ЕС.

В ФРГ существует порядка 70 партий и избирательных союзов. В последние годы в федеральных выборах участвовала менее их половины. Быструю политическую «карьеру» сделала «Альтернатива для Германии» (АдГ), созданная выходцами из ХДС. Сдвиг ХДС с правых на центристские позиции открыл политическое пространство для возникновения новой партии в лице АдГ. Это был ответ на запросы немецкого населения. «Альтернатива» является скорее движением, чем партией. Оно довольно разношерстное, там есть и радикально настроенные люди (видимо, из-за этого это движение и характеризуется как правое), евроскептики и консерваторы. Не исключено, что успех на земельных и федеральных выборах консолидирует движение, содействуя его превращению в партию. За сравнительно небольшой срок АдГ завоевала представительство в 13 из 16 земельных парламентов. В нынешнем бундестаге «Альтернатива» стала третьей по численности своих представителей, набрав 12,6% голосов и получив 94 места, потеснив и Свободную демократическую партию (СвДП), и Левую (9,2%), и «Союз-90/Зеленые» (8,9% голосов). Количество фракций в парламенте увеличилось. Основной оппозиционной силой в нем стала «Альтернатива».

В отличие от макроновского движения, имевшего мощную политическую и финансовую поддержку сверху, «Альтернатива» развивалась как низовая инициатива. Нечто подобное наблюдается и в Чехии, где движение «Акция недовольных граждан» завоевала солидные позиции.

Одно время была попытка представить «Альтернативу» как движение «осси», т. е. восточногерманских земель. В действительности же, это западногерманское явление: в составе ее фракции в бундестаге только треть депутатов из земель бывшей ГДР. Например, количество депутатов из Баварии и Северной Вестфалии превышает их число из всех земель восточной Германии (29 и 27 соответственно). АдГ потеснила и позиции Лево́й партии в восточногерманских землях.

Против «Альтернативы» в предвыборный период была развернута масштабная пропагандистская кампания с целью дискредитации. Ее изображали партией расистского и даже нацистского толка. Однако отпугнуть от нее избирателя не удалось. Теперь пришло время «прочитать» партию, посмотрев на ее депутатов в бундестаге: среди них есть бывшие члены ХДС, ХСС, СДПГ; 90% не имеет

опыта парламентской работы. Обращает внимание, что после выборов некоторые руководители фракции заявили: в бундестаге скоро убедятся, что «Альтернатива» будет проводить прагматичную политику.

Программа АдГ отражает ее название: не мультикультурализм, а приоритет немецкой культуры и веры; деполитизация и демократизация Евросоюза; отмена евро (у части немецкого населения до сих пор хранятся немецкие марки); изменение миграционной политики и правил найма иностранной квалифицированной рабочей силы. В области внешней политики партия выступает за вывод ядерного оружия и иностранных военных контингентов с территории Германии, проведение натовских операций только в зоне ответственности альянса и др. Отношение к России в целом позитивное.

Именно «Альтернативе» удалось аккумулировать неэкономические протестные настроения в стране, она стала их ядром, резко потеснив и ХДС, и ХСС, и СДПГ, причем даже в ряде федеральных земель, где их позиции практически всегда были доминирующими. В частности, поражает факт, что в Баварии и Баден-Вюртенберге – бастионах ХДС/ХСС, крупных, ведущих в экономическом отношении федеральных землях – протест против миграционной политики правительства был выражен очень отчетливо.

Часть протестных настроений «съела» Свободная демократическая партия (СвДП), которая вновь воскресла из почти полного политического небытия, набрав 10,7% и получив 80 мандатов. Исторически ее сначала подвинула с позиции третьей силы Партия «зеленых», а вот теперь «Альтернатива».

Левая партия по итогам сентябрьских выборов 2017 г. получила 69 мест в бундестаге, «Союз-90/Зеленые» – 67. Другие партии, участвовавшие в выборах, набрали менее 5%, не преодолев барьер, необходимый для прохождения в парламент.

Примечательно, что избирательная кампания 2017 г. в бундестаг характеризовалась достаточно высокой явкой – свыше 76%. Это на 5% больше, чем в 2013 г.

Суммируя итоги выборов, можно сделать вывод, что они внесли принципиально новые элементы в политическую жизнь страны: изменилась прежняя партийно-политическая структура общества, сложившаяся после образования ФРГ в 1949 г. и оставшаяся почти в том же виде после воссоединения двух Германий в 1989 г.; ХДС, ХСС и СДПГ потерпели «историческое поражение», потеряв титул «народных». На политическую авансцену за короткий период выдвинулось новое движение, разнородное по своей структуре, но способное, скорее всего, к дальнейшему

утверждению в политической жизни страны, сходу выйдя на позиции третьей по представительству в бундестаге силы. Возросла роль малых традиционных партий, которые будут играть посредническую роль между крупными партиями, а также между ними и «Альтернативой для Германии». Малые партии (СвДП, «Союз-90/Зеленые»), которые ставили перед собой цель выйти на позицию третьей силы в бундестаге и не достигли ее, будут, скорее всего, оспаривать в парламенте роль «Альтернативы», которая де-факто становится основной оппозицией блоку ХДС/ХСС. Главным итогом выборов 2017 г., по оценке А. Меркель (и с этим нельзя не согласиться), является политическая поляризация и в бундестаге, и в стране в целом.

Новая конфигурация партийно-политической системы германского государства кардинально изменила условия формирования нового федерального правительства, что выразилось в частности в длительности его создания: только в марте 2018 г. оно получило законодательное оформление. Такой ситуации в послевоенной истории ФРГ еще не было. Поскольку ни одна партия не получила достаточное количество голосов для реализации права на создание правительства, его формирование оказалось возможным только на коалиционных началах.

В связи с отказом СДПГ возобновить с ХДС/ХСС коалицию, А. Меркель вынуждена была согласиться на формирование правительства на базе ХДС, ХСС, СвДП, «Союз-90/Зеленые». Этот вариант коалиционного правительства получил название «Ямайка» (по цветам партийных атрибутов участников, совпадающим с колористикой флага Ямайки) и в целом был воспринят в обществе позитивно. По инициативе журналов “Focus” и “Stern”, после выборов были проведены опросы населения с целью выявления предпочтений относительно политической конфигурации будущего правительства: снова в виде большой коалиции или коалиции в составе ХДС/ХСС, СвДП, «Зеленые», т. е. «Ямайки». По данным “Stern”, варианту «Ямайки» отдали предпочтение 57% опрошенных, большой коалиции – 26%⁹. По мнению большинства респондентов, если не удастся сформировать широкую коалицию, то лучше провести новые выборы, чем повторять коалицию крупных партий. Данные “Focus” не сильно отличаются от данных “Stern”: 49% – за вариант «Ямайка», 28% – за большую коалицию¹⁰. Но этот опрос интересен тем, что в нем была сделана попытка уточнить отношение граждан ФРГ к тем проблемам, по которым

⁹ Umfragen // Stern. 2017. № 41. P. 10.

¹⁰ Schneider R. Liebe Leserinnen, liebe Leser // Focus. 2017. № 41. P. 5.

у членов возможной коалиции имеются крупные расхождения. Так, например, ХСС настаивает на ограничении приема мигрантов, установив верхнюю планку в 200 тыс. в год, и с этим согласны 67% опрошенных¹¹. СвДП требует прекращения налога «Солидарность» (введен был для финансирования объединения двух Германий) уже в 2019 г., и с этим согласны 78% респондентов¹². «Зеленые» настаивают на закрытии тепловых электростанций, работающих на угле, и эту меру поддерживают 62% опрошенных¹³. По этим и ряду других вопросов, которые содержались в партийных программах «Ямайки» и на включении которых в общую правительственную программу настаивали члены возможной коалиции, предстояло найти компромисс.

Предварительные консультации по выработке коалиционного договора (было несколько раундов) закончились провалом: их участникам не удалось найти компромисс по многим вопросам (миграции, евростроительству, энергетике и ряду других). Представители СвДП вышли из договорного процесса. То же самое сделали и «Зеленые».

Реальностью стала угроза проведения новых выборов. Однако вряд ли они смогли бы внести кардинальные изменения в расстановку сил. Руководство ХДС во главе с А. Меркель стремилось уйти от повторных выборов, не допустить понижения позиций партии и ее лидера, подвергающегося довольно жесткой критике как внутри своей партии, так и со стороны ХСС.

В сложившейся ситуации инициатива по созданию коалиции перешла президенту страны, который вернулся к идее формирования правительства на базе ХДС/ХСС и СДПГ, т. е. снова большой коалиции. Будучи влиятельным деятелем Социал-демократической партии, он стал подталкивать ее руководство пересмотреть свой прежний отказ от коалиции с ХДС. Руководством СДПГ было принято решение о необходимости получения мандата от партийного съезда на коалицию. В результате ряда политических манипуляций он был получен (однако если в 2013 г. коалицию с ХДС одобрило 76% голосовавших, то теперь – лишь 66%¹⁴). Все это сопровождалось уходом со своего поста М. Шульца, совсем недавно

¹¹ Deutsche Stimmungslage: die Ergebnisse der großen FOCUS-Umfrage // Focus. 2017. № 41. P. 24.

¹² Deutsche Stimmungslage: die Ergebnisse der großen FOCUS-Umfrage // Focus. 2017. № 41. P. 25.

¹³ Deutsche Stimmungslage: die Ergebnisse der großen FOCUS-Umfrage // Focus. 2017. № 41. P. 26.

¹⁴ Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2018. № 54.

получившего 100% голосов на выборах председателя партии и кандидата в канцлеры, а также другими перестановками в руководстве СДПГ, что было расценено как сговор ее верхов и вряд ли будет способствовать единству партийных рядов.

В результате переговоров было создано коалиционное правительство. Руководство СДПГ, используя сложившуюся ситуацию, согласилось на возобновление коалиции только на определенных условиях. А. Меркель была вынуждена их принять, убеждая руководство своей партии и ХСС пойти на «болезненные компромиссы». Это касалось и уступки ключевой должности министра финансов представителю СДПГ, что вызвало в ХДС резкое недовольство. Создание коалиционного правительства отводило угрозу политического кризиса в стране. На заседании бундестага А. Меркель была утверждена в качестве канцлера. Однако результаты голосования наводят на мысль относительно устойчивости нового правительства. Суммарно большая коалиция располагает 399 мандатами. Но 35 депутатов, входящих в нее, не поддержали А. Меркель (голосование было тайным). Для назначения на должность канцлера она должна была получить 355 мандатов, за нее проголосовало 364 депутата. То есть превышение необходимой квоты составило всего девять голосов.

Этот и другие признаки указывают на отсутствие у правящей коалиции солидного запаса прочности, что подтвердилось и на выборах в земельный парламент Баварии в октябре 2018 г. На протяжении почти всего послевоенного времени доминирующие позиции в нем имел Христианско-социальный союз (ХСС). Итоги выборов показали резкое ослабление его влияния в Баварии. ХСС получил 37,2% голосов избирателей, что на 10,5% меньше, чем в сентябре 2013 г. Если раньше на втором месте была партия социал-демократов, то сейчас ее присутствие в земельном парламенте сократилось более чем вдвое. Партия передвинулась со второго на пятое место.

В повестке дня ЕС – преодоление кризиса общеευропейской идентичности

Взаимоотношения ФРГ и Евросоюза рассматриваются у нас обычно в политическом, экономическом, финансовом и миграционном аспектах. В меньшей степени обращается внимание на проблему национальной идентичности в условиях межгосударственной интеграции. Последняя предусматривает перенос определенной части государственных функций и полномочий на

наднациональный уровень. Объективно возникает противоречие между национально ориентированным общественным сознанием населения страны и наднациональным институтом. «Чтобы снять это противоречие, необходимы убедительные свидетельства того, что такое действие приносит очевидную пользу. Пока речь идет о компенсациях экономического порядка, искомым результатом достигается сравнительно быстро. Иное дело компенсация социального и политического свойства. Их передача воспринимается населением болезненней, поскольку выглядит как существенное ущемление национального суверенитета. Причем польза от такой передачи далеко не всегда очевидна. Неспособность учитывать это обстоятельство может спровоцировать (и уже провоцирует) мощный всплеск национального самосознания» [2 с. 66].

Политическая ситуация в ФРГ, как и в Евросоюзе в целом, является свидетельством этого сложного по своей природе противоречия. Она убедительно показывает, что правящим кругам Германии не удалось найти оптимального соотношения национальной и европейской идентичности. В своей политике ведущие партии ФРГ отдавали предпочтение формированию «европейской» идентичности, созданию наднациональной общности. И ХДС, и СДПГ позиционировали себя как европейские, а не национальные партии.

В целом же в результате внутривнутриполитических процессов в ряде стран Евросоюза и трансформации евроатлантических отношений возросла ценностная неопределенность ЕС. Формирование общих ценностей объединения поставлено под сомнение. Национальная идентичность остается основным фактором государственного развития и интеграции в рамках Евросоюза, чье руководство пытается найти баланс между этими процессами. Выступая в сентябре 2018 г. в Европарламенте, председатель Европейской комиссии Ж.-К. Юнкер прокламировал «просвещенный патриотизм» и осуждал «нездоровый национализм». Видимо, под этими лозунгами пройдет избирательная кампания в Европарламент (выборы состоятся в мае 2019 г.).

Литература

1. *Brinkbäumer K. Nachruf auf Amerika // S. Fischer Verlag GmbH. 2018. 521 p.*
2. *Европа XXI века: Новые вызовы и риски / Под ред. А.А. Громько, В.П. Федорова. СПб.: Нестор-История, 2017. 584 с.*

References

1. Brinkbäumer K. Nachruf auf Amerika. S. Fischer Verlag GmbH; 2018. 521 p.
2. Gromyko AA., Fedorov VP., eds. 21st century Europe. New challenges and risks. St. Petersburg: Nestor History Publ.; 2017. 584 p. [In Russ.]

Информация об авторе

Лев Н. Клепацкий, кандидат философских наук, доцент, Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1; kln@inbox.ru

Information about the author

Lev N. Klepatskii, Cand. of Sci. (Philosophy), associate professor, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostozhenka str., Moscow, 119021, Russia; kln@inbox.ru

Рост правого популизма в современной Европе (по оценкам европейских экспертов)

Юлия А. Мартинец

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, jmartinets1126@gmail.com*

Аннотация. В начале прошлого столетия у власти в европейских странах оказались левые и правые политические течения, что явилось реакцией общества на вызванные Первой мировой войной процессы. В XXI в. мы снова наблюдаем в Центральной Европе смещение политического маятника, в частности в правую сторону. Разнообразные кризисы (последствия расширения ЕС на восток, финансовый, экономический, миграционный, демографический кризисы, кризис идентичности граждан стран – членов ЕС), сотрясающие Европейский союз, привели к тому, что на политической арене появились и стали быстро завоевывать умы европейцев право-популистские партии. Путем демократических выборов в парламенты европейских государств прошли националистические силы, выступающие за ужесточение миграционной политики. Такие настроения общества до последнего времени не были характерны для Европы, пережившей ужасы Второй мировой войны.

В данной статье представлены результаты многофакторного анализа европейских процессов в контексте общемировых событий, в результате которых возросла поддержка правых популистов. Автор дает определение термина «популизм» и отделяет его правое крыло от левого, делает краткий экскурс в историю появления популистских партий на европейской политической сцене. В работе анализируются оценки европейских экспертов, рассматриваются причины того, что европейское общество сегодня поддерживает партии, которые раньше были вне политической игры и считались аутсайдерами, либо их вовсе не существовало. Среди таких причин выделяются и анализируются: глобализация, исламизация европейского общества, наступление эпохи постправды и фейков, эмоциональный дефицит европейцев и влияние общественного мнения, ускоренное развитие технологий, растущая демографическая проблема, вопрос о национальной идентичности.

Ключевые слова: внутренняя политика, правый популизм, Европейский союз, глобализация, миграционный кризис, «Евразия», политика постправды, глобальная экономика, демографический кризис, национальная идентичность, региональная идентичность

Для цитирования: Мартинец Ю.А. Рост правого популизма в современной Европе (по оценкам европейских экспертов) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 1. С. 123–138. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-1-123-138

The Growth of Right-Wing Populism in Modern Europe (According to the Estimates of European Experts)

Yuliya A. Martinets

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
jmartinets1126@gmail.com*

Abstract. At the beginning of the last century, left-wing and right-wing political movements came to power in the European countries; they were the reaction of the society to the processes caused by the First World War. In the XXI century we again observe a shift of the political pendulum in Central Europe, this time to the right-wing direction. The various crises (expansion to the East, financial, economic, migration, demographic crises, identity crisis of the Europeans – the citizens of the EU), shaking the European Union, have led to the emergence of right-wing populist parties on the political arena. Through democratic elections, nationalist forces supporting the tightening of migration policies have won some power in the European parliaments. Until recently, such moods have not been characteristic of Europe, which has experienced the horrors of the Second World War.

The article presents the results of the multifactorial analysis of the global and European processes, which resulted in an increased support for right-wing populists. The author defines the term “populism” and separates its right wing from the left wing, presents a brief excursus into the history of populist parties on the European political scene. Among the emphasized factors of rising right-wing populism there are globalization, Islamization of the European society, the advent of the post-truth politics era and fakes, the emotional deficit of Europeans and the influence of public opinion, the rapid development of technology, the growing demographic problem, and the issue of national identity.

Keywords: internal policy, right-wing populism, European Union, globalization, migration crisis, “Eurabia”, post-truth politics, global economy, demographic crisis, national identity, regional identity.

For citation: Martinets YuA. The Growth of Right-Wing Populism in Modern Europe (According to the Estimates of European Experts). *RSUH/RGGU Bulletin. Series “Political Science. History. International Relations”*. 2019;1:123-38. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-1-123-138

Популизм снова в моде [1].

М. Кокс

Введение

Как выглядит Европа будущего? Вопрос о европейской интеграции, сценариях и моделях ее развития витает в воздухе с момента образования Европейского сообщества, а затем союза.

Изначально Европейский союз возник как экономическое объединение шести стран (Франция, Италия, ФРГ, Бельгия, Нидерланды и Люксембург) и носил название Европейского объединения угля и стали, решение о создании которого было принято в 1950 г.¹ Однако постепенно формировались качественно новые образования – Европейское экономическое сообщество (1957 г.) и Евратом (1957 г.). Европейские страны развивались на основе этих трех объединений вплоть до 1992 г. – отправной точки современного Европейского союза, когда вступил в силу Маастрихтский договор, открывший путь для политической интеграции. Этот договор закрепил создание семи наднациональных европейских институтов² и ввел должность Верховного представителя Союза по иностранным делам и политике безопасности.

В качестве нового, более расширенного объединения ЕС развивался стремительно – увеличивалось количество стран-участниц; росла степень их интегрированности в связи с осуществлением идеи расширения и углубления интеграционных процессов; свободный рынок и финансовая поддержка из центра позволили улучшить экономическое положение в ряде стран с низким уровнем ВВП. Кроме того, на сегодняшний момент Европейский союз является полноправным участником международной политики, глобальным центром силы современного миропорядка, поскольку оказывает непосредственное влияние на развитие событий в мире.

Но все ли так оптимистично сейчас в этом уникальном европейском проекте? Мы наблюдаем за тем, как растет евроскептицизм и националистические настроения в ряде стран-членов ЕС, на политическую арену путем выбора значительной части граждан выходят политики правого толка, меняется политический ландшафт Европейского союза в целом. Надо полагать, что в современных реалиях

¹Парижский договор о создании Европейского объединения угля и стали. Подписан 18 апреля 1951 г. Вступил в силу 23 июля 1952 г.

²Совет ЕС, Совет министров, Европейский парламент, Европейская комиссия, Суд ЕС, Европейская счетная палата и Европейский центральный банк.

изучение правого популизма в ЕС является актуальным как в теоретическом, так и в практическом плане. Оно позволяет понять, с чем связано такое развитие событий и к чему это может привести.

Статья направлена на изучение право-популистского течения в Европейском союзе. Цель работы – проследить эволюцию этого движения в 2014–2018 гг. и причины его роста. Автор дает краткую историческую справку о появлении первых правых популистов в ряде европейских стран, рассматривает коммуникативные, функциональные и инструментальные факторы, влияющие на рост правых движений, предлагает прогноз их дальнейшего развития в ЕС.

Исследователи европейских аналитических центров активно занимаются проблемой правого популизма на европейской политической сцене с 2014 г. Их интерес был вызван голосованием в Европейский парламент, по результатам которого правые популисты укрепили свои позиции. Существующие работы можно разделить по тематическим блокам.

Осмысление понятия «популизм» представлено в трудах таких политологов-международников, как М. Кокс [1], М. Вэхтер [2], Ю. Кляйн [3], М. Заксер [4], А. Вендт [5] и Э. Эрикссон [6]. Они определяют популизм как болезнь и угрозу демократии, массовую патологию, основанную на противопоставлении общества политическим элитам.

Существует значительный круг литературы, в которой анализируется влияние глобализации на настроения европейских сообществ и их предпочтения. В работах А. Криссогелоса [7], Т. Рэйнса, М. Гудвина, Д. Каттса [8] рассматривается зависимость международных решений от общественного мнения основных государств-игроков, а в работах Х. Бёрместера [9] и аналитиков *Chatham House* [10, 11], наоборот, – острая реакция меньшинств на унификацию мира, к которой привела глобализация.

Ряд исследователей-международников изучают последствия миграционной политики ЕС в отношении беженцев. Европейский союз – это одно из основных направлений потоков мигрантов с Ближнего Востока и из Африки на протяжении нескольких десятков лет. Но события в Сирии вызвали неконтролируемый въезд беженцев на территории европейских стран, что усугубило кризис в ЕС. Самое большое количество беженцев Европа приняла в 2015 г. Именно тогда правительства оказались бессильны перед сложившейся ситуацией³.

³Новогодние нападения беженцев на женщин в Кёльне в канун наступления 2016 г. Въезд соискателя политического убежища из Туниса в толпу людей на украденном грузовике на рождественской ярмарке в Берлине в 2016 г.

Это не могло не отразиться на настроениях общества – усугубились националистические настроения, граждане ЕС вышли на улицы с лозунгами против мигрантов. Об этом пишут Т. де Борчгрэйв [12] и М. Гудвин [13].

Пласт работ посвящен анализу влияния политики постправды, фейков и вбросов на западное (европейское и американское) общество. Опираясь на опыт Соединенных Штатов Америки, Л. Пробст [14], Ф. Хартлеб [15] и И. Крастев [16] рассматривают ситуацию в Европейском союзе.

Значительно увеличивается количество исследований, в которых основным вопросом является кризис социокультурной общности европейцев. Сегодня граждане стран – членов ЕС задаются вопросом: «Кто мы – европейцы или немцы / французы / итальянцы?» В правовом поле национальные законодательства уже не играют прежней роли, ведь они должны учитывать общеевропейские законы и рекомендации, которые, в свою очередь, не должны противоречить международному праву. Проблеме самоидентификации европейцев посвящены работы У. Фреверта [17], Ю. Кляйн и Ф. Текина [18]. Исследователи используют прежде всего конструктивистский метод анализа, который основан на взаимных реконструкциях и противопоставлении образа «Я» образу «Другого». Понятие идентичности описывает «нечто столь широкое и, на первый взгляд, самоочевидное, что, казалось бы, настаивать на точном определении означает придирааться; в то же время иногда оно применяется столь узко, что общий смысл термина теряется и с таким же успехом можно было бы использовать какой-нибудь другой» [6 с. 24]. В данной статье понятие «идентичность» используется в значении национальной самобытности, а именно в рамках проблемы столкновения и конфликта национальной основы и формирующейся западноевропейской психофизиологической целостности.

На наш взгляд, проблема правого популизма в Европейском союзе комплексно не вполне изучена. Исследователи аналитических центров Европы рассматривают причины его роста, останавливаясь на отдельных моментах – глобализации, миграционном, демографическом, ценностном, финансовом и экономическом кризисах, фейковых новостях, ускоренном развитии технологий и, наконец, кризисе идентичности. Кроме того, в большинстве работ слабо прослеживается комплексный анализ популистских партий ЕС. В основном исследуется конкретный пример в отдельно взятой стране вне рамок сравнения его с другими движениями схожего политического толка. В этом смысле изучение право-популистского движения в Европейском союзе в целом представляется актуальной задачей.

Определение понятия «популизм»

Прежде чем говорить о факторах роста правого популизма в современной Европе, необходимо определить сам термин «популизм» и отличить правый популизм от левого.

В широком смысле популизм – это политика, апеллирующая к широким массам и обещающая им скорое и легкое решение острых социальных проблем⁴. Отличить левый популизм от правого сегодня крайне сложно, так как в их лозунгах присутствуют общие черты – представление интересов простых граждан, которые не учитываются политическими элитами. И все же разница между правым и левым популизмом принципиальная. Первые⁵ выступают против политической элиты, в их лозунгах присутствует национализм. По их мнению, экономические проблемы появляются из-за дешевой рабочей силы (иммигрантов), которые занимают рабочие места граждан и тем самым порождают безработицу. Левые популисты⁶ критикуют экономическую элиту, а не политическую. В частности, они выступают против неолиберального капитализма и политики жесткой экономии. Их главная цель – повышение налогов для богатых, увеличение социальных выплат, сокращение неравенства в обществе.

Идеологическая сущность правого популизма заключается в том, что воля народа противопоставляется «безнравственной, коррумпированной и парализованной элите», и в обществе появляется требование на монополию представления реальных чувств и интересов «совершенного и однородного народа». Являясь «болезнью демократии, вызванной ее собственными несовершенствами, ее незавершенностью, ее неоправданными надеждами» [2], популизм представляет собой политику идентичности, выступающую против плюрализма. Эта политика основана на символической риторике «мы внизу против тех, кто наверху», «мы против тех, кто снаружи» или «мы против других». Формируется общее чувство «нас» – коллективное «Я» («Мы») против «Других», которое объединяет народ. В центре находится вопрос, кто принадлежит к *нам*, то есть к народу, а кто – нет, кто может участвовать в политике и демократической борьбе за власть, а кто – нет. Именно миграционный кризис,

⁴Популизм [Электронный ресурс] // Толковый словарь Ожегова. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/173710> (дата обращения 29 окт. 2018).

⁵«Национальное объединение» Марин Ле Пен, «Шведские демократы», а также Лига Севера и Движение «Пять звезд» в Италии.

⁶«Непокоренная Франция», испанская «Подemos».

наряду с беспрецедентным расширением ЕС, породили разделение общества на «Мы» и «Они», дали импульс для лозунгов популистов [3 с. 290–291, 4]. Однако то, чем апеллируют популисты, и то, что они предлагают, распространяется не только на миграционную политику, но и на другие сферы жизни.

Историческая справка

Сегодня популисты смогли занять свою нишу на политической арене, однако ряд исследователей обращает внимание на то, что право-популистские партии уже давно являются частью существующей системы, которую они критикуют [12]. Применяя историко-генетический метод в изучении данного явления, Л. Пробст [14], Т. Рэйнс, М. Гудвин, и Д. Каттс [8 с. 7] демонстрируют читателю возраст популизма.

Правый популизм можно легко идентифицировать в европейском пространстве после Первой мировой войны в движениях фашизма и национал-социализма. Именно кризис сознания и массовая «патология идентичности» [6 с. 27] стала первой фазой того политического цикла, который привел затем к установлению жестких моделей социума и ко Второй мировой войне. Здесь как раз и просматривается «разветвление» европейского популизма на левый и правый в условиях кризиса сознания и всех структур общества после Великой войны.

Появление первых популистских партий в послевоенный период приходится на 70-е гг. XX в. В 1973 г. Партия прогресса, выступавшая против роста налогов, заняла второе место на парламентских выборах в Дании. После этого популисты появились и в других странах Европы. Однако они не оказывали сильного влияния на политический ландшафт вплоть до 1990-х гг., и лишь на рубеже веков им удалось получить реальную власть. Примерами тому служат коалиция Христианских демократов и Австрийской партии свободы, сформировавшаяся в 2001 г., и вхождение в правительство Дании в 2002 г. «Списка Пима Фортейна». Такому раскладу сил на политической арене европейских государств способствовал распад СССР и социалистического блока. Именно в 1990-е гг. в страны Западной Европы хлынул поток мигрантов из Восточной Европы в поисках лучшей доли, что отрицательно сказалось на жизни европейцев. Так постепенно популистские партии получили реальное влияние на политическую повестку и правительственную политику в Европе [14]. Показательно, что количество голосов, которые правые популисты набирали при голосовании на нацио-

нальном и европейском уровнях, с 1960-х гг. увеличилось в более чем два раза – с 5,1 до 13,2%, в то время как количество занимаемых ими мест в парламентах утроилось [8 с. 7].

Причины поддержки правых популистов европейцами

Большинство аналитиков [1, 2, 7, 9–11, 13, 15–17] европейских мозговых центров применяют системный подход вместе с методом многофакторного анализа и ивент-анализа для того, чтобы выявить причины роста поддержки популистских лозунгов среди населения Европейского союза. Они указывают на следующие факторы.

1. Глобализация и беспрецедентное расширение единой Европы. Коренной перелом в развитии технологий позволил общественности полностью изменить свое понимание политики [16]. Во-первых, общество стало еще более политизированным, чем ранее. Сегодня не интересуется политикой, может быть, только ленивый. Во-вторых, в условиях глобализации результаты выборов одной страны непосредственно влияют на международные процессы в целом, поэтому для сохранения стабильности в мире политикам в странах либеральной демократии, основанной на конкурентной системе выборов, приходится гораздо внимательнее прислушиваться к мнению своего электората [7]. Однако, несмотря на это, разделение между политическими элитами и обществом огромно. Чиновники и народ по-разному воспринимают европейскую солидарность, европейскую демократию и чувство формирующейся западно-европейской идентичности; от европейской интеграции выиграли в основном элиты. Это привело к недовольству и разочарованию населения политикой, проводимой европейскими элитами. Недоверие общественности к политической верхушке открывает пространство для создания новых течений и партий, которые играют на массовых настроениях – они чутко улавливают требования электората и основывают свои программы на общественном запросе [11]. Это создает сложности для партий, находящихся у власти.

2. «Евразия» – исламизация европейского общества. После террористических атак 11 сентября 2001 г. в Соединенных Штатах Америки все слои европейского общества заговорили об опасности с Востока. Тогда еще не существовало ни «Исламского государства» (запрещенного в России), ни миграционного кризиса, а угроза международного терроризма для Европы не была столь очевидной. Когда же в 2015–2017 гг. Европа столкнулась с террористическими атаками, оказалось, что власть в европейских

странах осуществляет недостаточно продуманную политику, чтобы дать отпор террористам. По заявлению лидера крайне правой голландской Партии свободы Г. Вилдерса, элиты и католическая церковь, наоборот, продолжили политику мультикультурализма и политкорректности, которая заключается в принятии всех культур в европейское общество [13]. Однако это всего лишь популизм. Политические элиты стран – членов ЕС (А. Меркель, Д. Кэмерон и Н. Саркози) еще в 2010–2011 гг. выступили с громкими заявлениями о провале политики мультикультурализма⁷. Последствия стремлений построить общество разных культур вселяют в европейцев страх потери национальной и региональной идентичности. Граждане стран ЕС объединяются для борьбы за сохранение культурных и этнических особенностей. Слышны разговоры о том, что сильные, устойчивые исламские порядки представляют угрозу европейским ценностям, в то время как политические элиты не предпринимают шагов против превращения Европы в «Евразию». Используя социокультурный конструктивистский метод, Ю. Кляйн и Ф. Текин приходят к выводу, что в таких условиях складывается общество, для которого образ врага основан на манихейском, черно-белом, видении мира – отрицательные, непонятные и не «другие», а однозначно «чужие» против положительных «знакомых», «своих» [18]. В результате европейцы принимают борьбу против исламизации на себя, объединяясь в праворадикальные группировки, которые нацелены на создание культурной безопасности, сохранение европейских ценностей и европейского образа жизни [13].

3. *Влияние политики постправды (post-truth politics)*. Термин «постправда» имеет долгую историю, его описание мы находим в диалоге «Государство» Платона. По существу, феномен постправды сводится к определению того, что истинно, а что ложно; какую информацию необходимо подать людям, чтобы было легче ими управлять. Эта информация может резко меняться в зависимости от внутри- и внешнеполитической ситуации и того, как тот или иной факт выгоднее преподнести обществу. Но, как известно, «полуправда опаснее лжи; ложь легче распознать, чем полуправду, которая обычно маскируется, чтобы обманывать вдвойне»⁸. Однако

⁷Рутвен М. Как Европа разуверилась в мультикультурализме [Электронный ресурс] // ИноСМИ. URL: <https://inosmi.ru/politic/20170825/240111114.html> (дата обращения 11 янв. 2019)

⁸Афоризмы политических и общественных деятелей всех времен и народов [Электронный ресурс] // GoogleBooks. URL: <https://books.google.de/books?id=jvSNDwAAQBAJ&pg=PT552&lpg=PT552&dq=полуправда+>

с появлением Интернета управлять подаваемой информацией стало сложнее. Сегодня пользователи находятся в бесконечных новостных потоках, им приходится самостоятельно отделять правду ото лжи в зависимости от своего мировоззрения. Большинство статей в Интернете не имеют фактологической опоры, они нацелены скорее на пробуждение определенных чувств граждан и их личные убеждения, а не на передачу объективной информации. Поэтому сегодня факты отодвигаются на задний план, на их место приходят эмоциональные новости. Это приводит к тому, что пользователи социальных сетей объединяются в группы единомышленников, которые не принимают альтернативной точки зрения. Они верят в свою правду, в свои fakenews, даже если факты говорят об обратном [2, 17]. А популисты манипулируют людьми, говоря то, что от них хотят услышать.

4. *«Эмоциональный дефицит» европейцев.* У. Фреверт, эксперт по истории эмоций, утверждает, что сегодня Европейский союз воспринимается как само собой разумеющееся образование. Его граждане забыли о европейских войнах (Наполеоновские войны, война Австрии и Пруссии против Дании, Тридцатидневная война, Франко-прусская война) и причинах, которые в 1950-е гг. прошлого столетия подтолкнули правительства на создание «европейского миропорядка». Те, кто сегодня выступает с критикой ЕС, используют эмоциональные лозунги, тем самым заманивая европейцев, изголодавшихся по мобилизационным эмоциям и настроениям победителей. В частности, этим успешно пользуются популисты. Они придают политике эмоциональное содержание – хватаются за те темы, которые волнуют обычного гражданина и выдают их за настроения всего общества, подчеркивая тем самым масштабность поддержки своих идей [17].

5. *Влияние общественного мнения.* Большая часть населения планеты интересуется глобальными проблемами и проблемами отдельных государств. Люди по всему миру выходят на демонстрации протеста или поддержки того или иного политического решения, принятого международным сообществом⁹. Обществом движет страх того, что глобализация лишает их законного выбора, ведь соглашения, принятые на международном уровне, имеют большую юридическую силу, чем национальное законодательство [7].

опаснее+лжи;+ложь+легче+распознать,+чем+полуправду,+которая+обычно+маскируется,+чтобы+обманывать+вдвойне (дата обращения 11 янв. 2019)

⁹В качестве примера можно привести многотысячный протест в Берлине против заключения соглашения о свободной торговле и инвестиционном партнерстве между США и ЕС в 2015 г.

6. *Противоречивая глобальная экономика.* Иностраннные инвестиции позволяют государству создать конкуренцию на внутреннем рынке, а инвесторам – получить прибыль для дальнейшего развития. Этот процесс стимулирует государственную экономику. Однако существуют и отрицательные последствия – иностранные инвесторы монополизируют сегменты рынка и вытесняют с него местных производителей, что приводит к волнениям среди предпринимателей, среднего класса. Кроме того, существует растущая разница в доходах между теми, кто регулирует мировые потоки товаров, услуг и финансов, и теми, кто является объектами глобализации (офисные работники международных компаний, официанты, таксисты и т. д.). Вместе с монополизацией рынка происходит и развитие технологий. Бесспорным является то, что именно технологии позволяют сделать дорогие товары дешевле. Однако технологическое вмешательство меняет принципы работы производства – вместо обычной рабочей силы необходимы высококвалифицированные специалисты, сокращаются рабочие места, людей постепенно заменяют роботы [10].

7. *Растущая демографическая проблема.* По всему западному миру, и особенно в Европе, наблюдается старение населения. Пожилое общество препятствует экономическому росту, так как оно, за небольшими исключениями, ничего не производит, лишь потребляет. Кроме того, пенсионерам необходимо выплачивать пенсии, обеспечивать их медицинской страховкой и другими социальными выплатами [10]. Все эти расходы ложатся на молодое поколение, которое легко поддается новым политическим течениям и оказывает непосредственное влияние на будущее своей страны. Возникают волнения в обществе, навеянные лозунгами и конкретными действиями популистов.

8. *Болезненная проблема национальной идентичности.* Этнические меньшинства активно пытаются сохранить то, что их отличает от других людей. Это порождает желание создать собственное государство (например, попытки Каталонии отделиться от Испании, Шотландии – от Великобритании или севера Италии – от остальной части страны). Сегодня появилась новая, беспрецедентная, тенденция – стремление отделиться от ЕС и получить полную экономическую и политическую независимость (начавшийся процесс Brexit – выхода Великобритании из ЕС). В результате рождается конфликт, который порой приводит к силовому противостоянию, в то время как глобализация нацелена на создание сообщества разных наций, а не на фрагментацию [11]. В арсенале средств популистских движений – выступление против плюрализма и либеральной демократии. Они предлагают выход из ЕС и создание «диктатуры

(мнимого) большинства» [9]. Однако защита прав национальных меньшинств, так же как и сочувствие и человечность по отношению к тем, кто в этом остро нуждается, в их задачи не входит.

Заключение

Таким образом, эксперты-аналитики европейских мозговых центров определяют феномен правого популизма как явление системное, последовательное. Оно появилось в результате кризиса социально-европейской политической системы, основанной на демократических принципах. Главным катализатором роста право-популистских настроений, по их мнению, являются миграционный, технологический и демографический вызовы. Особую роль играет фактор глобализации, в результате которого средний класс теряет рабочие места, а в европейском обществе растворяется традиционная национальная идентичность.

Вместе с внешними процессами на развитие правых идей в европейском обществе оказывают влияние и внутренние предпосылки. В частности, росту право-популистских настроений способствовали коммуникативные, функциональные и инструментальные факторы. К коммуникативным средствам можно отнести антииммигрантскую риторику политических лидеров право-популистских сил, чему в последнее время активно противостоят представители христианских общин, начиная с папы Франциска; противопоставление ими элиты народу и ассоциирование право-популистских движений с народом. К функциональным факторам относятся последствия финансового и экономического кризисов, миграционный всплеск, отрицательное влияние глобализации на жизнь среднего класса. В качестве инструментального фактора выделяется такое сложное, противоречивое явление, как национализм. Именно благодаря кризису региональной идентичности западноевропейского общества, неудачам социокультурной самоидентификации востока Европы националистические лозунги правых популистов привлекают электорат.

Если говорить о прогнозировании дальнейшего развития право-популистских движений в ЕС, то, на наш взгляд, основные идеи популистов относительно важнейших общественных проблем будут услышаны правящими партиями. В длительной перспективе это может привести к постепенному реформированию сложившихся систем. Однако в ближайшее время поддержка правых популистов в европейском обществе не снизится, а наоборот, будет лишь расти.

Популистские партии, занявшие места в парламентах и правительствах ряда европейских стран и в Европейском парламенте, будут оказывать непосредственное влияние на решения правительств. Однако, учитывая систему сдержек и противовесов, с течением времени это может дать положительные результаты. Политические системы основных европейских игроков в целом устойчивы, и право-популистские партии, в случае, если им будет противопоставлен взвешенный социально-политический курс действующих правительств, вряд ли смогут стать там главными движущими силами дальнейшего развития стран.

Литература

1. *Cox M.* Lurching to the right [Электронный ресурс] // Chatham House. The World Today. 2016/2017. Dec. & Jan. URL: <https://www.chathamhouse.org/publications/twt/lurching-right> (дата обращения 12 мая 2018).
2. *Waechter M.* Looking Beyond Populism: Identity Politics in the European Union [Электронный ресурс] // Institut für Europäische Politik. URL: <http://trulies-europe.de/?p=1208> (дата обращения 29 окт. 2018).
3. *Klein J.* Europaropulismus – ein genuines Phänomen im europäischen Krisenkontext? [Электронный ресурс] // Integration (4). Baden-Baden, 2016. P. 283–303. URL: http://iep-berlin.de/wp-content/uploads/2017/03/Julia-Klein-Europaropulismus-2016_4_Integration.pdf (дата обращения 29 окт. 2018).
4. *Saxer M.* How can we defend Europe from the onslaught of right wing populism [Электронный ресурс] // Institut für Europäische Politik. URL: <http://trulies-europe.de/?p=427> (дата обращения 29 окт. 2018).
5. *Wendt A.* The Agent-Structure Problem in International Relations Theory // International Organization. 1987. № 41/3. P. 335–370.
6. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис // Общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. М.: Прогресс, 1996.
7. *Chrysogelos A.* Elections Are the New Battleground of International Politics [Электронный ресурс] // Chatham House. 2017. Apr. 21. URL: <https://www.chathamhouse.org/expert/comment/elections-are-new-battleground-international-politics> (дата обращения 29 окт. 2018).
8. *Raines T., Goodwin M., Cutts D.* The Future of Europe. Comparing Public and Elite Attitudes [Электронный ресурс] // Chatham House. 2017. June 20. URL: <https://www.chathamhouse.org/publication/future-europe-comparing-public-and-elite-attitudes> (дата обращения 29 окт. 2018).
9. *Burmester H.* Wir können von den Populisten lernen [Электронный ресурс] // Institut für Europäische Politik. URL: <http://trulies-europe.de/?p=394> (дата обращения 29 окт. 2018).

10. Overcoming the Risks and Contradictions of Globalization [Электронный ресурс] // Chatham House. URL: <https://www.chathamhouse.org/london-conference-2015/background-papers/overcoming-risks-and-contradictions-globalization> (дата обращения 29 окт. 2018).
11. Session Three: Policy-Making in a Fragmented World [Электронный ресурс] // Chatham House. URL: <https://www.chathamhouse.org/london-conference/2015/session-three-policy-making-fragmented-world> (дата обращения 29 окт. 2018).
12. *de Borchgrave T.* Turkey's literary guerrilla [Электронный ресурс] // Chatham House. *The World Today*. 2017. Aug. & Sept. URL: <https://www.chathamhouse.org/publications/twt/turkey-s-literary-guerrilla> (дата обращения 29 окт. 2018).
13. *Goodwin M.* Paris Attacks: Liberals Must Fight the Far Right, or They'll Win [Электронный ресурс] // Chatham House. 2015. Nov. 16. URL: <https://www.chathamhouse.org/expert/comment/paris-attacks-liberals-must-fight-far-right-or-they-ll-win> (дата обращения 29 окт. 2018).
14. *Probst L.* After Trump's Success: A Convergence of the Populist Challenge [Электронный ресурс] // Institut für Europäische Politik. URL: <http://trulies-europe.de/?p=618> (дата обращения 29 окт. 2018).
15. *Hartleb F.* Trumpetisierung europäischer Politik? Ein pessimistischer Ausblick auf 2017 [Электронный ресурс] // Institut für Europäische Politik. URL: <http://trulies-europe.de/?p=668> (дата обращения 29 окт. 2018).
16. *Krastev I.* Victory for liberalism thanks to Trump [Электронный ресурс] // Chatham House. *The World Today*. 2017. June & July. URL: <https://www.chathamhouse.org/publications/twt/victory-liberalism-thanks-trump> (дата обращения 29 окт. 2018).
17. *Frevert U.* Zu unserem Glück vereint? [Электронный ресурс] // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2016. 16. Nov. URL: <http://www.faz.net/aktuell/politik/zerfaellt-europa/zerfaellt-europa-18-zu-unserem-glueck-vereint-14494485.html> (дата обращения 29 окт. 2018).
18. *Klein J., Tekin F.* Zeit für die Dekonstruktion von Vorurteilen und Feindbildern zu Europa [Электронный ресурс] // Institut für Europäische Politik. URL: <http://trulies-europe.de/?p=93> (дата обращения 29 окт. 2018).

References

1. Cox M. Lurching to the right [Internet]. *Chatham House. The World Today*. 2016/2017. Dec. & Jan. (data obrashcheniya 12 May 2018). URL: <https://www.chathamhouse.org/publications/twt/lurching-right>
2. Waechter M. Looking Beyond Populism: Identity Politics in The European Union [Internet]. *Institut für Europäische Politik* (data obrashcheniya 29 Oct. 2018). URL: <http://trulies-europe.de/?p=1208>
3. Klein J. Europapopulismus – ein genuines Phänomen im europäischen Krisenkontext? [Internet] *Integration (4)*. Baden-Baden; 2016. P. 283-303

- (data obrashcheniya 29 Oct. 2018). URL: http://iep-berlin.de/wp-content/uploads/2017/03/Julia-Klein-Europapopulismus-2016_4_Integration.pdf
4. Saxer M. How can we defend Europe from the onslaught of right wing populism [Internet]. *Institut für Europäische Politik* (data obrashcheniya 29 Oct. 2018). URL: <http://trulies-europe.de/?p=427>
 5. Wendt A. The Agent-Structure Problem in International Relations Theory. *International Organization*. 1987;41(3):335-370.
 6. Ericson E. Identity: Youth and Crises. General ed. and foreword Tolstykh A.V. Moscow: Progress; 1996. [In Russ.]
 7. Chrysogelos A. Elections Are the New Battleground of International Politics [Internet]. *Chatham House*. 2017. Apr. 21 (data obrashcheniya 29 Oct. 2018). URL: <https://www.chathamhouse.org/expert/comment/elections-are-new-battleground-international-politics>
 8. Raines T., Goodwin M., Cutts D. The Future of Europe. Comparing Public and Elite Attitudes [Internet]. *Chatham House*. 2017. June 20 (data obrashcheniya 29 Oct. 2018). URL: <https://www.chathamhouse.org/publication/future-europe-comparing-public-and-elite-attitudes>
 9. Burmester H. Wirkönnen von den Populistenlernen [Internet]. *Institut für Europäische Politik* (data obrashcheniya 29 Oct. 2018). URL: <http://trulies-europe.de/?p=394>
 10. Overcoming the Risks and Contradictions of Globalization [Internet]. *Chatham House* (data obrashcheniya 29 Oct. 2018). URL: <https://www.chathamhouse.org/london-conference-2015/background-papers/overcoming-risks-and-contradictions-globalization>
 11. Session Three: Policy-Making in a Fragmented World [Internet]. *Chatham House* (data obrashcheniya 29 Oct. 2018). URL: <https://www.chathamhouse.org/london-conference/2015/session-three-policy-making-fragmented-world>
 12. de Borchgrave T. Turkey's literary guerrilla [Internet]. *Chatham House. The World Today*. 2017. Aug. & Sept. (data obrashcheniya 29 Oct. 2018). URL: <https://www.chathamhouse.org/publications/twt/turkey-s-literary-guerrilla>
 13. Goodwin M. Paris Attacks: Liberals Must Fight the Far Right, or They'll Win [Internet]. *Chatham House*. 2015. Nov. 16. (data obrashcheniya 29 Oct. 2018). URL: <https://www.chathamhouse.org/expert/comment/paris-attacks-liberals-must-fight-far-right-or-they-ll-win>
 14. Probst L. After Trump's Success: A Convergence of the Populist Challenge [Internet]. *Institut für Europäische Politik* (data obrashcheniya 29 Oct. 2018). URL: <http://trulies-europe.de/?p=618>
 15. Hartleb F. Trumpetisierung europäischer Politik? Ein pessimistischer Ausblick auf 2017 [Internet]. *Institut für Europäische Politik* (data obrashcheniya 29 Oct. 2018). URL: <http://trulies-europe.de/?p=668>
 16. Krastev I. Victory for liberalism thanks to Trump [Internet]. *Chatham House. The World Today*. 2017. June & July (data obrashcheniya 29 Oct. 2018). URL: <https://www.chathamhouse.org/publications/twt/victory-liberalism-thanks-trump>

17. Frevert U. Zu unserem Glück vereint? [Internet] *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 2016. 16. Nov. (data obrashcheniya 29 Oct. 2018). URL: <http://www.faz.net/aktuell/politik/zerfaellt-europa/zerfaellt-europa-18-zu-unserem-glueck-vereint-14494485.html>
18. Klein J., Tekin F. Zeit für die Dekonstruktion von Vorurteilen und Feindbildern zu Europa [Internet]. *Institut für Europäische Politik* (data obrashcheniya 29 Oct. 2018). URL: <http://trulies-europe.de/?p=93>

Информация об авторе

Юлия А. Мартинец, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; jmartinets1126@gmail.com

Information about the author

Yuliya A. Martinets, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; jmartinets1126@gmail.com

Модели описания Великой Отечественной войны в прессе Республики Молдова

Ирина С. Душакова

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия,
dusacova@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена анализу дискурсов, посвященных Великой Отечественной / Второй мировой войне, в трех газетах Республики Молдова. Автор выявляет, какие тактики и стратегии используются в ее медийном поле в политической борьбе за историческую память, касающуюся тех периодов, придание значения которым влияет на современный (гео)политический выбор страны. Так, анализируемое русскоязычное издание апеллирует к теме объединенных героических усилий народов бывшего СССР и маркирует Молдову как дружественную России страну, подчеркивает ее включенность в постсоветское пространство. Исследуемые же румыноязычные издания включают Молдову в число восточноевропейских стран, пострадавших от тоталитарных коммунистических режимов. При этом 9 мая используется как ресурс для того, чтобы подчеркнуть актуальность проблемы взаимодействия с наследниками тоталитарных режимов, поскольку эта дата оказывается не Днем Европы, а днем победы русских. Однако, несмотря на представление позиций, конкурирующих друг с другом и зачастую дающих противоположную оценку истории, издания прибегают к одним и тем же стратегиям репрезентации прошлого Республики Молдова.

Ключевые слова: историческая память, дискурсивная борьба, Великая Отечественная война, День победы, День Европы, геополитический выбор

Для цитирования: Душакова И.С. Модели описания Великой Отечественной войны в прессе Республики Молдова // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 1. С. 139–150. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-1-139-150

Descriptive Models of Great Patriotic War in the Printed Media of the Republic of Moldova

Irina S. Dushakova

RUDN University, Moscow, Russia, dusacova@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of discourses about the Great Patriotic / World War II in three newspapers published in the Republic of Moldova. Through this analysis we consider which tactics and strategies are used in the media space of Moldova in the struggle for historical memory in relation to those periods, the importance of which affects the current (geo) political choice of the country. Thus, the analyzed Russian-language publications devoted to the Great Patriotic War appeal to the theme of the joint heroic efforts of the peoples of the former USSR and marks Moldova as a friendly country to Russia, emphasizes Moldova's involvement in the post-Soviet space. The analyzed Romanian-language publications include Moldova in the list of Eastern European countries affected by totalitarian communist regimes. At the same time, May 9 is used as a resource to emphasize the urgency of the problem of interaction with the heirs of totalitarian regimes, since May 9 is not Europe's Day, but Russian Victory Day. However, despite the presentation of positions that compete with each other and often give the opposite assessment of history, the publications use the same strategies of depiction of the past of the Republic of Moldova.

Keywords: historical memory, discursive fight, Great Patriotic War, Victory Day, Europe's day, geopolitical choice

For citation: Dushakova IS. Descriptive Models of Great Patriotic War in the Printed Media of the Republic of Moldova. *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series.* 2019;1:139-50. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-1-139-150

Введение

В данной статье проводится анализ борьбы дискурсов в газетах Республики Молдова (РМ) за право на описание Великой Отечественной / Второй мировой войны и 9 мая как одного из центральных ее событий. Эта дата, по одной из конкурирующих версий, представляет собой важную позитивную отметку в истории Молдовы – День победы в Великой Отечественной войне (ВОВ). По второй версии, 9 мая – отнятый праздник Дня Европы, вместо которого страна отмечает победу армии оккупантов.

Анализ дискурсивной борьбы в медийном пространстве дает представление о позиции издательств и не обязательно совпадает с представлениями других членов сообщества, включая и аудиторию изданий. При этом мы предполагаем, что в идеологической борьбе медийные площадки оказываются именно тем значимым полем, на котором, во многом, ведется борьба за право установить доминирующие интерпретации, которые бы представлялись как отражающие представления и интересы всего анализируемого сообщества. Вместе с тем анализ присвоения значений историческим датам на некоторой временной дистанции именно на основе СМИ кажется оправданным и по другим причинам: «после того как коммуникативная память целиком переходит в память культурную, именно СМИ становятся необходимой опорой для сохранения памяти» [1 с. 270].

Этот анализ мы проводим, опираясь на теорию дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф, согласно которой «дискурс формирует социальный мир с помощью значений. А из-за изменчивости языка значение никогда не может быть постоянным. Ни один дискурс не является замкнутым и завершенным: скорее, он постоянно изменяется в процессе контакта с другими дискурсами» [2, с. 26]. Данная теория может переводиться в практический инструментарий разными способами. Для нас при написании этой статьи важнейшую роль, настраивающую исследовательскую оптику, играет идея Э. Лаклау, выраженная им статье «Демократия и вопрос власти», где он отмечает, что демократическая традиция определяется важной двойственностью: с одной стороны, демократия изначально была попыткой организовать политическое пространство вокруг универсальности сообщества, без иерархии и разделений, с другой стороны, она зарождалась как экспансия логики равенства во все возрастающем спектре сфер социальных отношений [3 р. 4]. Преодоление разрыва между требованием универсальности и равной возможности репрезентации своих интересов зачастую выливается в борьбу за гегемонию репрезентации групповых интересов как интересов универсальных [3 р. 6]. Статья посвящена этой борьбе интересов, которую мы отслеживаем, опираясь на узловые точки дискурса выбранных изданий [2 с. 56–62].

Анализируемый материал

Для данного кейс-стади были выбраны три издания – одно русскоязычное (газета «Русское слово») и два румыноязычных (газеты “Literatura si Arta” и “Contrafort”) в период с 2010 по 2018 г.

«Русское слово» издается с 1993 г. и сегодня позиционируется как «единственная в стране газета, освещающая многие грани жизни российских соотечественников в Молдове»¹.

“Literatura si Arta” – печатный орган Союза писателей РМ, выходит с середины 1950-х гг. Первым выпустила номер на латинской графике за три месяца до принятия соответствующего закона, была одной из площадок Национального освободительного движения во второй половине 1980-х гг. и до весны 2018 г. поддерживала националистический дискурс. Ежемесячная газета “Contrafort”, издаваемая с октября 1994 г., представляет собой печатный орган молодых писателей РМ и в целом придерживается тех же идеологических позиций.

«Русское слово» и “Literatura si Arta” вместе с “Contrafort” оказываются полярно противоположными в вопросах культурной политики и культурной памяти, часть которой составляет оценка исторического прошлого страны. Между этими позициями находится большое количество смешанных и не таких однозначных дискурсов, но их исследование представляется уже следующим шагом и должно опираться на предварительный анализ наиболее ярко выраженных дискурсов.

Однако, несмотря на представление конкурирующих идеологических позиций зачастую с противоположной оценкой истории, издания прибегают к общим стратегиям репрезентации прошлого Республики Молдова:

1. Они сфокусированы на репрезентации тех событий, интерпретация которых является спорной в стране и при этом влияет на современный политический выбор.

2. Они выстраивают свою цепочку релевантных событий и помещают их в контекст, соответствующий их оценке событий; создают плотную, насыщенную деталями, лицами репрезентацию для одних периодов и не упоминают другие.

3. Они используют одни и те же оценочные слова-маркеры для разных периодов – «оккупация», «период процветания» и т. д.

Таким образом, анализ выбора событий, из которых создается релевантная картина прошлого [4], и маркеров, используемых изданием для присвоения значений описываемым событиям, позволяет судить о том, какое будущее ожидает страну при данном способе описания прошлого. О подобной связи прошлого и будущего пишет Р. Козеллек: «Нет такой истории, которая бы не конструировалась посредством опыта и ожиданий действующих и переживающих людей» [5 с. 151].

¹Об издании [Электронный ресурс] // Русское слово. URL: <http://russlovo.md/> (дата обращения 2 янв. 2019).

Одним из самых ярких примеров в этом ряду событий оказывается Великая Отечественная / Вторая мировая война и ее важнейшая дата (в обоих дискурсах) – 9 мая, репрезентированная во всех трех изданиях и отвечающая всем вышеперечисленным стратегиям представления исторического прошлого РМ.

При этом важно отметить, что в медийном поле Молдовы существуют и издания, расположенные между рассматриваемыми нами полюсами. Например, информационные порталы eNews.md, News-Maker демонстрируют более сложное отношение к историческому прошлому страны и тому социокультурному контексту, в который она вписана. На наш взгляд, анализ подобных изданий является следующим шагом исследования.

Великая Отечественная война в газете «Русское слово»: День Победы и единение соотечественников с Россией

Великая Отечественная война используется как информационный повод для публикаций разного жанра почти в каждом номере газеты как в описании исторических событий, так и в биографиях культурных и исторических деятелей. Так, помимо отражения ряда более частных событий, связанных с войной, этот информационный повод тесно переплетен и с многочисленными публикациями о героях, воевавших на фронтах, например о столетии участника ВОВ, подводника А. Маринеско². Если стиль и повестка первых номеров газеты и ее сегодняшних выпусков во многом отличаются, то в отношении освещения Великой Отечественной войны изменений практически нет.

Информационными поводами для публикаций, посвященных ВОВ, могут служить, например:

- выход фильма на военную тематику:

Трейлер фильма поставил рекорд в Интернете, за полтора дня собрав миллион просмотров. Вечером 15 ноября, в день 74-й годовщины легендарного боя героев-панфиловцев у разъезда Дубосеково, в Сети появился первый полноценный трейлер фильма, а к утру следующего дня выяснилось, что его посмотрели 300 тысяч человек. На следующий день цифра просмотров возросла до миллиона³;

- события, связанные с установкой или освещением памятников героям ВОВ:

²Век подводного аса // Русское слово. 2013. № 2.

³28 панфиловцев // Русское слово. 2015. № 41.

5 декабря прихожане кишиневской церкви Святого равноапостольного князя Владимира во главе с ее настоятелем, отцом Александром (Мендруляком), провели освящение поклонных крестов в память о погибших на Шерпенском плацдарме советских воинов. Мероприятие было приурочено ко Дню Неизвестного солдата⁴;

- деятельность общественных организаций, занимающихся поддержанием памяти о ВОВ:

15 марта в рамках деятельности Национального координационного комитета «Победа» в лицее имени Дмитрия Кантемира г. Кагула при поддержке Русско-славянской общины района состоялась презентация выставки фотографий, документов и боевых наград «Бессмертный Сталинград», приуроченная к 75-й годовщине победы Красной Армии в Сталинградской битве⁵;

16 и 17 сентября в рамках деятельности Национального координационного комитета «Победа» в селе Каприяна Страшенского района прошел десятый детский военно-патриотический слет юных туристов «Будем достойны»⁶.

Приведенные примеры демонстрируют разнообразные тематические связи в подобных публикациях. Так, мы узнаем о том, что деятельность русских общин направлена на поддержание героического дискурса о ВОВ и описания этого исторического опыта как основы для дружеских отношений с Россией.

Помимо этого мы узнаем об активной деятельности поисково-спасательного отряда «Август», который зачастую становится одним из ньюсмейкеров в анализируемой нами тематике. О том, чем занимается «Август», мы понимаем по отдельным публикациям, посвященным его деятельности (например, по интервью с заместителем командира поискового отряда Сергеем Лутохиным из публикации «Тяжелый металл»⁷). Кроме того, несложно проследить и сцепку христианских ценностей с памятью о ВОВ, что в целом довольно часто используется при подчеркивании духовных и культурных связей Молдовы с Россией. В случае с отрядом «Август» она легко осуществляется через апелляцию к деятельности его поисковика отца Александра.

⁴Дань памяти героям Отечества // Русское слово. 2015. № 43.

⁵Дороги Победы // Русское слово. 2018. № 11.

⁶Слет юных туристов «Будем достойны» // Русское слово. 2017. № 31.

⁷Тяжелый металл // Русское слово. 2018. № 16.

Важно также отметить, что в последние годы Молдова присоединилась к акции «Бессмертный полк», что создает дополнительную связь с соотечественниками и с Россией. Акция освещается непосредственно перед и после 9 мая (см., например, публикацию «Бережное сохранение памяти о героизме военных лет – наш общий долг»⁸ или публикацию «Знаем, помним, гордимся!»⁹ и сопровождающий ее фоторяд).

Таким образом, опираясь на тексты газеты «Русское слово», мы можем утверждать, что данный дискурс служит для маркирования страны как «своей», дружественной России, а также указывает на включенность Молдовы в постсоветское пространство. Если следовать описанию праздника Победы как объединяющего всех россиян, то для «соотечественников» (как мы помним, сегодня «Русское слово» является газетой именно для соотечественников) этот праздник символизирует единение с россиянами. Подобный дискурс позволяет формировать представления о совместном героическом преодолении сложностей в прошлом, что, вероятно, предполагает восстановление былого величия при объединении сил в будущем.

Вторая мировая война в газетах “Literatura si Arta” и “Contrafort”: чужая война, отнятый праздник – День Европы

Как уже упоминалось выше, румыноязычные¹⁰ издания реализуют структурно похожую стратегию репрезентации истории в целом, но содержательно наполняют ее другими, зачастую противоположными, смыслами.

Важным отличием от дискурса газеты «Русское слово» является иное членение временных отрезков. Вторая мировая война (максимально приближенная к периоду Великой Отечественной войны) редко оказывается в фокусе внимания сама по себе, гораздо чаще линия времени с одной стороны отделена 1940 годом (год присоединения Бессарабии к Молдавской Автономной Советской

⁸ Бережное сохранение памяти о героизме военных лет – наш общий долг // Русское слово. 2018. № 16.

⁹ Знаем, помним, гордимся! // Русское слово». 2017. № 17.

¹⁰ Важно отметить, что, хотя в нашем случае раздел дискурсивных стратегий и совпадает с языком издания, при анализе всех изданий в РМ картина окажется более сложной и границы не будут совпадать с основным языком издания, более того, многие издания используют смешанные дискурсы и их поляризация не будет такой очевидной.

Социалистической Республике), а с другой – 1991 или 1989 г. как разными вариантами точки распада СССР и окончания периода советского режима. Таким образом, наши примеры будут отличаться от выдержек из «Русского слова» в первую очередь тем, что они затрагивают более широкий временной промежуток.

Однако существует и ряд текстов, посвященных войне и победе советских войск в ней. Так, одним из самых ярких материалов, по которым можно судить о дискурсе выбранных нами для анализа румыноязычных изданий в отношении рассматриваемого исторического периода, является статья «День их победы», опубликованная в мае 2013 г. в газете “Literatura si Arta”:

9 мая – день победы. Их победы. Тех, кто навалился на нас своими танками, проехавшись по нашим церквям, школам, судьбам. Мой отец вместе с еще 300 тысячами бессарабцев был насильно мобилизован 24 августа 1944 года. Из 20 его двоюродных братьев из Чиркэеший Ной он один вернулся в родное село. Могилы остальных рассыпаны по всей Европе. Они были просто пушечным мясом, – обязанные отдать жизнь за родину, которая не была их родиной, и воевать в войне, которая не была их войной¹¹.

Как видно из приведенной выдержки, газета репрезентирует 9 мая не как день победы над завоевателями, что является каноническим способом репрезентации окончания Второй мировой и/или Великой Отечественной войны в мире, но победой завоевателей – русских оккупантов. Совершая такую замену, издание создает обоснование, на котором строится смысловая связка «советский террор – Великая Отечественная война», реализуемая во многих других его публикациях. В данном случае те, кто в газете «Русское слово» выступает победителями, в газете “Literatura si Arta” оказываются жертвами.

Пример с идентичным посылом можно встретить в другом номере «Literatura si Arta»: «Додон-усатовская коалиция выставила свои палатки в “городке победы” (чьей? русских!) прямо напротив законодательной власти»¹².

Приведем еще одну выдержку из уже процитированной статьи:

Та война не была его войной. Он, так же как и сотни тысяч других бессарабцев, отдал жизнь, здоровье ради чужой победы. И в это 9 мая нас снова унизили те, кто называет себя нашими «освободителями», те, кто забыл вернуться домой. В этот день в центре Кишинева возро-

¹¹ День их победы (Ziua victoriei lor) // Literatura si Arta. 2013. № 18.

¹² Когда пробьет час правды (Cand va bate ora adevarului) // Literatura si Arta. 2015. № 52.

дился бывший СССР. Все ностальгирующие, агрессивные русофоны, в том числе и молодежь с повязками «анти-ро» (Анти-Румыния), собрались в этот день на Площади Великого Национального Собрания. С утра и до самого позднего вечера здесь, в День Европы, пели любимые песни товарища Сталина. Нас поздравили (на русском языке) с тем, что 68 лет назад мы, румыны Бессарабии, были освобождены «от румынского ига» великой Красной Армией, которая разбила «9 мая 1945 года фашистские румынско-немецкие войска»¹³.

Данная цитата также демонстрирует, какую альтернативу предлагает «Literatura si Arta» Дню Победы – День Европы. Однако интересно, что издание не только пытается показать глубокие и непреодолимые различия в позициях «советских войск», «русских» и местного населения, но и не соглашается с определением «немецко-румынские войска». При таком подходе остается не проясненной позиция, которую занимали румынские войска.

Стоит отметить, что эта публикация вызвала широкий негативный резонанс в стране, была переведена на русский язык и опубликована на нескольких медийных площадках страны – enews.md, ava.md, forum.md.

Другим важным отличием дискурса русскоязычного и румыноязычных изданий, хорошо прослеживаемым в приведенном примере, является степень объективности vs субъективной вовлеченности. В отличие от газеты «Русское слово», где привязка к соответствующему историческому периоду осуществляется преимущественно через создание информационных поводов, относящихся к актуальному настоящему, «Literatura si Arta» обращается к личным историям о жизни отдельного человека и влиянии войны на нее. Как уже было указано выше, нарратив о годах Великой Отечественной войны в этих изданиях сливается с нарративом о годах советского террора, также характеризуемого в основном через личные истории полкоманных режимом судей:

В Кишиневе такое признание диссертации Еуджена Руссева задело как историков посредственных, но верно служащих режиму, так и партийные органы, которые не могли принять, что сын члена Сфатул Цэрий, личность с «буржуазным образованием», выученный профессорами – «врагами народной демократии» (на тот момент его наставник П. Панаитеску был политическим заключенным), мог быть первым доктором истории в МССР. Не забываем, что 1949–1951 гг. были для Бессарабии периодом сталинского террора (повторение террора 1937 г. в СССР)¹⁴.

¹³ О времена, о нравы!.. (O tempora, o mores!..) // Literatura si Arta. 2015. № 52.

В целом же период описывается через категории несвободы, принуждения, ограничения. Это повторяющееся описание может касаться различных временных рамок и распространяться не только на Бессарабию, Молдавскую Советскую Социалистическую Республику (МССР) или Румынию, которые тесно связаны в этом дискурсе, но и на многие другие страны Восточной Европы. Таким образом, нынешняя Республика Молдова оказывается не частью постсоветского русскоговорящего пространства, как в газете «Русское слово», а частью Восточной Европы, пострадавшей от тоталитарных коммунистических режимов. Ярче всего это проявляется на примере рецензий в «Contrafort» на различные исторические труды (см., например, публикации «Пленники истории»¹⁵ или «Архивы коммунизма»¹⁶).

Таким образом, можно утверждать, что в дискурсах «Literatura si Arta» и «Contrafort» Республика Молдова связывается с румыноязычным пространством, а в более широком контексте – с восточноевропейскими странами, пострадавшими от тоталитарных коммунистических режимов. При этом 9 мая используется как ресурс для того, чтобы подчеркнуть актуальность проблемы взаимодействия с наследниками тоталитарных режимов, и оказывается не Днем Европы, а днем победы оккупантов. Такие маркеры и пространственно-временное членение позволяют формировать ожидание повторения ужасов советской оккупации и сталинского террора в случае, если Молдова будет сближаться с Россией. Если для «Русского слова» День Победы оказывается самодостаточным событием и информационным поводом, то для «Literatura si Arta» и «Contrafort» это скорее повод напомнить о «красном терроре». Два румыноязычных издания не только редко описывают период Второй мировой войны, но и в целом выделяют другие исторические периоды, временные границы которых разрывают период войны (1940 г.) и ею не заканчиваются (1950-е гг., 1989 г., 1991 г.).

¹⁴ Когда пробьет час правды (Cand va bate ora adevarului) // Literatura si Arta. 2015. № 52.

¹⁵ Пленники истории (Prizonieri istoriei) [Электронный ресурс] // Contrafort. 2011. URL: <http://www.contrafort.md/numere/prizonierii-istoriei> (дата обращения 2 янв. 2019)

¹⁶ Архивы коммунизма (Arhivele comunismului) [Электронный ресурс] // Contrafort. 2010. URL: <http://www.contrafort.md/numere/arhivele-comunismului-archives-et-histoire-dans-les-soci-t-s-post-communistes> (дата обращения 2 янв. 2019)

Заключение

Проведенный анализ показал, что в медийном пространстве Республики Молдова происходит борьба за описание некоторых периодов в истории, маркируемых как значимые для осмысления опыта страны. Одним из них оказывается период 1941–1945 гг., определяемый либо как самостоятельный отрезок времени, в который произошла Великая Отечественная война, либо как часть более длительного периода советской оккупации. Описание событий прошлого непосредственно влияет на восприятие тех возможностей, которые сегодня стоят перед страной: либо вернуться к дружбе со странами бывшего СССР, и в первую очередь с Россией, что уже однажды принесло миру великую победу над фашизмом, либо застраховать страну от повторения трагического периода советской оккупации. Дискурсивная борьба в этом случае оказывается одним из способов легитимации выбора геополитического вектора. Издания «собирают» свою цепочку релевантных событий, опираясь на них при создании прогнозов для страны (в своих программах), формируя определенный горизонт ожиданий.

Оба способа описания не являются универсальными, однако изнутри позиционируются как таковые, что наглядно демонстрирует двойственное требование универсальности и равной возможности репрезентации конкурирующих дискурсов, о которых писал Э. Лаклау.

Литература

1. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
2. *Йоргенсен М., Филлипс Л.* Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2008. 352 с.
3. *Laclau E.* Democracy and the Question of Power // *Constellations*. 2001. Vol. 8 (1). P. 3–14.
4. *Филитов А.Ф.* Конструирование прошлого в процессе коммуникации: теоретическая логика социологического подхода // *Феномен прошлого*. Москва: ГУ–ВШЭ, 2005. С. 96–120.
5. *Козеллек Р.* «Пространство опыта» и «горизонт ожидания» – две исторические категории // *Социология власти*. 2016. № 2. С. 149–173.

References

1. Assmann A. The Long Shadow of the Past: Memory Culture and Memory Politics. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2014. 328 p. [In Russ.]
2. Jorgensen, M., Fillips, L. Discourse Analysis as Theory and Method. Kharkov: Gumanitarnii tseentr; 2008. 352 p. [In Russ.]
3. Laclau E. Democracy and the Question of Power. *Constellations*. 2001;8(1):3-14.
4. Filippov AF. Construction of the Past in the Communication Process: Theoretical Logic of Sociological Approach. *Phenomenon of the Past*. Moscow: Higher School of Economics; 2005. p. 96-120. [In Russ.]
5. Koselleck R. "Space of Experience" and "Horizon of Expectation": Two Historical Categories. *Sociology of Power*. 2016;2:149-173. [In Russ.]

Информация об авторе

Ирина С. Душакова, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; dusacova@gmail.com

Information about the author

Irina S. Dushakova, RUDN University, Moscow, Russia; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198; dusacova@gmail.com

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор *О.К. Юрьев*

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Подписано в печать 29.03.2019.
Формат 60×90 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 9,5. Уч.-изд. л. 10,0.
Тираж 1050 экз. Заказ № 489

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rgggu.ru
www.knigirgggu.ru